

41 #2 2022

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 41 #2 2022

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPIC

*Cyberspace: Looking Beyond the Horizon
of Modern Law*

Digitalization of Tax Administration

*Legal Status of Subjects of Creative Activity:
The Experience of Uzbekistan*

*Property Aspects of Non-Property Rights
Museum Rights*

Rights and Legitimate Interests of Gamers

Legal Capacity of Artificial Intelligence?

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2022

Том 41 #2 2022

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

*Киберпространство: заглядывая
за горизонт современного права*

*Цифровизация налогового
администрирования*

*Правовой статус субъектов творческой
деятельности: опыт Узбекистана*

*Имущественные аспекты
неимущественных прав*

Музейные права

Права и законные интересы геймеров

*Правосубъектность искусственного
интеллекта?*

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2022

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on
September 16, 2021 in the Federal
Service of Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate of registration of mass media
ΦC77–81925.

The reproduction of articles and other
materials against the will of the copyright
holders is prohibited in accordance with
paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code
of the Russian Federation.

The RLS "ConsultantPlus" was used when
preparing the journal.

The journal is included in the List of
peer-reviewed scientific publications
recommended by the Higher Attestation
Commission of the Ministry of Higher
Education and Science of Russian
Federation for the publication of the
main research results for the degree of
candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue "Russian Press" 11287

Address:
National Research University Higher
School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: tis@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 41 #2 2022

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ΦC77–45963 dated 15/07/2011)

Publishers:

National Research University Higher School of Economics
Creativity Center for UNESCO

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the
Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright,
Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are
responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for
opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not
commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

NATALIA YAKIMOVSKAYA (HSE, Russian Federation)

Editorial Council:

YURI BATURIN (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

IVAN BLIZNETS (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

ELENA VOINIKANIS (HSE, Russian Federation)

EDUARD GAVRILOV (HSE, Russian Federation)

GADIS GADZHIEV (HSE, Russian Federation)

ADOLF DIETZ (Max Planck Society, Germany)

MIKHAIL KRASNOV (HSE, Russian Federation)

PETER MAGGS (University of Illinois, USA)

OLEG NERETIN (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)

ANGELIKA NUSSBERGER (University of Cologne, Germany)

SERGEY POTAPENKO (Kuban State University, Russian Federation)

ILYA RASSOLOV (Moscow City University, Russian Federation)

ALEXANDR SERGEEV (HSE, Russian Federation)

ANTON SERGO (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)

ASTAMUR TEDEEV (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

ILYA SHABLINSKY (State Academic University for the Humanities, Russian Federation)

SERGEY SHAKHRAV (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)

© National Research University
Higher School of Economics, 2022

unesco

Кафедра

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, кор. 4, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел.: +7 495 772 95 90 *15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:

Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022

Напечатано с готового оригинал-макета. ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42.

Подписано к печати 10.06.2022 г.
Формат 60×90 1/8. Усл.печ.л. 13,75.
Тираж 300 экз. Заказ № 000

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 41 #2 2022

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ
№ 018878 от 28. 05.1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредители:

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Автономная некоммерческая организация «Творческий центр ЮНЕСКО».

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор

ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

ЯКИМОВСКАЯ Н.Л. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:

БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности, Российская Федерация)

НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет, Российская Федерация)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российская Федерация)

ТЕДЕЕВ А.А. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

ШАБЛИНСКИЙ И.Г. (Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация)

ШАХРАЙ С.М. (Университет МГУ-ППИ в Шеньчжэне, КНР)

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.00. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Х.Д. ПИРЦХАЛАВА. Цифровизация и защита прав гражданина в сфере массовых коммуникаций в рамках интеграционных объединений	8
О.М. ГНЕРРЕ. Цифровые сферы влияния и будущее интернета	13
А.К. ЖАРОВА. Необходимо ли ужесточение требований об обязательном общем мониторинге информации провайдером хостинга?	21
Е.М. ГРЕКОВА. Правовые аспекты оценки эффективности применения информационных технологий в налоговом администрировании	30

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А.Х. САИДОВ, О.О. ОКЮЛОВ. Некоторые аспекты усиления правовых основ защиты прав и законных интересов субъектов творческой деятельности	38
И.А. МИХАЙЛОВА. Имущественная составляющая личных неимущественных авторских прав: вопросы теории и практики	44
В.Д. БУРДОВА. Дуализм правовой природы музейных прав	54
М.В. ДОРОШЕНКО. Коммуникационно-правовой дизайн сферы интеллектуальной собственности в медиаэпоху	60
М.О. ЗВЕРЕВ. Права геймеров на виртуальную собственность	69
Е.О. ЛЕМЯЦКИХ. Простые сложности: статус видеоигры и особенности ее правовой охраны	80

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Е.О. ФЕДУРЮК. Автономность как критерий правосубъектности искусственного интеллекта и его применение в сфере интеллектуальных прав	90
Д.А. ЧЕРНОУСОВ. Искусственный интеллект: первые шаги к субъектности в праве	98

О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО	107
----------------------------	-----

TABLE OF CONTENTS

12.00.00. Juridical Sciences

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

Khatia D. PIRTSHALAVA. Digitalization and protection of the rights of a citizen in the field of mass communications within the framework of integration associations.	8
Orazio Maria GNERRE. Digital spheres of influence and the future of the web.	13
Anna K. ZHAROVA. Is it necessary to tighten the requirements for mandatory general monitoring of information by hosting providers?	21
Ekaterina M. GREKOVA. Evaluation of the effectiveness of information technologies in tax administration: legal framework	30

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Akmal Kh. SAIDOV, Omonboy O. OKYLOV. Some aspects of strengthening the legal framework for the protection of the rights and legitimate interests of subjects of creative activity	38
Irina A. MIKHAYLOVA. The property component of personal non-property copyright: issues of theory and practice.	44
Veronika D. BURDOVA. Dualism of the legal nature of museum rights	54
Mariya V. DOROSHENKO. Communication and Legal Design of intellectual property in the media era.	60
Maxim O. Zverev Gamers' rights to virtual property	69
Ekaterina O. LEMYATSKIKH. Simple complexities: the status of a video game and the features of its legal protection.	80

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW

Elena O. FEDORUK. Autonomy as a criterion of legal personality of artificial intelligence and its application in the field of intellectual rights	90
Dmitry A. CHERNOUSOV. Artificial intelligence: the first steps to subjectivity in law	98

ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS	109
---	-----

Научная статья

УДК: 341.9.019

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14438>

Original article

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАНИНА В СФЕРЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

DIGITALIZATION AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF A CITIZEN IN THE FIELD OF MASS COMMUNICATIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF INTEGRATION ASSOCIATIONS

Хатиа Давидовна ПИРЦХАЛАВА

Московский государственный юридический университет
(МГЮА) имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия,
hdpirchalava@msal.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0317-3284>

Информация об авторе

Х.Д. Пирцхалава — кандидат юридических наук, доцент
кафедры международного частного права Московского
государственного юридического университета (МГЮА)
имени О.Е. Кутафина

Аннотация. Человечество вступило в новую фазу проблем, которые в условиях ускоренной глобализации перестали быть внутренними и превратились в глобальные, несмотря на то что порой это не всегда признается государствами. Цифровизация секторов экономики для экономического развития государств может быть положительным явлением, но данный тренд привел к необходимости осмысления того, как будут действовать фундаментальные права человека и гражданина, которые закреплены государствами в рамках ООН, а также в конституциях стран.

Человечество с развитием современных цифровых технологий пытается осмыслить сочетание консервативного подхода к развитию права с инновациями. Инно-

- вации, безусловно, необходимы, но пандемия показала, насколько мы все уязвимы. Защита прав всех граждан в сфере массовых коммуникаций чрезвычайно важна и не потеряет своей актуальности и впредь.
- Безусловно, необходима консолидация всего мирового сообщества для преодоления новых вызовов и проблем. Инновационное развитие права возможно только в сочетании с историческими традициями его развития, нормами морали. По сути, возникающие проблемы связаны с тем, что люди отходят от классического понимания добра и зла, справедливости, чести, добросовестности, а если не отходят, то всячески стараются отойти, что наносит вред развитию человечества в целом. Проблемы с нарушениями в сфере массовых коммуникаций связаны как раз с данными факторами. Инновационное развитие экономик государств и трансформация права в положительном ракурсе возможны, только когда вектор развития государства направлен на сочетание норм морали, религии и права.
- Цифровизация должна объединять людей, способствовать гармоничному развитию личности, государств.
- Объединять всегда сложно, но совместными усилиями это возможно.

Ключевые слова: верховенство права, универсальные конвенции, стратегии, конституционность, интеграци-

онные объединения, защита прав гражданина в сфере массовых коммуникаций, цифровые технологии

Для цитирования: Пирцхалава Х.Д. Цифровизация и защита прав гражданина в сфере массовых коммуникаций в рамках интеграционных объединений // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2021. Т. 41, № 2. С. 8–12; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14438>

Khatia D. PIRTSKHALAVA

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia,
hdpirchalava@msal.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0317-3284>

Information about the author

Kh.D. Pirtskhalava — candidate of Legal Sciences, associate professor department of International private law Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Abstract. At present, mankind has entered a new phase of problems and concerns, which, in the context of the accelerated pace of globalization, have ceased to be internal, in fact, are global, despite the fact that sometimes the level of globality of these problems is not always recognized by states. The digitalization of economic sectors for the economic development of states can and is positive, but this trend has led to the need to understand how the fundamental rights of man and citizen, which are enshrined by states in the UN covenants, as well as in the Constitutions, will operate.

With the development of modern digital technologies, mankind is confused in understanding the combination of a conservative approach to the development of law with innovation. Innovation is certainly necessary, but the pandemic has shown how vulnerable we all are.

Protecting the rights of all citizens in the field of mass communications is, of course, important and will not lose its relevance in the future. Undoubtedly, the consolidation of the entire world community is necessary to overcome new challenges and problems. Innovative development of law is possible only in combination with the historical traditions of its development, moral norms.

Since, in fact, the problems that arise are related to the fact that humanity is moving away from the classical understanding of good and evil, justice, honor, conscientiousness, and if it does not move away, then it tries in every possible way to move away, which harms the development of all mankind as a whole. Problems with violations in the sphere of mass communications are connected precisely with these factors. The innovative development of the economies of

- states and the transformation of law in a positive perspective is possible only when the vector of development of the state is aimed at combining the classics: the norms of morality, religion and law.

- Digitalization should unite people; promote the harmonious development of the individual and states. It is always difficult to unite, but it is possible by joint efforts.

- **Keywords:** rule of law, universal conventions, strategies, constitutionality, integration associations, protection of the rights of a citizen in the field of mass communications, digital technologies

- **For citation:** Pirtskhalava Kh.D. Digitalization and protection of the rights of a citizen in the field of mass communications within the framework of integration associations // Trudy po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2021. Vol. 41(2). P. 8–12; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14438>

В 2005 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция — итоговый документ Всемирного саммита, в котором указано: «Мы считаем, что сегодня в большей мере, чем когда-либо, мы живем в глобальном и взаимозависимом мире. Ни одно государство не может держаться абсолютно особняком. Мы признаем, что коллективная безопасность зависит от эффективно-го сотрудничества в соответствии с международным правом, в борьбе с транснациональными угрозами» [1].

Отметим, что в Резолюции акцент сделан на верховенстве права:

«Признавая необходимость всеобщего обеспечения и соблюдения верховенства права как на национальном, так и на международном уровнях, мы:

а) вновь подтверждаем нашу приверженность целям и принципам Устава и международного права и приверженность международному порядку, основанному на верховенстве права и международном праве, что абсолютно необходимо для мирного сосуществования и сотрудничества между государствами» [2].

В рамках ООН в 2015 г. были приняты Цели устойчивого развития. В разделе «Права человека» указаны следующие принципы:

Принцип 1: Деловые круги должны поддерживать и уважать защиту провозглашенных на международном уровне прав человека;

Принцип 2: Деловые круги не должны быть причастны к нарушениям прав человека.

Обращают на себя внимание указанные здесь цели:

Цель 9. Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям.

Цель 10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними.

Цель 16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях [2].

В РФ в 1994 г. был принят Кодекс профессиональной этики российского журналиста, в п. 3 которого закреплено:

«Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он

убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений».

В п. 10 сказано:

«Журналист пользуется и отстаивает свое право пользоваться всеми предусмотренными гражданским и уголовным законодательством гарантиями защиты в судебном и ином порядке от насилия или угрозы насилия, оскорбления, морального ущерба, диффамации» [3].

В 2021 г. Решением Конституционного Суда Российской Федерации одобрены Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию КС РФ), в которых отмечено:

«Юридико-технические особенности продиктованы стремлением облегчить, насколько это возможно, нормотворческое и правоприменительное исполнение решений Конституционного Суда при максимальной полной реализации всего объема конституционно-контрольных полномочий в целях защиты конституционных прав и свобод.

Признание причиной отступлений от требований Конституции неконцептуальных либо юридико-технических изъянов самой по себе нормы, но устойчиво допускаемого на практике искажения ее действительного смысла предполагает не законодательную, а правоприменительную коррекцию подвергшихся проверке законоположений, чем в том числе определяется и юридическая техника конституционно-контрольного воздействия» [4].

В 2010 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”», в котором указано, что «при применении законодательства, регулирующего вопросы свободы слова и свободы массовой информации, судам необходимо обеспечивать баланс между правами и свободами, гарантированными ст. 29 Конституции Российской Федерации, с одной стороны, и иными правами и свободами человека и гражданина, а также охраняемыми Конституцией Российской Федерации ценностями, с другой».

При разрешении дел, связанных с деятельностью средств массовой информации, необходимо принимать во внимание, что осуществление свободы выражения мнений и свободы массовой информации налагает особые обязанности, особую ответственность и может быть сопряжено с ограничениями, установленными законом и необходимыми в демократическом обществе для уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности и общественного порядка, предотвращения беспорядков и преступлений, охраны здоровья и нравственности, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (ст. 29 Всеобщей декларации прав человека; п. 3 ст. 19 и ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах; п. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; ст. 29 и 55 Конституции Российской Федерации).

Положения ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации предусматривают, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

С учетом этого при рассмотрении вопроса о действии ограничений в отношении лиц, занимающихся производством и распространением массовой информации, а также при решении вопроса о привлечении таких лиц к ответственности судам следует определить, установлены ли эти ограничения федеральным законом [5].

В рамках ЕАЭС действует Договор о Евразийском экономическом союзе, в котором закреплено «обеспечение защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе в сети Интернет».

Основные направления этой деятельности:

- 1) поддержка научного и инновационного развития;
- 2) совершенствование механизмов коммерциализации и использования объектов интеллектуальной собственности;
- 3) предоставление благоприятных условий для обладателей авторского права и смежных прав государств-членов [6].

В 2020 г. было принято Решение ЕАЭС «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.». В нем закреплено следующее положение: «учитывая тенденцию к постоянному развитию цифровых технологий и потребность в повышении уровня взаимодействия между государствами-членами, необходимо продолжить

работу по обеспечению беспрепятственного пропускa интернет-графика, в том числе транзитного» [7].

В рамках БРИКС (группы из пяти стран: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР) была принята Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. (далее — Стратегия БРИКС), в которой отмечается важность признания цифрового управления в эпоху глобальной цифровизации и развития сотрудничества в данной области, в том числе в рамках Целевой рабочей группы БРИКС по вопросам цифровизации.

В основе Стратегии БРИКС лежат следующие принципы: всестороннее уважение суверенитета стран объединения; приверженность принципам международного права и признание лидирующей роли Организации Объединенных Наций в вопросах развития и безопасности; учет национальных интересов, приоритетов, темпов роста и стратегий развития стран объединения; открытость, обмен информацией и принятие решений на основе консенсуса [8].

В 2021 г. была принята Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС (Шанхайской организации сотрудничества), в которой указано, что государства-члены выступают категорически против милитаризации ИКТ-сферы (сферы информационно-коммуникационных технологий), считая необходимым обеспечение использования современных технологий в мирных целях, создание безопасного, справедливого и открытого информационного пространства, построенного на принципах уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран.

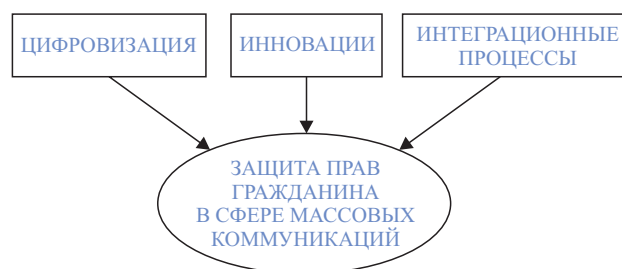
Кроме того, указано на взаимодействие в судебной сфере: «Государства — члены ШОС продолжают выстраивать практическое взаимодействие и консолидировать усилия в сфере обеспечения международной информационной безопасности на основе соответствующего Плана взаимодействия на 2022-2023 гг. и других принятых в Организации документов. Государства-члены отмечают, что плодотворное сотрудничество по линии председателей верховных судов является надежной платформой для совершенствования совместной деятельности в области защиты прав и свобод человека, укрепления справедливости, законности и правопорядка».

В разделе «Права человека» отмечается, что государства-члены, обязуясь действовать в соответствии с принципами Устава ООН, «подтверждают универсальность, неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность всех прав человека, а также свои обязательства соблюдать права и основные свободы человека, выступают против применения “двойных стандартов” в вопросах прав человека и вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом их защиты».

Они отметили необходимость строго и последовательно уважать исторические традиции и суверенное равенство всех государств».

Главы государств — членов ШОС подчеркивают, что приоритетным направлением в международной деятельности ШОС является «укрепление и развитие связей с Организацией Объединенных Наций и ее специализированными учреждениями в области борьбы с новыми вызовами и угрозами, экономического, социального, гуманитарного и культурного развития» [9].

Таким образом, необходимо принятие новых универсальных и региональных конвенций для защиты прав гражданина в сфере массовых коммуникаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Резолюция 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16.09.2005. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml
2. Цели устойчивого развития ООН. — URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>
3. Кодекс профессиональной этики российского журналиста. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901854413>
4. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) от 19.10.2021. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf>
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // Российская газета от 20.09.2010 № 211.
6. Договор о Евразийском экономическом Союзе от 29.05.2014 г. — URL: https://economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf
7. Решение ЕАЭС «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.». — URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-01-2021-1.aspx>

8. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. — URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf>
9. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36745475

REFERENCES

1. Rezolyutsiya 60/1 General'noy Assamblei ot 16.09.2005. Itogovyy dokument Vsemirnogo sammita 2005 g. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml
2. Tseli ustoychivogo razvitiya OON. — URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>
3. Kodeks professional'noy etiki rossiyskogo zhurnalista. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901854413>
4. Metodologicheskiye aspekty konstitutsionnogo kontrolya (k 30-letiyu Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii) ot 19.10.2021. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf>
5. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii No 16 “O praktike primeneniya sudami Zakona Rossiyskoy Federatsii “O sredstvakh massovoy informatsii” // Rossiyskaya gazeta ot 20.09.2010 No 211.
6. Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014. — URL: https://economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf
7. Decision of the EAEU “On the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025”. — URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-01-2021-1.aspx>
8. BRICS Economic Partnership Strategy until 2025. — URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf>
9. Dushanbinskaya deklaratsiya dvadtsatiletiya SHOS. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36745475

ЦИФРОВЫЕ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ И БУДУЩЕЕ ИНТЕРНЕТА¹

DIGITAL SPHERES OF INFLUENCE AND THE FUTURE OF THE WEB²

Орацио М. ГНЕРРЕ

Университет Перуджи, Италия,
oraziomaria.gnerre@studenti.unipg.it,
<https://orcid.org/0000-0002-5923-6216>

Информация об авторе

Орацио М. Гнерре — аспирант Университета Перуджи, Италия

Аннотация. Всемирная паутина, как известно, родилась вместе с военным проектом Arpanet в целях гарантии точности и распространения военной информации во время холодной войны. По завершении этой исторической фазы данное изобретение было преобразовано для гражданских целей, подвергаясь влиянию создания информации «снизу». Тем не менее, несмотря на использование Сети «снизу вверх», Запад постепенно внедрял политику контроля и направления информационных потоков. Интернет также может стать вектором информационной конкуренции, и по этой причине все больше региональных или национальных институтов задумываются о развитии собственной инфраструктуры и собственной системы регулирования Сети. Цель данной статьи — рассказать о трансформации Сети с момента ее рождения до текущего состояния, дать обзор разделения Сети в наши дни.

Ключевые слова: всемирная сеть, мультиполяризация, социальные конфликты, коммуникационная политика, сплинтернет

¹ Эта статья основана на моем одноименном докладе на XXX международной конференции «Три десятилетия российского законодательства в области СМИ: итоги и перспективы», организованной юридическим факультетом и факультетом коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ и Кафедрой Юнеско по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам 21 и 22 декабря 2021 г.

² This article is based on my speech of the same title at the XXX international conference “Three Decades of Russian Media Legislation: Results and Prospects” organized by the Faculty of Law and the Faculty of Communications, Media and Design of the HSE University of and by the Unesco Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights on 21st and 22nd December 2021.

- Для цитирования: Гнерре О.М. Цифровые сферы влияния и будущее интернета // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 13–20;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14444>

• **Orazio Marian GNERRE**

University of Perugia, Italy,
oraziomaria.gnerre@studenti.unipg.it,
<https://orcid.org/0000-0002-5923-6216>

Information about the author

• O.M. Gnerre — PhD Student, University of Perugia

- **Abstract.** The World Wide Web was famously born with the Arpanet military project to guarantee the reticularity and dissemination of military information during the Cold War. With this historical phase concluded, this invention was transformed for civil purposes, influencing and being influenced by the creation of information from below. Yet, despite the “bottom-up” use of the network, the West has gradually implemented policies to control and channel information flows. The Internet can also become a vector of information competition, and for this reason more and more regional or national institutions are thinking about developing their own infrastructure and their own network regulation system. This article aims to present the transformation of the network from its birth to its current condition, to give an overview of the partitioning of the web nowadays.

- **Keywords:** world wide web, multipolarization, social conflicts, communication policies, splinternet

- **For citation:** Gnerre O.M. Digital Spheres Of Influence and the Future of the Web // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 41(2). P. 13–20;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14444>

1. Internet technology is covering the whole world with its complex infrastructure. Its presence is gradually becoming more pervasive, so that its aims and nature often merge with very different conceptions, visions and ideas. It has become, in a very short time, a tool for communication, information and data archiving, as well as a political, informative and also ideological battlefield. Its presence alone stimulates the debate on the extent of the right to free expression that it must allow, and this is further complicated by the difficulty of applying national regulations and legal codes to a reality that, by its nature, tends to cross borders and to presenting itself as transnational.

Often, indeed, the only apparently transnational image of the network does not allow those who use it to understand its true nature, confusing the network with the ideology or ideologies with which it marries and of which it becomes a vector. In some narratives, for example, the very concept of the internet (and the use of the internet) becomes synonymous with freedom of expression and, therefore, human rights, often confusing the means with the end or the way of use and, once again, with the regulations.

Within this conceptual chaos, it becomes important to understand the internet for what it actually is, that is a specific technology. As such, the approach that should be maintained should be to consider the instrumental scope, the uses, the organizational possibilities deriving from it and therefore the actors who benefit from it and the various contrasts between them (and through the network) are born.

It will thus become clear that the Internet is nothing more than a new information technology, much more powerful, faster and more precise than the previous ones, and that it has accelerated some often pre-existing phenomena exponentially. Furthermore, like any information technology, it strengthens and feeds phenomena of a political nature (and therefore *military* according to the famous Clausewitz's definition³), both from the top

to the bottom, from the bottom upwards, and between actors below and actors at the top. The Internet is, therefore, the place *par excellence* of asymmetry, where conflicting faults find their maximum expression, even if often not directly violent. Its versatility allows an extensive use and a multivectoriality that, with other parameters, were also typical of other forms of information in history.

One of the most striking examples of the political role of information, which in very distant historical times could only be more easily promoted from top to bottom, is that of the inscription of Bēhistūn, through which the rise to the throne of the king Darius of Persia in 522 BC. The historical event in question, as Alessandro Campi remembers⁴, presents itself with multiple versions: that of Aeschylus, that of Herodotus, not least that of Machiavelli in the *Discorsi sopra la prima Deca di Tito Livio*. However, it is the description of the event that Dario himself gives that interests us most, as a demonstration of the political use that political power makes of information:

"[...] The inscription of Bēhistūn [...] represents [...] not only the oldest document, among those known, in which we talk about how Darius came to power, but also a sort of official and definitive version of events, used as a primary source by many of those who subsequently narrated them (starting with Herodotus). In this inscription, it is no coincidence, there is never talk of a conspiracy or a palace maneuver, but of an act of justice against an impostor, aimed at restoring the legitimate dynasty, carried out personally by Darius.

[...] Darius' only concern is to appear, in the eyes of his subjects and of history, a legitimate descendant of Cyrus and Cambyses and present himself as the one who, thanks to a solitary action, was able to avenge the

³ "We see, therefore, that War is not merely a political act, but also a real political instrument, a continuation of political commerce, a carrying out of the same by other means. All beyond this which is strictly peculiar to War relates merely to the peculiar nature of the means which it uses. That the tendencies and views of policy shall not be incompatible with these means, the Art of

War in general and the Commander in each particular case may demand, and this claim is truly not a trifling one. But however powerfully this may react on political views in particular cases, still it must always be regarded as only a modification of them; for the political view is the object, War is the means, and the means must always include the object in our conception". *Carl von Clausewitz. On War* // Start Publishing, Jersey City, 2021, p. 64.

⁴ Campi Alessandro. Una fonte machiavelliana in materia di cospirazioni e trame segrete: Erodoto e la congiura dei sette contro il falso Smerdi // Alessandro Campi e Leonardo Varasano (edited by). *Congiure e complotti. Da Machiavelli a Beppe Grillo*. Rubbettino Editore, Soveria Mannelli, 2016. P. 101 – 128.

deception perpetrated against the Persian people by a rebellious magus.

The “Darius’ version”, if we want to define it that way, is on the one hand an attempt to hide the violent and profane origin of his own power (and to remove the suspicion, advanced even today by various scholars, that he may actually having eliminated not an impostor, but the real Bardiya-Smerdi, therefore the legitimate heir of Cyrus, whose killing in the inscription is explicitly attributed to the responsibility of Cambyses), and on the other a propaganda expedient aimed at presenting his accession to the throne as, at the same time, the execution of a celestial design (which explains the hammering references to the will of Ahura Mazdā, the supreme deity of the Persian pantheon) and a legitimate restoration in the name of historical tradition⁵.

2. The information carrier from top to bottom, however, will be severely tested by historical events. Notoriously, one of the great technical revolutions was that of movable type printing, which made the production and distribution of texts faster and more effective, but the political purposes of letters were, as we have seen, already widely known. Although this system was devised in China by the inventor Bi Sheng, it is interesting to note what has produced its use in Western Europe, in a sociopolitical sphere notoriously subject to effective polyarchy. This invention has fueled the centrifugal forces with respect to already unstable centers of power, as in the case of the Protestant Reformation against the Church of Rome. The role of the press, notoriously, substantiated the Lutheran claim of distributing the Bible to the people, as well as the spread of the typically Renaissance tendency to use vulgar languages compared to ecclesiastical Latin. The fact that the first book to be produced and distributed by Gutenberg between 1454 and 1455 was precisely the Bible seems almost to be an anticipation of a “democratizing” trend in the religious and spiritual sphere, which however predicted events of catastrophic significance. As in the case of the splitting of the atom due to nuclear devices, the disintegration of a unitary conception of faith led, in Europe, to the bloody Wars of Religion, which still today constitute the hidden face of the civilization of the Old Continent, as well as the extreme dramatic possibility of historical events relating to the question of intercultural coexistence. In other words, cultural diffusion from below also means the possibility of an explosion of widespread conflict, hypothetically also of civil war.

This does not mean that the premises of that European civil war that were the Wars of Religion, or even before the Protestant Reformation, were not already there.

Indeed, within the jagged European political landscape, political divergences and different interests proliferated. However, the use of the freer circulation of ideas sharpened certain phenomena and speeded up other processes. Nonetheless, the Hobbesian problem of freedom of faith in the interior forum contiguous with respect for national religion in the public sphere responded to the needs created by the broader pluralization of thought⁶.

The ambivalence that arose in the modern state between free circulation of thought (however limited by religious institutions and cultural traditions) and common national thought for a long time stemmed the worst possibilities of the international conflict, until it exploded again with the political pamphlets generated by the logical outcomes of the democratism of the French Revolution⁷. This inevitably led to the demand for the right to freedom of the press throughout Europe, setting the fire of revolution everywhere.

The press, as the most widespread form of communication, has seen its political role increase in an ever greater way, fueling the growth of political movements and favoring the creation of new ones. It had great importance in 1848, in the formation of the socialist movement, in the birth of fascisms, in the creation of programmatic concepts of the European parties after the Second World War. Characters who have changed the contours of world politics have written for the press building, in one way or another, contemporary history.

To this is added the role, greatly understood by totalitarian regimes, that the newborn radio and cinema media were taking on. Wolfgang Schivelbusch writes about the key role that radio and cinema played in society at the beginning of the 20th century:

“The wireless was the acoustic equivalent of film, the first great dream factory and media intoxicant that gave audiences the illusion of being at the center of things. Audiences perceived the solitude of the darkened cinema and the cozy spot in front of the radio not as isolation but as involvement. Radio enveloped the audience in what was being communicated more closely, intimately, hermetically, and totally than ever before. The disembodied voice on the radio was comparable to the visual images of silent movies in that both swept the audience into a kind of psychological undertow. Audience members couldn’t help but use their imaginations to fill in the gaps that resulted from the absence of a sensual dimension — the sound in silent film and the visuals in radio. Receiving,

⁶ Schmitt Cf. *Carl. The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes: Meaning and Failure of a Political Symbol*. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

⁷ Gough Cf. *Hugh. The newspaper Press in the French Revolution*. London: Routledge, 1988.

⁵ *Ivi*, p. 119-120 [translated from Italian].

in effect, only half the reality, the audience would supply the other half according to their own wishes, fantasies, and convictions. The panic that broke out in the greater New York area in 1938 after Orson Welles's broadcast of "The War of the Worlds" is but one example of the power of the mass imagination when it is called upon to supplement a scenario it has experienced only acoustically"⁸.

3. In modernity, the communication relationships between power and the masses are very varied: from top-down communication, to bottom-up communication, as well as that born from the masses for the masses (as in the case of pamphlets and party political journalism). However, it will be precisely the context of the great international military confrontation that will forge a type of communication for the administrators of power that will completely change history.

Obviously, the reference is to the internet. The genesis of the internet is, as everyone knows, of a military nature. The first draft of what would later become the internet was ARPANET, a network developed by the United States Department of Defense to overcome the problem that would have arisen at the information level in the event of a nuclear war. The years in which Arpanet was born were in fact those of the Cold War, as well as the first steps of contemporary computational technology were instead taken in the Second World War, in the context of the espionage war between the Axis and the Allies. In the specific case of ARPANET, however, a technology born in 1969, the basic idea was to put a network of information centers in communication, so that a distributed architecture of the communication lines could allow the US to maintain contact between the reference points in case of annihilation of one of them by a nuclear device. This obviously brought with it a substantial renewal from the organizational point of view, of the communication infrastructures as well as of the knowledge itself. Its purpose, of a purely military nature, could be as definitive as that of the top-top communication to which we have referred. As mentioned, all this was born from a period of acute conflict, which stemmed first of all from the phase of "hot" confrontation with the European and Asian Axis powers, and then with the great Eastern Bloc and the Soviet power, as well as the rise of China as a new political player on the world stage.

It was only in the nineties that ARPANET changed to the internet, after a phase of use in the exchange of knowledge by universities, thus being marketed to the general public. The purpose of the network changed very

rapidly, with two effective phases of "democratization": in the first, it became a vector of knowledge between academies; in the second, every person who wanted to share his knowledge and information at his disposal with the rest of the world connected to the network would have had the opportunity thanks to the forums. The most logical evolution of all this would have been, shortly after, the social networks, which represent to all effects the channeling of every form of personal expressive capacity into the media chaos of the world wide web.

This process just described could be defined as the birth of a military technology then used for specific purposes, in a certain sense "demilitarized". Many of the inventions used for civilian purposes today have found their birth within the military, and war is notoriously a propeller of technical advancement. In addition, there is also the so-called *dual-use* technology, the purposes of which are simultaneously civil and military.

Yet, Julian Assange, in conversation with other hackers and network theorists, and referring to the phenomenon that will later be revealed to be mass surveillance, will express himself in these terms:

"I notice a certain militarization of cyberspace, in the sense of military occupation. When you communicate via the internet, when you communicate with mobile telephony, which is now intertwined with the internet, your communications are intercepted by the military intelligence services. It's like having a tank in the bedroom, a soldier between you and your wife while texting. We all live under martial law as far as our communications are concerned, we don't see the tanks but they are there. In this sense, the Internet, which was supposed to be a civilian space, has become a militarized space. But it is our space because we all use it to communicate with others and with our family members. The communications at the heart of our private life today pass on the Internet, so in practice our private life has entered a militarized zone. It's like having a soldier under your bed. It is a militarization of civil life"⁹.

The period in which this transformation highlighted by Assange would have taken place would have been that of the so-called "war on terror", which began with the attack on the World Trade Center and the subsequent deployment of American troops in Asia and the Middle East. During this period, all the spaces that America considered strategic were secured, including cyberspace.

In this sense we can realize how the geometries of power with respect to the internet have changed at a very rapid speed, typical of an era of maximum technical ac-

⁸ Schivelbusch Wolfgang. Three new Deals: Reflections on Roosevelt's America, Mussolini's Italy, and Hitler's Germany, 1933–1939. New York: Metropolitan Books, 2006 [quoted from the digital version].

⁹ Assange Julian // Julian Assange. Internet è il nemico. Conversazioni con Jacob Appelbaum, Andy Müller-Maguhn e Jérémie Zimmermann. Milan: Feltrinelli, 2012 [translated from Italian].

celeration like ours. From the top-top communication function the internet has morphed into a bottom-bottom communication system and then into a top-down vector.

4. However, this is the history of the internet until yesterday, which coincides with a very specific phase of international politics. The United States, heirs of the tradition of global control of the seas of the British Empire, true winners of the Second World War together with the Soviet Union and subsequently of the Cold War against the latter, since the fall of the socialist stronghold have attempted the reorganization of the world according to a specific model, generically defined as “unipolar”. The passage from the unipolar to the multipolar moment, as well as the actual meaning of the terms “unipolarism” and “multipolarism” is debated, and this is not the case to get involved in the specificities of this discourse. What is interesting to note is the increase in the specific weight of an actor on the balance of international relations at the end of the global bipolar confrontation — the United States — and the progressive overcoming of this phase through the growth of relative magnitude of other actors. Whether multipolarity is an effective theory of international relations and law, a condition of geopolitical equilibrium or a situation of relative plurality of the main actors (already achieved or in the process of being achieved), the point of the situation here lies in the condition of non-hegemony of a single state-political subject.

The history of the internet has long and to some extent coincided with the history of the post-Cold War United States of America up to now. It is a fact that the internet, born in the US military, began its commercial adventure with the fall of the Berlin Wall. The extension of his field was in many ways also the opening of a great cognitive passage in the world towards Western culture, but it could have been both a vector for the promotion of American soft power and that of countercultural currents. In practice, it was both.

However, it is in this historical phase that the internet has become a synthesis vector of various clashing factors, and this precisely because of the complex historical-political phase in which we are immersed¹⁰. The West is experiencing a conflict of democratization versus verticalization, which in the world is a confrontation between center and periphery that is multiplying its essence. Finally, also in the Western sphere there is a multiplication of the spheres that compose it.

As for the clash that the internet is experiencing today, we must keep in mind the mechanics of economic centralization that we are experiencing in this specific

historical period¹¹. These mechanics have produced the giants of contemporary economics, many of whom are the so-called *big techs*. For these, Nicolas Petit coined the term “mologopoly”, explaining how they work both in competition with each other and as a trust, so as to ensure ever greater slices of power¹². He explains this economic form thus: “the coexistence of structural monopoly with cognitive oligopoly. It calls attention to the possibility of latent and complementary levels of competition in big tech that antitrust and regulatory decision-makers fail to observe. Put differently, while there is an undisputable trend toward industry concentration in the digital economy, there is also a competitive force behind it¹³”.

According to Petit, the conditions imposed by this condition require greater regulation of the power of big techs in matters of privacy, fake news and hate speech¹⁴. If in the first case, however, the growing effective power of these new economic powers is concretely limited, preventing the indiscriminate use of the Big Data that they collect according to the new models of information capitalism, the other two cases are not so simple. The limitation of the so-called fake news and the so-called hate speech can have more or less political purposes, and the demonstration of this is the controversial and dissonant use that of these concepts is made by the opposing parties in Western democracies. Obviously, the process of regulation according to Petit should be guided, in these cases, by supra-economic political authorities, who can guarantee the public interest against instrumental uses of this type of restrictions.

In addition to the possibilities of restricting the power of big techs by the public sphere, there is the bottom-up use of information technology by society. Damiano Palano describes the connection between contemporary populism and the internet in these terms:

“In recent times, the «telepopulism» of the nineties of the last century has also been accompanied by a sort of new «webpopulism», which has found in the Web the channel for communicating with citizens. The most relevant point, according to this interpretation, is that it is precisely the transformations that have taken place in communication that offer the possibility of going beyond the intermediation of parties and their organization and

¹⁰ On the current historical-political phase cf. Orazio Maria Gnerre & Gianfranco La Grassa. *Dialogo sul conflitto*. Neaples: Editoriale Scientifica, 2019.

¹¹ Brancaccio Cf. Emiliano, Giammetti Raffaele, Loprete Milena e Puliga Michelangelo. *Centralization of capital and financial crisis: A global network analysis of corporate control // Structural Change and Economic Dynamics*. 2018. Vol. 45. P. 94–104.

¹² Petit Nicolas. *Big Tech and the Digital Economy: The mologopoly scenario*. Oxford: Oxford University Press, 2020.

¹³ Petit Nicolas. *Big Tech and the Digital Economy: The mologopoly scenario*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 62.

¹⁴ Ivi, p. 238–254.

to establish a direct connection between the leader and the public of potential supporters”¹⁵.

Whole parties of neo-populist brands were born thanks to the web, and the most striking case is certainly that of the *5 Star Movement* in Italy, which, by using the web as an instrument, also solidified a strong idea of freedom of communication, close to the ideas of the various European pirate parties, and an almost salvific conception of the use of new information technologies with respect to the possibility of a palingenesis of democratic processes. Obviously the ideas of the neo-populist parties and movements (I use this label here to be clearer to the reader, even if the discussion on how these contemporary phenomena should be considered should set a more complex discourse) are not anti-hegemonic only in an anti-institutional function, but very often (especially, but not limited to, in the cases of so-called left populism) they are anti-capitalist or in any case against large economic concentrations. Even the so-called “sovereignist” discourse often focuses on the extensive power that is being concentrated in the hands of large corporations, especially that of *platform capitalism*, even where this is considered a secondary problem compared, for example, to migration.

5. Secondly, as another fault line, we undoubtedly have what is a direct expression of multipolarization: internet today is experiencing an ever greater segmentation due to the fact that it has become the privileged channel of international confrontation. On it, cognitive struggles and *cyberwarfare* are fought simultaneously. The internet is, to all intents and purposes, an instrument of international competition.

“In its recently published mid-year Cyber Threat Report¹⁶, the cybersecurity firm SonicWall reveals that the total number of ransomware attacks in the first and second quarters of 2021 has reached 304.7 million, up 151% from a year prior and already surpassing 2020’s total of 304.6 million attacks. Citing high-profile attacks on Colonial Pipeline, JBS Foods, Kaseya and hospitals worldwide, SonicWall paints a picture of online criminals seizing the current moment of instability and global reliance on cyberinfrastructure to force a “new business normal” amid an “escalating cybercrime arms race”¹⁷.

This trend had already been highlighted in its early days by the “Chinese colonels”, Qiao Liang and Wang

Xiangsui. They conceived, as a characterizing element of the fourth generation war, the non-military war operations, and the role of the web was of fundamental importance in these¹⁸.

If states and institutions have to defend themselves, within an increasingly hostile environment, from threats also coming from the world of the internet, a progressive closure of the same becomes more and more understandable. In this context, the control over information flows also assumes a sense in relation to the screen that one may want to use against the narratives of other international actors who are considered as competitors. All this requires an ever greater segmentation, the only barrier to which remains the attempt to open communication channels towards the citizens of the other political and market spaces in the world. Moreover, this is complicated by the undeniable birth of a real world public sphere, which demonstrates its existence in partial autonomy from the geographical, cultural and political particularities that would like to be impressed on it. In his book *Splinternet* (which takes up a Clyde Wayne Crews’ term used for the first time in 2001¹⁹) Scott Malcolmson argues that “the World Wide Web is slowly returning to Earth and its entanglements: states, laws, cultures. Cyberspace, for a host of commercial and political reasons, is becoming many cyberspaces, some of which fit distressingly well onto the old political maps of nation-states”²⁰.

This is obviously all the more true when it is possible for a political entity to secure (or seek to do so) full digital sovereignty. To date, the European Union and the Russian Federation are still connected to the global internet, even though they are showing many reservations and studying new projects. Emmanuel Macron’s speech at the United Nations Internet Governance Forum in 2018 highlighted very clearly the French President’s point of view on all the limitations of the internet and its current formulation: from false neutrality, which does not marry with the principles of European universalism, to the pathologies to which it would expose citizenship²¹. Any

¹⁵ Palano Damiano. *Populismo*, Editrice Bibliografica, Milan 2017 [quoted from the digital version, translated from Italian].

¹⁶ 2021 Mid-Year Update. Sonicwall cyber threat report: Cyber threat intelligence for navigating today’s business reality. — URL: <https://www.sonicwall.com/medialibrary/en/white-paper/mid-year-2021-cyber-threat-report.pdf> [quoted by Julian Fisher].

¹⁷ Fisher Julian. Digital Multipolarity and the Geopolitics of Cyberspace, on Russian International Affairs Council. — URL: https://russiancouncil.ru/en/blogs/julian-fisher/digital-multipolarity-and-the-geopolitics-of-cyberspace/?sphrase_id=88466525

¹⁸ Liang Qiao e Wang Xiangsui. *Guerra senza limiti. L’arte della guerra asimmetrica fra terrorismo e globalizzazione*. Gorizia: LEG Edizioni, 2019.

¹⁹ In this case, however, the concept referred to the Author’s wish to divide the internet into many private properties, avoiding the monopolization of this “common”. Clyde Wayne Crews. On my mind, su Forbes. — URL: <https://www.forbes.com/forbes/2001/0402/036.html?sh=2a1bf5e65ea3>

²⁰ Malcolmson Scott. *Splinternet: How geopolitics and commerce are fragmenting the World Wide Web*. New York; London: OR Books, 2016 [quoted from the digital version].

²¹ IGF 2018 Speech by French President Emmanuel Macron, on Internet Governance Forum. — URL: <https://www.intgovforum.org/multilingual/content/igf-2018-speech-by-french-president-emmanuel-macron>

criticism made on this dimension is clearly a symptom of a weakness that is manifesting itself, and on the carcass of the internet every subjectivity would like to dine on: for this reason, Macron's appeals to make the web multinationals responsible are in the interest of the established authorities, which in that discourse clearly demand a multilateral relationship between institutions and corporations²². On the other hand, according to Macron and Merkel too, it is in Europe's interest to achieve effective digital sovereignty²³.

Russia and China, on the other hand, have "unique political traditions and culture, each has its own approach to managing dissent and opposition, dealing with internet and social media"²⁴. Their attention to defense and security policies has allowed them to develop a particular approach to informatic issues, clearly different for each of the two countries. Indeed, Russia would have developed a very specific discourse that can be defined as that of "digital multipolarity"²⁵. In this context, the defense of the specific interests of each country would coexist with concertation at the level of the United Nations in the regulation of the web.

The more the processes of multipolarization advance, not necessarily understood as an integrated international concertation but also as the disintegration of a single-centered international order, the more these processes of internet dismemberment will go on. The web could disintegrate its fungibility as France and Germany installed different railway rails to prevent their use by enemy trains in the event of an invasion.

6. The last factor to consider is what Damiano Palano defines "audience fragmentation"²⁶ in his discussion of "bubble democracy". Public opinion in the West has never been so fragmented internally as it is today. Of course, there are long-standing phenomena that have been widely documented and that refer to the fundamental cultural roots of contemporaneity. Bauman, for example, spoke of the division of collective identity into bubbles, bubbles in which individual identity is decomposed and recon-

figured according to needs and personal will²⁷. Of course, this type of cultural identity seems to us as distant from politics in its classical sense, yet the last few years have shown us how every sphere of mass culture can be polarized, and so it has been. The fault here is not necessarily of the internet, and perhaps it is also to be considered a factor of cognitive aggregation of the discomforts created by difficult economic times. In any case, it is in the digital sphere that these radical enmities are most easily reproduced. It is not possible for us to say with certainty whether the functioning of social media algorithms segments dissent or not, but that is what we often see in fact. Also in this case, there are mechanisms of disaggregation and aggregation of the masses. The latest US electoral campaigns, for example, have demonstrated the great capacity of the candidates in polarizing public opinion on issues with extreme divisive potential.

The destiny of the internet therefore seems to have to create real digital spheres of influence that perimeter its own dimension of autonomy. As far as the political dimension is concerned, this phenomenon is very clear and evident in its circumscription, as regards the social phenomenon it is not so easy to predict the results of this process, given that much will depend on the web regulation methodologies, and that these as we have seen could be national, regional, global, or none of these things. Obviously, every vision of the world and of politics presents more or less different solutions to the question of the autonomy of the network or the autonomy of big techs (to be considered also as potential enemies one with the other²⁸).

All this presents a completely synthetic and unsystematic sketch of the vectors of influence on the digital sphere, on their interests as well as on their relationships of encounter and confrontation. We have seen how communication flows as a power relationship between a "top" and a "bottom" depending on the situation, just as we have seen the variable geometries between different actors at the top and the bubbles of contemporary democracy at the bottom. Obviously, a more structured schematization of the ideas I have expressed here is urgently needed, and I hope to take charge of them in the near future. However, it must be considered that, changing scenarios and advancing technology, we are here in a field where the possibilities for forecasting are extremely limited and dangerous. The aforementioned scheme, only sketched here, could perhaps explain the mechanics of the relationship between powers and communication,

²² Ibid.

²³ Floridi Cf. Luciano. *The Fight for Digital Sovereignty: What it is, and Why it Matters, Especially for the EU* // *Philosophy & Technology*. 2020. Vol. 33. P. 369–378.

²⁴ Kortunov Andrey. *China-Russia Statement: A quest for diversity*, on Global Times. — URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202202/1252068.shtml>

²⁵ Budnitsky Stanislav. *Russia's great power imaginary and pursuit of digital multipolarity* // *Internet Policy Review*. 2020. Vol. 9, No 3. — URL: <https://policyreview.info/articles/analysis/russias-great-power-imaginary-and-pursuit-digital-multipolarity>

²⁶ Palano Damiano. *Bubble democracy. La fine del pubblico e la nuova polarizzazione*. Brescia: Morcelliana, 2020. P. 138–155.

²⁷ Bauman Zygmunt. *Voglia di comunità*. Bari: Laterza, 2000.

²⁸ Assange Cfr. Julian. *Internet è il nemico*. Conversazioni con Jacob Appelbaum, Andy Müller-Maguhn e Jérémie Zimmermann. Milan: Feltrinelli, 2012.

but not necessarily their future organization. The future appealed to in the title is clearly the near future, a future that is already present. One of the aims of the social sciences should be to predict the immediate. For the long term it is necessary to highlight other trend lines.

REFERENCES

- 2021 Mid-Year Update. Sonicwall cyber threat report: Cyber threat intelligence for navigating today's business reality. — URL: <https://www.sonicwall.com/medialibrary/en/white-paper/mid-year-2021-cyber-threat-report.pdf>
- Assange Julian. Internet è il nemico. Conversazioni con Jacob Appelbaum, Andy Müller-Maguhn e Jérémie Zimmermann. Milan: Feltrinelli, 2012.
- Bauman Zygmunt. Voglia di comunità. Bari: Laterza, 2000.
- Brancaccio Emiliano, Giammetti Raffaele, Loprete Milena e Puliga Michelangelo. Centralization of capital and financial crisis: A global network analysis of corporate control // Structural Change and Economic Dynamics. 2018. Vol. 45. P. 94–104.
- Budnitsky Stanislav. Russia's great power imaginary and pursuit of digital multipolarity // Internet Policy Review. 2020. Vol. 9. No 3. — URL: <https://policyreview.info/articles/analysis/russias-great-power-imaginary-and-pursuit-digital-multipolarity>
- Campi Alessandro. Una fonte machiavelliana in materia di cospirazioni e trame segrete: Erodoto e la congiura dei sette contro il falso Smerdi, in Alessandro Campi e Leonardo Varasano (edited by), Congiure e complotti. Da Machiavelli a Beppe Grillo. Soveria Mannelli: Rubbettino Editorial, 2016. P. 101–128.
- Clausewitz Carl von. On War. Jersey City: Start Publishing, 2021.
- Fisher Julian. Digital Multipolarity and the Geopolitics of Cyberspace, on Russian International Affairs Council. — URL: https://russiancouncil.ru/en/blogs/julian-fisher/digital-multipolarity-and-the-geopolitics-of-cyberspace/?phrase_id=88466525
- Floridi Luciano. The fight for digital sovereignty: what it is, and why it matters, especially for the EU // Philosophy & Technology. 2020. Vol. 33. P. 369–378.
- Maria Orazio. Gnerre & Gianfranco La Grassa, Dialogo sul conflitto. Naples: Editoriale Scientifica, 2019.
- Gough Hugh. The newspaper Press in the French Revolution. London: Routledge, 1988.
- Kortunov Andrey. China-Russia Statement: A quest for diversity, on Global Times. — URL: <https://www.global-times.cn/page/202202/1252068.shtml>
- Macron Emmanuel. IGF 2018 Speech by French President Emmanuel Macron, on Internet Governance Forum. — URL: <https://www.intgovforum.org/multilingual/content/igf-2018-speech-by-french-president-emmanuel-macron>
- Malcolmson Scott. Splinternet: How geopolitics and commerce are fragmenting the World Wide Web. New York; London: OR Books, 2016.
- Palano Damiano. Bubble democracy. La fine del pubblico e la nuova polarizzazione. Brescia: Morcelliana, 2020.
- Palano Damiano. Populismo. Milan: Editrice Bibliografica, 2017.
- Petit Nicolas. Big Tech and the Digital Economy: The multipolar scenario. Oxford: Oxford University Press, 2020.
- Liang Qiao e Xiangsui Wang. Guerra senza limiti. L'arte della guerra asimmetrica fra terrorismo e globalizzazione. Gorizia: LEG Edizioni, 2019.
- Schivelbusch Wolfgang. Three new Deals: Reflections on Roosevelt's America, Mussolini's Italy, and Hitler's Germany, 1933–1939. New York: Metropolitan Books, 2006.
- Schmitt Carl. The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes: Meaning and Failure of a Political Symbol. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.
- Crews Clyde Wayne. On my mind, on Forbes. — URL: <https://www.forbes.com/forbes/2001/0402/036.html?sh=2a1bf5e65ea3>

НЕОБХОДИМО ЛИ УЖЕСТОЧЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ОБЩЕМ МОНИТОРИНГЕ ИНФОРМАЦИИ ПРОВАЙДЕРАМИ ХОСТИНГА?

IS IT NECESSARY TO TIGHTEN THE REQUIREMENTS FOR MANDATORY GENERAL MONITORING OF INFORMATION BY HOSTING PROVIDERS?

Анна Константиновна ЖАРОВА

Институт государства и права РАН, Москва, Россия,
anna_jarova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2981-3369>

Информация об авторе

А.К. Жарова — доктор юридических наук, доцент,
ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по автор-
скому праву, смежным, культурным и информационным
правам, НИУ ВШЭ

Аннотация. Деятельность провайдеров хостинга по пре-
доставлению своих информационно-технологических
ресурсов в целях хранения информации и обеспечения
доступа к ней поднимает проблему ответственности за
распространение информации вредоносного содержа-
ния третьими лицами на интернет-платформе провайде-
ра. В настоящее время европейские исследователи об-
суждают необходимость обязательного использования
метода общего мониторинга контента провайдерами
хостинга. В связи с этим пересматриваются положения
Директивы ЕС «Об электронной коммерции».

Целью автора статьи является анализ российского
и зарубежного законодательства, судебной практики,
определяющих ответственность провайдеров хостинга
за информацию, размещенную третьими лицами.

Ключевые слова: провайдер хостинга, ответственность,
мониторинг, интернет

Для цитирования: Жарова А.К. Необходимо ли ужесто-
чение требований об обязательном общем мониторинге
информации провайдерами хостинга? // Труды по
интеллектуальной собственности (Works on Intellectual
Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 21–29;

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14439>

• **Anna K. Zharova**

• Institute of State and Law of the Russian Academy
• of Sciences, Moscow, Russia,
• anna_jarova@mail.ru,
• <https://orcid.org/0000-0002-2981-3369>

Information about the author

• A.K. Zharova — Doctor of Legal Sciences, Associate profes-
• sor, associate fellow of the UNESCO Chair on Copyright,
• Neighboring, Cultural and Information Rights, National
• Research University “Higher School of Economics”

• **Abstract.** The activity of hosting providers in providing their
• information technology resources for the purpose of storing
• information and providing access to it raises the issue of re-
• sponsibility for the dissemination of information of malicious
• content by third parties on the provider’s Internet platform.
• Currently, European researchers are discussing the need for
• mandatory use of the method of general content monitoring
• by hosting providers. In this connection, the provisions of the
• EU Directive “On Electronic Commerce” are being revised.

• The purpose of the article is to analyze Russian and
• foreign legislation, judicial practice determining the respon-
• sibility of hosting providers for information posted by third
• parties.

• **Keywords:** hosting provider, responsibility, monitoring,
• Internet

• **For citation:** Zharova A.K. Is it necessary to Tighten the
• Requirements for Mandatory General Monitoring of
• Information by Hosting Providers? // Trudy po Intellectu-
• alnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022.
• Vol. 41(2). P. 21–29;
• DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14439>

Условно прошло около двадцати лет с начала формирования российского законодательства в области регулирования информационных отношений, включая распространение информации в интернете. Первый Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» [1] был принят 20 февраля 1995 г. В 2006 г. на смену ему пришел Федеральный Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] (далее Закон «Об информации»).

В настоящее время законодательство в области регулирования интернет-отношений развивается семимильными шагами. Создана законодательная основа для обеспечения устойчивости рунета, определены новые интернет-субъекты, сделаны шаги для поиска баланса между защитой основных прав, таких как свобода слова, с одной стороны, и предотвращение распространения незаконной и вредной информации в интернете, с другой. Расширяются перечни критериев отнесения к противоправной публично выраженной информации и мер ответственности в связи с этим [3, с. 56].

Предоставление интернет-услуг создает предпосылки для появления новых лиц, чья деятельность связана с организацией и обеспечением безопасности интернет-отношений. К таким лицам можно, например, отнести владельцев информационных сервисов предоставления онлайн-рекламы, информационных агрегаторов, платформ для совместной экономики и онлайн-рынков и др. Возникающая связь между пользователями интернет-платформ ставит перед законодателем проблему выявления особенностей такого взаимодействия и регулирования интернет-отношений [4, с. 50]. Отсутствие норм, регулирующих интернет-отношения, демонстрирует пробелы в праве, и все рассуждения о цифровизации становятся умозрительными и носят абстрактный характер [5, с. 108]. К сожалению, опубликовано немного российских научных исследований в области регулирования деятельности различных интернет-посредников, хотя роль последних в обеспечении интернет-отношений значительна. Надо признать, что зарубежной научной литературы в данной области намного больше.

Интернет-посредником, основными функциями которого являются хранение информации и предо-

ставление доступа к ней, служит провайдер хостинга. Предусмотренная законодательством ответственность провайдера хостинга за распространение информации ограниченного доступа и запрещенной информации в Сети требует уточнения перечня требований к определению его прав и обязанностей по предотвращению распространения такой информации.

В соответствии с Законом «Об информации» основаниями для признания провайдера хостинга ответственным за распространение незаконной и вредной информации являются его осведомленность о данном факте, а также создание условий, способствующих ее распространению. Провайдер хостинга может предотвращать распространение информации, действуя в рамках требований, определенных законодательством, либо выбирая самостоятельно организационно-правовые или технические методы ее предотвращения (например, используя программные технологии «автоматической фильтрации», контроля за распространяемым контентом, а также обеспечивая прозрачность и нейтральность алгоритмов, обрабатывающих данные). Данные технологии позволяют обеспечить мониторинг контента. Однако насколько они эффективны в борьбе с распространением вредоносного наполнения? Приведет ли к уменьшению вредной информации, распространяемой в Сети, возложение обязанности общего мониторинга на провайдера хостинга?

В данной статье проанализировано законодательное регулирование применения провайдером хостинга метода мониторинга в целях предотвращения распространения вредоносного контента на примере российского и европейского законодательств.

ПОНЯТИЕ «ИНТЕРНЕТ-ПРОВАЙДЕР»

Начнем с того, что разнообразие информационных посредников связано с реализацией информационных процессов. Основными информационными процессами являются: сбор информации, ее представление, обработка, хранение и передача информации.

В 2012 г. в Закон «Об информации» введена статья, определяющая понятие «провайдер хостинга»: это субъект, «оказывающий услуги по предоставлению вы-

числительных мощностей для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети «Интернет»» (ч. 18 ст. 2). Однако судебная практика в области определения ответственности провайдера хостинга начала формироваться еще до 2012 г.

Анализ судебной практики и методов, изучаемых информатикой, позволяет сделать вывод, что данный провайдер является основным посредником, предоставляющим третьим лицам свои информационно-технологические ресурсы для хранения информации и ее обработки.

Отметим сразу, что определение провайдера хостинга, данное в Законе «Об информации», неудачно, его интерпретация не позволяет понять, что именно провайдер предоставляет в качестве услуги, поскольку понятие «вычислительная мощность» в законодательстве не определено. В информатике под вычислительной мощностью понимают производительность компьютера, т.е. его способность обрабатывать данные или скорость выполнения определенных операций на компьютере, которая является количественной характеристикой данных операций [6, с. 345].

Соответственно провайдер не может оказывать услуги по предоставлению количественной характеристики для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к интернету.

Судя по всему, понятием «вычислительные мощности» в определении провайдера хостинга законодатель стремился выразить ситуацию наличия у лица информационно-технологических ресурсов, которые способны реализовать информационные процессы, включая вычисления, в том числе сохранять информацию на сервере и предоставлять к ней доступ. Задачей вычисления занят центральный процессор, а вычислительная мощность зависит от технических характеристик компьютерных технологий.

В связи с этим использование понятия «вычислительные мощности» в определении провайдера хостинга является некорректным. В данной статье под вычислительными мощностями провайдера хостинга мы будем понимать все неотъемлемые элементы структуры компьютерных технологий, в том числе информационно-технологические ресурсы абонентских систем и средств связи, объединенных во взаимосвязанную вычислительную сеть. Совокупность данных взаимодействующих устройств и технологий можно представить как информационную систему, поскольку в законодательстве при помощи этого понятия также определяются возникающие интернет-отношения.

Закон «Об информации» в зависимости от целей предоставления в использование информационно-технологических ресурсов третьим лицам определяет следующие виды провайдера хостинга.

1. Организатор распространения информации в сети «Интернет». В соответствии с ч. 1 ст. 10.1 данное лицо осуществляет деятельность по обеспечению функционирования информационных систем или программных технологий, предназначенных для приема, передачи, доставки или обработки электронных сообщений пользователей интернета. Статья введена в Закон «Об информации» в 2014 г.

В данном определении потерян процесс хранения информации и предоставления к ней доступа, в связи с чем возможен вывод, что организатор распространения информации в интернете по задумке законодателя не должен относиться к провайдеру хостинга и в представленной нами классификации существует ошибка.

Однако в реестр организаторов распространения информации в сети «Интернет», который ведет Роскомнадзор, включены субъекты, которые обеспечивают функционирование приложения или интернет-сервиса, позволяющего отправлять и получать сообщения между пользователями, сервисы предоставления информации о новостях и новинках фотоиндустрии, информационно-развлекательного характера, а также посвященные информационной безопасности, новостям о выходе новых версий технологий, отчетам по вопросам информационной безопасности и др. [7].

Таким образом, для устранения выявленной неопределенности необходимо внести уточнение в ст. 10.1 Закона «Об информации», добавив в виды деятельности организатора распространения информации в сети «Интернет» деятельность, связанную с хранением информации и предоставлением к ней доступа.

2. Новостной агрегатор. В соответствии с ч. 1 ст. 10.4 новостными агрегаторами являются владельцы программных технологий, сайта или его страницы, доступ к которым в течение суток составляет более 1 млн пользователей Сети и которые используются для обработки и распространения новостной информации в интернете, а также рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации.

Данная статья введена в Закон «Об информации» в 2016 г.

Процесс обработки информации направлен на изменение формы ее представления или ее содержания. Такие изменения возможны при преобразовании информации, например при структурировании больших данных, шифровании сохраняемой информации и др.

Информационный процесс распространения информации предполагает ее сохранение. Таким образом, можно заключить, что новостной агрегатор является провайдером хостинга, поскольку реализует процесс хранения информации и предоставления

к ней доступа опосредованно, посредством обработки и распространения информации, указанных в Законе «Об информации».

3. Владелец аудиовизуального сервиса. Под данным лицом понимается владелец сайта либо страницы сайта или владелец информационной системы, программной технологии, используемых для формирования и организации распространения совокупности аудиовизуальных произведений в интернете (ст. 10.5 Закона «Об информации»). Статья введена в Закон «Об информации» в 2017 г.

В данном определении также можно отметить отсутствие информационного процесса — хранения информации. Однако информационный процесс распространения информации в Сети включает в себя действие по обеспечению хранения информации. Такой информацией является совокупность аудиовизуальных произведений.

4. Владелец социальной сети. Это владелец сайта или страницы сайта, информационной системы, программной технологии, которые предназначены или используются их пользователями посредством созданных ими персональных страниц, доступ к которым в течение суток обеспечивается более 500 тыс. пользователей интернета в целях предоставления или распространения рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 10.6). Статья введена в Закон «Об информации» в 2020 г.

В определении владельца социальной сети в качестве обеспечиваемой им услуги включен информационный процесс хранения информации посредством реализации процессов предоставления и распространения информации.

Таким образом, можно заключить, что представленная классификация провайдеров хостинга соответствует положениям Закона «Об информации». Каждый провайдер хостинга предоставляет «свои» интернет-услуги, включая доступ к сохраненной информации. Однако на повестку выходит проблема определения пределов ответственности провайдеров хостинга за контент, размещенный на их серверах третьими лицами, в том числе за распространение контента в Сети.

Законом «Об информации» для всех провайдеров хостинга определена обязанность не допускать использование принадлежащих им информационных технологий, информационных систем в целях нарушения требований законодательства РФ (п. 1 ч. 1 ст. 10.5, п. 1 ч. 1 ст. 10.5, п. 1 ч. 1 ст. 10.6).

Фактически данными нормами Закон «Об информации» позволяет провайдерам хостинга осуществлять саморегулирование как самостоятельную

и инициативную деятельность, связанную с разработкой правил, применением стандартов и технологий, позволяющих реализовать требование о недопущении использования информационных технологий, информационных систем, владельцами которых они являются, в целях нарушения требований законодательства РФ. Поскольку Закон «Об информации» не определяет инструменты такого недопущения, их выбор остается за провайдерами хостинга. Такими инструментами могут быть технологии мониторинга и фильтрации контента, а также другие информационные технологии, позволяющие выявлять и блокировать вредоносный контент.

Однако Закон «Об информации» одновременно с возможностью саморегулирования предусматривает режим «безопасной гавани» для провайдеров хостинга. Под режимом «безопасной гавани» мы понимаем условия освобождения от гражданско-правовой ответственности лица, оказывающего услуги по «хранению информации и обеспечению доступа к ней», если это лицо «не могло знать о незаконности распространения информации» (п. 2. ч. 3. ст. 17 Закона «Об информации»). Данная статья прямо указывает на категории такой информации — информация ограниченного доступа или запрещенная федеральными законами.

Таким образом, Закон «Об информации» определяет, с одной стороны, режим «безопасной гавани» для лиц, оказывающих услуги по хранению информации и обеспечению доступа к ней, а с другой стороны — обязанность провайдеров хостинга не допускать использование принадлежащих им информационных технологий, информационных систем в целях нарушения требований законодательства РФ (ст. 10.1, 10.4–10.6).

Например, п. 1 ч. 1 ст. 10.4 определяет, что новостной агрегатор обязан «не допускать использование программы для электронных вычислительных машин, сайта и (или) страницы сайта в сети “Интернет”, которые используются для обработки и распространения новостной информации в сети “Интернет” <...> в целях совершения уголовно наказуемых деяний, разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань».

Каждая анализируемая статья Закона «Об информации» (10.1, 10.4–10.6) содержит такие требования.

Таким образом, провайдер хостинга может воспользоваться «безопасной гаванью» и освободиться от гражданско-правовой ответственности на том основании, что он «не мог знать о незаконности распространения информации». Однако закономерен вопрос: в каких ситуациях можно признать, что провайдер хостинга не знал о незаконности информации и в связи с этим не предпринял никаких действий? Не приведет ли норма о «безопасной гавани» к злоупотреблениям со стороны провайдеров? Скорее всего, нет, поскольку Законом «Об информации», как уже было сказано, предусмотрена в рамках саморегулирования обязанность недопущения распространения информации, нарушающей законодательство РФ.

Фактически Закон «Об информации» определяет ситуацию, когда у провайдера хостинга есть обязанность не допускать распространение вредной и незаконной информации и право доказывать в случае ее распространения, что он не мог знать о ней.

Кроме того, Закон «Об информации» предусмотрел ситуацию, когда провайдер хостинга, например владелец социальной сети, не может оценить «степень соответствия информации, выявленной в процессе осуществления мониторинга социальной сети...», тогда он «обязан не позднее суток с момента выявления такой информации направить ее в Роскомнадзор. И до принятия Роскомнадзором решения о мерах по ограничению доступа к информации владелец социальной сети должен принять меры по ограничению доступа к указанной информации» (ч. 5 ст. 10.6).

Обязанность мониторинга информационных ресурсов закреплена за Роскомнадзором в соответствии с п. 1 ч. 3. ст. 10.4, п. 1 ч. 2 ст. 10.5, п. 1 ч. 11 ст. 10.6 Закона «Об информации».

Таким образом, в Законе «Об информации» определены две системы минимизации рисков распространения вредной и незаконной информации: саморегулирование, которое предоставляет выбор правовых и технологических инструментов частным лицам, и государственное регулирование.

Вопросы формирования правового регулирования, направленного на минимизацию рисков распространения вредной и незаконной информации, и определения ответственности провайдеров хостинга за распространяемый третьими лицами контент поднимаются также зарубежными исследователями [8, 9] и в зарубежной судебной практике. Например, в решении «Cyando» суд подчеркнул, что для определения ответственности провайдера должен быть выявлен элемент преднамеренности или вмешательства «с полным осознанием последствий» такого действия. Такое преднамеренное вмешательство должно включать обстоятельства, при которых провайдер [10]:

- обладает «конкретными знаниями» (а не просто общими знаниями) о том, что контент доступен на его платформе, и не удаляет или не блокирует доступ к нему без промедления, или
- имеет общее представление о том, что пользователи создают контент, нарушающий законодательство, доступный через его платформу, и не использует соответствующие технологические меры, которые добросовестный провайдер применяет для надежного и эффективного противодействия нарушениям закона на этой платформе, или
- участвует в выборе контента, нарушающего закон, или
- предоставляет на своей платформе инструменты, специально предназначенные для незаконного обмена контентом, или
- сознательно продвигает незаконный обмен контентом, о чем свидетельствует тот факт, что этот провайдер принял финансовую модель, которая поощряет пользователей к незаконному доведению защищенного контента до всеобщего сведения через его платформу.

Данный пример демонстрирует, что законодательство ЕС требует от интернет-провайдеров принимать определенные технические меры для предотвращения нарушений в Сети и при этом не ограничиваться политикой уведомления и удаления вредоносного контента только после получения уведомления о его распространении.

В настоящее время в ЕС режим ответственности для провайдеров хостинга претерпевает изменения. Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности об электронной коммерции» (далее — Директива об электронной коммерции) [11] определяет критерии освобождения от ответственности поставщиков интернет-услуг и перечень их прав и обязанностей. Эти критерии не могут охватить разнообразия предоставляемых услуг и их особенностей. В связи с этим Европейская комиссия внесла на рассмотрение Закон о цифровых услугах [12] (далее — DSA), который модернизирует правила мониторинга информации, определенные Директивой об электронной коммерции. Например, общие обязательства мониторинга в соответствии с Директивой об электронной коммерции позволяют интернет-провайдеру не использовать технологические меры, которые отслеживают *всю* активность пользователей в Сети. Статья 7 DSA также не обязывает провайдеров осуществлять этот мониторинг. DSA содержит положения, которые, не нарушая свободу действий интернет-провайдеров, стимулируют их предотвра-

щать риски, связанные с распространением вредной и незаконной информации.

Суд ЕС разделил общие обязательства по мониторингу и обязательства по мониторингу в *конкретных* случаях, которые могут быть предписаны национальными органами [13]. Обязательства по удалению провайдерами информации Суд ЕС связал с тремя категориями незаконного контента, которые классифицировал как уже загруженный контент, идентичный контент (полностью повторяет существующий контент) и эквивалентный контент (семантически подобен существующему контенту).

Обязательства по удалению противоправного контента и идентичного контента Судом ЕС не оспаривались. Однако сложности возникли с определением ответственности провайдеров, на площадке которых распространяется контент, эквивалентный запрещенному, т.е. который синтаксически неидентичен, но семантически ему близок. Например, такими семантически близкими распространяемому контенту могут быть комментарии, не имеющие существенного содержательно-смыслового наполнения, но поддерживающие кем-то сформулированную мысль.

Данная проблема актуальна и для Российской Федерации. Например, судебная практика подтверждает факты привлечения к уголовной ответственности за лайки в социальных сетях. Н.Ф. Бодров с соавторами пришли к выводу, что «практика привлечения к уголовной ответственности еще по состоянию на 2016 г. получила в народе наименование “срок за репост” или “срок за “лайк”. Простейшие механические действия пользователей (нажатие кнопки “Нравится” или значка с изображением сердца или поднятого вверх большого пальца, стрелки вверх) нередко истолковывались правоохранительными органами как публичное одобрение и распространение материала» [14].

Несмотря на определенные перегибы, проблема содержательной оценки информации должна решаться. Например, Суд ЕС постановил, что «судебный запрет должен распространяться на информацию, содержание которой, хотя по существу и передает одно и то же сообщение, но сформулировано несколько иначе из-за используемых слов или их комбинации по сравнению с информацией, содержание которой было определено незаконным» [15].

Много обсуждений также вызвал вопрос о возможности распространения режима «безопасной гавани» на интернет-провайдеров, которые предоставляют услуги онлайн-рекламы, доступа к социальным сетям и платформам для совместной экономики и онлайн-рынкам. В качестве решения предлагается закрепить в законодательстве ЕС положение о «добром самаритянине», которое будет побуждать ин-

тернет-провайдеров лучше контролировать размещаемый контент, поскольку будет включать обязанность определять содержание распространяемого контента и обеспечивать прозрачность и нейтральность алгоритмов [16].

В научной литературе высказывается мнение, что DSA должен различать условия наступления ответственности для всех провайдеров, но также должен поддерживать уже испытанный режим ответственности, когда наступление ответственности провайдера связывается с его знанием о незаконности информации и его бездействием. Ответственность не должна наступать в случае, если провайдер не знает о незаконной информации [17].

Статья 6 DSA определяет, что, несмотря на отсутствие требования осуществления общего мониторинга, поставщики услуг могут инициировать такую деятельность самостоятельно. Так, некоторые провайдеры осуществляют саморегулирование и определяют стандарты мониторинга информации в целях соблюдения условий предоставления услуг и защиты своих пользователей. Однако провайдеры, осуществляющие добровольный мониторинг, обеспокоены возможностью лишиться режима «безопасной гавани», поскольку мониторинг предполагает обработку контента в целях выявления незаконной информации, что влечет осведомленность провайдера в ее незаконности, следствием чего является автоматическое аннулирование критерия «незнание».

Суд ЕС определил новую позицию контроля распространения незаконных высказываний в интернете [18]. Согласно ей такие платформы, как Facebook, могут искать и удалять незаконные высказывания по всему миру, включая высказывания, которые эквивалентны контенту, признанному незаконным.

Начало этому делу дал иск 2016 г. о диффамации, поданный австрийским политиком Евой Главишник против Facebook после того, как компания отказалась удалять посты, которые, как она утверждала, были клеветническими.

В 2017 г. году австрийский суд постановил, что Facebook должен удалить клеветнические сообщения по всему миру [19], однако Ева Главишник требовала, чтобы были удалены похожие посты, а не только идентичные репосты, которые, по ее мнению, были в равной степени клеветническими.

Подобные удаления остаются в рамках соответствующего международного права, и на практике это не означает, что судебное решение, полученное в одной стране ЕС, будет универсально применяться во всех юрисдикциях, поскольку не существует международного соглашения о том, что считать незаконным или клеветническим высказыванием.

Со своей стороны, Facebook сообщил, что судебное решение «поднимает вопросы свободы выражения мнений и роли, которую интернет-компании должны играть в мониторинге, интерпретации и удалении высказываний, могущих быть незаконными в той или иной конкретной стране. Facebook уже разработал стандарты сообщества, которые определяют, какой информацией могут или не могут делиться пользователи. У социальной сети есть регламент ограничения контента, который будет применяться, если контент нарушает национальные законы. Однако данное судебное решение идет гораздо дальше, тем самым подрывает давний принцип, согласно которому одно государство не имеет права навязывать свои законы о контенте другому государству. Такая позиция открывает двери для обязательств, налагаемых на интернет-компании по активному мониторингу контента и последующей его интерпретации на предмет соответствия контенту, признанному незаконным. Чтобы получить это право, национальные суды должны будут дать четкие определения того, что на практике означает «идентичный» и «эквивалентный» контент» [15].

Невозможно выполнить требование удаления контента по всему миру, поскольку скорость его распространения в интернете может превышать скорость удаления провайдером незаконной информации.

Кроме того, как сообщил Facebook, социальная сеть имеет закрытые группы, информация в которых известна только ее членам. Следовательно, увидеть незаконный контент человеку, которого он затрагивает, невозможно, что делает для него практически нереализуемой возможность сообщения провайдеру об этом нарушении. Соответственно незаконный контент так и будет оставаться в Сети [20].

В качестве решения этой проблемы, например, в Великобритании предлагается создать независимый регулирующий орган, обеспечивающий выполнение интернет-компаниями обязанностей по удалению контента и его фильтрации на своих платформах [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Варианты законодательного регулирования проблемы, представленные в статье, демонстрируют сложность ее решения. Существующие и предлагаемые методы предотвращения распространения вредоносного контента имеют определенные недостатки. Например, некоторые исследователи утверждают, что общий мониторинг может ограничить свободу слова. Также можно встретить позицию, что возложение на провайдеров хостинга обязанности модерации контента, размещаемого на их платформе, может привести к тому, что провайдеры хостинга будут пред-

варительно фильтровать весь контент, загружаемый пользователями. Мы считаем, что, с одной стороны, это потребует создания соответствующих подразделений в компании провайдера хостинга. С другой стороны, при возложенной на Роскомнадзор обязанности общего мониторинга в Сети фильтрация контента с двух сторон — провайдера и Роскомнадзора — должна привести к более быстрому сокращению вредного и незаконного контента.

Несмотря на то что возложение обязанности общего мониторинга на провайдера имеет противников и сторонников, применение этого инструмента обсуждается всеми европейскими государствами, поскольку ущерб от распространения вредной и незаконной информации имеет большие ментальные последствия для человека, а также экономические и политические последствия для государства.

Подчеркнем, что в период, когда в европейских государствах только обсуждается идея общего мониторинга, в Российской Федерации постоянный мониторинг уже реализуется Роскомнадзором. Хотя и российское законодательство требует определенных уточнений. Например, необходимо внести изменение в ст. 10.1 Закона «Об информации», добавив в виды деятельности организатора распространения информации в сети «Интернет» деятельность, связанную с хранением информации и предоставлением к ней доступа.

При этом усиление государственного регулирования является основным инструментом обеспечения информационной безопасности государства.

Ясность в отношении прав и обязанностей провайдеров хостинга по осуществлению общего и специального мониторинга информации в Сети позволит частично решить проблему распространения незаконного и вредоносного контента, а также повысить доверие к информации, размещенной в интернете.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609. Документ утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, вступившего в силу по истечении 10 дней после дня его официального опубликования.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
3. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э.В. Алимов, Д.Р. Алимова, Х.И. Гаджиев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗИСП; Контракт, 2020. 176 с.

4. Жарова А.К., Елин В.М. Обеспечение права на доступ к интернету и забвение в цифровом пространстве Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2(39). С. 48–53.
DOI: 10.21681/2226-0692-2021-2-48-53
 5. Василевская Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 105–117.
DOI: 10.34076/2071-3797-2020-6-105-117
 6. Аверьянов Г.П., Дмитриева В.В. Современная информатика: учебное пособие. М.: НИЯУ МИФИ, 2011. 436 с.
 7. Реестр организаторов распространения информации в сети «Интернет». — URL: <https://rkn.gov.ru/opendata/7705846236-InformationDistributor/data-20220115T0000-structure-20161206T0000.xml> (дата обращения: 11.01.2022).
 8. Irene C., Maria L.M. Handbook of Intellectual Property Research Lenses, Methods, and Perspectives. Oxford Scholarship Online, 2021. DOI: 10.1093/oso/9780198826743.001.0001
 9. Buiten Miriam., de Streel Alexandre, Peitz Martin. Rethinking Liability Rules for Online Hosting Platforms. — URL: <http://www.crid.be/pdf/public/8379.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).
 10. When are content-sharing and file-hosting platforms liable for infringing content uploaded by their users? — URL: https://www-osborneclarke-com.translate.goog/insights/content-sharing-file-hosting-platforms-liable-infringing-content-uploaded-users?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc
 11. EUR-Lex – 32000L0031 – EN – EUR-Lex (europa.eu). — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32000L0031> (дата обращения: 11.01.2022).
 12. Digital Services Law. — URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package> (дата обращения: 11.01.2022).
 13. CURIA — List of results (curia-europa-eu.translate.google). — URL: https://curia-europa-eu.translate.google/juris/liste.jsf?oqp&for&mat=or&lgrc=de&jge&t-d=;ALL&jur=C,T,F&num=C-18%252F18&page=1&-dates&pccs=Oor&lgrpro&nat=or&cit=none%252C-C%252CCJ%252CR%252C2008E%252C%252C%252C%252C%252C%252C%252Ctrue%252Cfalse%252Cfalse&language=en&avg&cid=1157064&_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 11.01.2022).
 14. Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети «Интернет»: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. 160 с.
 15. Judgment of the court (Third Chamber) 3 October 2019 // CURIA — Documents (curia-europa.eu). — URL: https://curia.europa.eu/jcms/jcms/p1_3065956/en/ (дата обращения: 11.01.2022).
 16. Comparative Study on EU Member States' legislation and practices on food donation Final report June 2014 URL: https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/resources/docs/comparative-study-on-eu-member-states-legislation-and-practices-on-food-donation_final-report_010714.pdf (дата обращения: 11.01.2022).
 17. Hugh K. Digital Services Act Position Paper. 31 Mar 2021. — URL: <https://www.digitaleurope.org/resources/digital-services-act-position-paper/> (дата обращения: 11.01.2022).
 18. Judgment of the court (Third Chamber) 3 October 2019 CURIA — Documents (europa.eu). — URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=218621&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1965965> (дата обращения: 11.01.2022).
 19. Facebook must remove hate speech posts, Austrian court rules — TechCrunch. — URL: <https://techcrunch.com/2017/05/08/facebook-must-remove-hate-speech-posts-austrian-court-rules/> (дата обращения: 11.01.2022).
 20. Herbert Z. General and specific monitoring obligations in the Digital Services Act. — URL: https://verfassungsblog-de.translate.goog/power-dsa-dma-07/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=op,sc (дата обращения: 11.01.2022).
 21. UK sets out safety-focused plan to regulate internet firms | TechCrunch. — URL: <https://techcrunch.com/2019/04/08/uk-sets-out-safety-focused-plan-to-regulate-internet-firms/> (дата обращения: 11.01.2022).
- ## REFERENCES
1. Dokument utratil silu v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona ot 27 iyulya 2006 g. No 149-FZ, vstupivshego v silu po istechenii 10 dney posle dnya ego oficial'nogo opublikovaniya / SZ RF 1995. No 8. St. 609.
 2. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. No 149-FZ "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" // SZ RF 2006. № 31 (1 ch.). St. 3448.
 3. Zashchita dannyh: nauchno-prakticheskij kommentarij k sudebnoj praktike / E.V. Alimov, D.R. Alimova, H.I. Gadzhiev i dr.; otv. red. V.V. Lazarev, H.I. Gadzhiev. M.: IZI SP; Kontrakt, 2020. 176 s.
 4. Zhavorova A.K., Elin V.M. Obespechenie prava na dostup k internetu i zabvenie v cifrovom prostranstve Rossijskoj Federacii // Monitoring pravoprimereniya. 2021. No 2 (39). S. 48–53. DOI: 10.21681/2226-0692-2021-2-48-53

REFERENCES

1. Dokument utratil silu v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona ot 27 iyulya 2006 g. No 149-FZ, vstupivshego v silu po istechenii 10 dnei posle dnya ego oficial'nogo opublikovaniya / SZ RF 1995. No 8. St. 609.
2. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. No 149-FZ "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" // SZ RF 2006. № 31 (1 ch.). St. 3448.
3. Zashchita dannyh: nauchno-prakticheskij kommentarij k sudebnoj praktike / E.V. Alimov, D.R. Alimova, H.I. Gadzhiev i dr.; otv. red. V.V. Lazarev, H.I. Gadzhiev. M.: IZiSP; Kontrakt, 2020. 176 s.
4. Zharova A.K., Elin V.M. Obespechenie prava na dostup k internetu i zabvenie v cifrovom prostranstve Rossijskoj Federacii // Monitoring pravoprimeneniya. 2021. No 2 (39). S. 48–53. DOI: 10.21681/2226-0692-2021-2-48-53

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НАЛОГОВОМ АДМИНИСТРИРОВАНИИ

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN TAX ADMINISTRATION: LEGAL FRAMEWORK

Екатерина Михайловна ГРЕКОВА

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
grekova.insce@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-4473-380X>

Информация об авторе

Е.М. Грекова — магистрант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Цель настоящего исследования — разработка методики комплексной оценки эффективности налогового администрирования с применением информационных технологий. Автором определены правовые основы использования информационных технологий для совершенствования методов налогового администрирования. Разработано понятие эффективного налогового администрирования. Эффективным названо налоговое администрирование, сочетающее оперативное и качественное выполнение налоговым органом задач налогового администрирования вкупе с экономичным расходованием государственных средств. Показаны негативные последствия произвольной оценки эффективности налогового администрирования с применением информационных технологий. Обоснована важность комплексной оценки эффективности налогового администрирования с применением информационных технологий (с научной и практической точек зрения) как открывающей возможность более структурированно и основательно подойти к анализу эффективности налогового администрирования с применением информационных технологий. Выработаны и обоснованы критерии оценки эффективности налогового администрирования с применением информационных технологий. Критериями эффективности названы экономичность, оперативность и качество. Последовательно раскрыты содержание и значение указанных критериев. Посредством

- использования разработанной методики автор оценил
- эффективность проведения Федеральной налоговой
- службой Российской Федерации налогового администрирования с применением информационных технологий. Сделан вывод о том, что налоговое администрирование с применением информационных технологий
- можно охарактеризовать как эффективное. Среди мер
- по дальнейшему повышению эффективности налогового администрирования с применением информационных технологий названы помимо прочих совершенствование правового регулирования, разработка более совершенных методов обеспечения информационной
- безопасности и налоговое стимулирование бизнеса, внедряющего информационные технологии.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационные технологии, оценка эффективности, Федеральная налоговая служба, налоговое администрирование, налоговое право, налог

- **Для цитирования:** Грекова Е.М. Правовые аспекты оценки эффективности применения информационных технологий в налоговом администрировании // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 41, № 2. С. 30–37;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14440>

Ekaterina M. GREKOVA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
grekova.insce@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-4473-380X>

Information about the author

E.M. Grekova — undergraduate, Lomonosov Moscow State University

Abstract. The goal of the study is to develop an evaluation methodology of the effectiveness of information technologies in tax administration. To achieve the goal, legal framework of the relevance of the use of information technologies to improve the methods of tax administration was defined. The framework of the study is concerned with the concept of effective tax administration as combining the efficient and high-quality execution by the tax authority its functions, accompanied by the thrifty use of public funds. The study shows the negative consequences of arbitrary evaluation of the effectiveness of tax administration using information technology. The importance of a complex assessment of the effectiveness of tax administration using information technology from a theoretical and practical point of view as an opportunity for a more well-structured and fundamental approach to the analysis of the effectiveness of tax administration using information technology has been proved. The criteria for assessment of the effectiveness of tax administration using information technology were developed and grounded. Effectiveness criteria are economy, operability, and quality. The content of criteria was disclosed and the significance of them was defined. By using the developed methodology, the effectiveness of the Federal Tax Service of the Russian Federation of tax administration using information technology was assessed. It is concluded that tax administration using information technology can be characterized as effective. Among the measures to further improve effectiveness are improvement of legal regulation, development of more advanced methods for ensuring information security, tax incentives for businesses using information technology.

Keywords: digital economy, information technology, assessment of efficiency, Federal tax service, tax administration, tax law, tax

For citation: Grekova E.M. Evaluation of the Effectiveness of Information Technologies in Tax Administration: Legal Framework // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2021. Vol. 41 (2). P. 30–37; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14440>

Задача совершенствования методов налогового администрирования чрезвычайно актуальна сегодня, поскольку к налоговым органам справедливо предъявляется требование идти в ногу с меняющимися тенденциями налоговой политики. Не последнюю роль в решении упомянутой задачи сыграли информационные технологии (далее — ИТ). Без преувеличения можно сказать, что парадигма налогового администрирования изменилась с приходом в деятельность Федеральной налоговой службы (далее — ФНС) последних достижений цифровой экономики.

Наблюдаются и обратные тенденции: внедрение ИТ в повседневную жизнь затрудняет проведение налогового регулирования и контроля существующими, привычными методами. Документооборот переходит в цифровое пространство и ускоряется, повсеместно внедряются такие инструменты, как, к примеру, электронная подпись, наличные расчеты уступают место безналичным. Выездные налоговые проверки как форма последующего контроля не позволяют эффективно выявлять нарушения налогового законодательства, неудобны как для налогоплательщика, так и для самого налогового органа [1]. Так, Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 г. были предусмотрены меры интеграции оперативного контроля в систему налогового контроля в силу ограниченности резерва роста эффективности налогового контроля в современных условиях и неспособности налогового контроля оперативно реагировать на постоянно меняющиеся модели кооперации налогоплательщиков [2].

При этом стремительно развивающиеся информационные технологии оставили далеко позади правовое регулирование их использования, что не позволяет полноценно рассматривать налоговое администрирование с применением ИТ в рамках правового поля. Применение ИТ необходимо рассматривать не как приложение к существующим методам, а как составную часть сравнительно новых методов налогового администрирования, процедурные особенности использования которых должны быть четко прописаны в нормативно-правовых актах — с точки зрения недопущения возможных злоупотреблений, а также для конкретизации полномочий ФНС. Даже вопрос эффективно-

сти налогового администрирования с применением ИТ видится автору недостаточно проработанным с правовой точки зрения, как и отсутствие закрепленных на законодательном уровне методик ее оценки.

Указанные факторы обусловили проведение данного исследования, направленного на определение правовых основ использования ИТ для совершенствования методов налогового администрирования, на разработку методики комплексной оценки эффективности налогового администрирования с применением ИТ, на выделение и обоснование критериев данной оценки, а также на оценку эффективности проведения ФНС налогового администрирования с применением ИТ посредством указанной методики.

В настоящем исследовании были преимущественно использованы следующие научные методы:

- диалектический метод — в виде рассмотрения деятельности ФНС в контексте общегосударственной ориентации на повсеместную информатизацию и курса на развитие ИТ-отрасли, а также с учетом мировых тенденций в данной области [3];
- метод анализа и синтеза — в виде выявления и обобщения разрозненных данных, полученных из многочисленных источников, в том числе информации, представленной на Аналитическом портале ФНС РФ [4], для оценки деятельности ФНС России за период с 2016 по 2021 г.¹;
- индуктивный метод — в виде сопоставления полученных фактов и выведения общих закономерностей, связанных с ростом влияния ИТ в исследуемой сфере.

Прежде чем перейти непосредственно к выработке критериев оценки эффективности налогового администрирования с применением ИТ, рассмотрим существующие позиции относительно информатизации налогового администрирования. На сегодняшний день исследователи уделяют немало внимания вопросам налогового администрирования, однако доля работ, посвященных непосредственно оценке деятельности ФНС по информатизации, сравнительно мала. Тем не менее существующий научный материал позволяет сформировать общее представление о степени разработки упомянутой проблемы.

¹ Отправная точка в виде 2016 г. обусловлена несколькими причинами: во-первых, временной диапазон позволяет качественно выявить тенденции и закономерности на основе представленной информации; во-вторых, более ранняя информация доступна в сравнительно меньшем объеме и менее актуальна; в-третьих, повсеместное внедрение новейших ИТ в деятельность ФНС заметно именно с 2016 г., что делает данные указанного периода наиболее релевантными настоящему исследованию.

Так, среди наиболее острых проблем выделяются недостаточные темпы повышения эффективности деятельности ФНС [5], неэффективность существующих методов налогового администрирования [6], технологические несовершенства применяемых ФНС систем [7]. В качестве необходимых мер предлагаются «типизация, унификация и стандартизация процессов налогового администрирования на базе современных информационных технологий», модернизация существующих информационных систем. При этом исследователи единодушно признают необходимость применения ИТ для повышения эффективности деятельности ФНС [8].

Фокус внимания исследователей, однако, обычно сконцентрирован на оценке достоинств и недостатков конкретной системы на базе ИТ, применяемой в деятельности ФНС (к примеру, АИС «Налог» [9]), тогда как деятельность ФНС по налоговому администрированию характеризуется как эффективная либо неэффективная на основе внутренних представлений авторов об эффективном как синониме чего-то положительного, без раскрытия содержания понятия эффективности, равно как и без использования той или иной методики ее оценки.

С точки зрения автора этой статьи, произвольная характеристика налогового администрирования с применением ИТ как эффективного либо неэффективного не способствует формированию однородного научного подхода к оценке деятельности ФНС в данном направлении, не позволяет объективно оценить влияние ИТ на деятельность ФНС. Выработка обоснованных критериев эффективности, учитывающих специфику отрасли, позволит более структурированно и основательно подойти к анализу упомянутой проблемы, комплексно оценить тенденции развития — причем в общем виде методика может быть распространена не только на ИТ-направления, но и на деятельность налогового органа в целом. Практическое значение исследования заключается в возможности использования методики не только в научных, но и в практических целях.

Эффективным автор считает налоговое администрирование, сочетающее оперативное и качественное выполнение налоговым органом задач налогового администрирования вкупе с экономичным расходованием государственных средств. Таким образом, критериями эффективности предлагается считать экономичность, оперативность и качество.

Под качеством понимается зависимость между формальным показателем удовлетворенности налогоплательщика деятельностью ФНС (количество жалоб, направленных в ФНС) и результативностью выполнения ФНС задач налогового администриро-

вания. Здесь автор опять же исходит из формального показателя, а именно выполнения ФНС фискальной функции, компенсируя такой выбор сравнением динамики данного показателя с динамикой споров налогоплательщиков с ФНС. В роли вспомогательного взят показатель динамики доли компаний с признаками фиктивности как характеризующий результативность выполнения ФНС задач налогового администрирования. Вместо общего количества жалоб может быть рассмотрена динамика количества судебных споров налогоплательщиков с ФНС как неурегулированных в досудебном порядке. Возможно, такое сравнение будет еще более показательным. Автор планирует проверить данную гипотезу в будущих исследованиях.

Под оперативностью понимаются скорость реагирования ФНС на изменяющиеся реалии, гибкость во взаимодействии с налогоплательщиками, доступность услуг ФНС для налогоплательщиков. Оперативность можно оценить на основе множества факторов, но в рамках данного исследования были сопоставлены показатели динамики количества выездных налоговых проверок с темпами роста популярности текущего контроля, что отражает тенденцию сменяемости форм налогового контроля. В качестве вспомогательного взят показатель динамики доли добровольных уточнений в общем объеме поступлений по контрольно-аналитической работе, поскольку данный показатель характеризует добросовестное поведение налогоплательщи-

ков и связан с повышением уровня налоговой культуры, ростом доверия налогоплательщиков к ФНС, что прямо следует из грамотного, гибкого и прозрачного взаимодействия ФНС с налогоплательщиками.

Под экономичностью понимается такая корреляция между затратами на внедрение и совершенствование ИТ и двумя критериями, проанализированными ранее, при которой увеличение расходов в данном пункте было бы оправдано высокими показателями двух других критериев — и соответственно недостаточность финансирования коррелировала бы с невозможностью качественного и оперативного выполнения налоговым органом задач налогового администрирования. В качестве вспомогательного показателя выбрано исполнение целей и задач Стратегической карты ФНС в рамках ИТ-направления.

Исходя из выделенных критериев необходимо вычленить конкретные данные, сопоставление которых позволит с достаточной степенью достоверности оценить количественные, а вместе с ними и качественные показатели деятельности ФНС. При этом важен комплексный подход к оценке эффективности налогового администрирования с применением ИТ, сочетающий данные, отражающие взаимодействие с налогоплательщиком, и фискальные показатели ФНС, совокупный анализ которых позволит сделать выводы об оперативности, экономичности, прозрачности и доступности в деятельности ФНС (см. таблицу).

Обоснование выделения показателей для оценки эффективности налогового администрирования с применением ИТ

№	Анализируемый показатель	Обоснование
1	Динамика расходов ФНС на внедрение и совершенствование ИТ [10]	Оценка экономичности расходования государственных средств
2	Динамика количества организаций, участвующих в проекте налогового мониторинга	Сопоставление темпов снижения количества мероприятий последующего контроля с темпами роста популярности текущего контроля
3	Динамика количества выездных налоговых проверок	
4	Динамика начисления и поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей	Оценка результативности выполнения ФНС фискальной функции
5	Динамика доли компаний с признаками фиктивности (вспомогательный показатель)	Оценка результативности выполнения ФНС задач налогового администрирования
6	Динамика доли добровольных уточнений в общем объеме поступлений по контрольно-аналитической работе (вспомогательный показатель)	Оценка уровня взаимодействия налогоплательщиков с ФНС
7	Динамика количества жалоб, поступивших в ФНС	Оценка уровня удовлетворенности налогоплательщиков

ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВА ЖАЛОБ,
ПОСТУПИВШИХ В ФНС (СТРОКА 7 ТАБЛИЦЫ)

К сожалению, информация с официального сайта ФНС недостаточно структурирована, не за все периоды доступны справки о работе с обращениями граждан и запросами пользователей информации

в центральном аппарате ФНС. О неполноте информации указано дополнительно. Так, по данным ФНС, в налоговый орган поступило в 2016 г. 4582 жалобы (период 12 месяцев. — *Здесь и далее примеч. авт.*), в 2017-м — 5907 жалоб (период 12 месяцев), в 2018 м — 3884 жалобы (доступна информация лишь за 11 месяцев), в 2019-м — 2990 жалоб (период 11 ме-

сцев), в 2020-м — 3187 жалоб (период 12 месяцев), в 2021-м — 2990 жалоб (период 11 месяцев) [11].

Таким образом, приведенная динамика свидетельствует о росте удовлетворенности налогоплательщиков качеством оказания услуг ФНС (диаграмма 1).

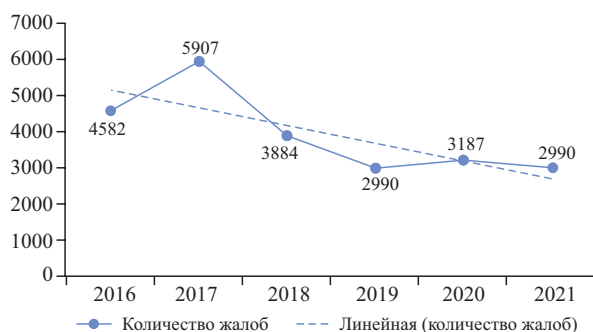

Диаграмма 1. Динамика количества жалоб, поступивших в ФНС (с линейным прогнозом)

ДИНАМИКА НАЧИСЛЕНИЯ И ПОСТУПЛЕНИЯ НАЛОГОВ, СБОРОВ И ИНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ (СТРОКА 4 ТАБЛИЦЫ)

Информация о динамике начисления и поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей представлена в полном объеме на Аналитическом портале ФНС России лишь с 2017 г. [12], чем обусловлено сокращение исследуемого периода. При этом, по данным ФНС за 2019 г., за период с 2014 по 2019 г. при росте экономики на 3,2% поступления налогов в реальном выражении, то есть без учета инфляции, выросли в 1,4 раза [13], а с 2019 по 2021-й — на 5–10% [14], что позволяет сделать вывод о качественном выполнении ФНС фискальной функции (диаграмма 2). Сам по себе этот факт нельзя назвать однозначно положительным в силу возможного роста злоупотреблений в деятельности налогового органа.

Диаграмма 2. Динамика начисления и поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей (с линейным прогнозом)

ДИНАМИКА ДОЛИ КОМПАНИЙ С ПРИЗНАКАМИ ФИКТИВНОСТИ (СТРОКА 5 ТАБЛИЦЫ, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ)

По данным ФНС, представленным лишь за период с 2016 по 2020 г., в 2016 г. доля компаний с признаками фиктивности составляла 26,8%, в 2017-м — 12,1%, в 2018-м — 6,1%, в 2019-м — 2,8%, в 2020-м — 1,1% (диаграмма 3).

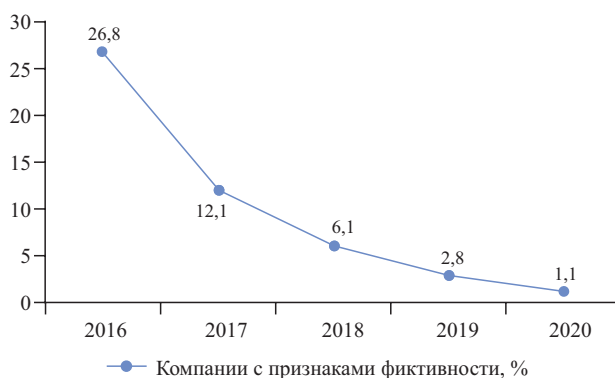

Диаграмма 3. Динамика доли компаний с признаками фиктивности

Таким образом, четко прослеживается связь между результативностью деятельности ФНС в области налогового администрирования (как в рамках начисления и поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей, так и при выявлении компаний с признаками фиктивности и предупреждении роста их доли) и общей тенденцией к снижению числа жалоб в ФНС.

Однако нельзя обойти вниманием возникшие сложности при поиске и структурировании информации для проведения настоящего исследования. К примеру, опираясь на данные официального сайта ФНС, трудно оценить совокупный размер задолженности по налогам и сборам, пеням и налоговым санкциям за год в силу разрозненности данных. Возникли сложности и при подсчете количества жалоб, поступивших в ФНС. При этом, в чем можно будет убедиться далее, объем средств, выделяемый ФНС на ИТ-расходы, позволяет при должном стремлении модернизировать электронные ресурсы ведомства — в том числе форму представления информации.

Для оценки критерия оперативности совместим в одной диаграмме динамику количества организаций, участвующих в проекте налогового мониторинга, и динамику количества выездных налоговых проверок с целью наглядно показать две противоположные тенденции (диаграмма 4).

Диаграмма 4. Последующая и текущая формы контроля — тенденции (с линейным прогнозом)

Диаграмма 4 наглядно демонстрирует постепенное вытеснение последующего контроля текущим. Стоит отметить, что доля компаний, участвующих в проекте налогового мониторинга, даже по данным за 2021 г. крайне мала, однако быстрый рост количества компаний по сравнению с 2016 г. позволяет дать позитивный прогноз дальнейшего развития налогового мониторинга.

Схожие тенденции прослеживаются и в рамках динамики доли добровольных уточнений в общем объеме поступлений по контрольно-аналитической работе. Так, в 2016 г. доля добровольной уплаты составляла лишь 11,7%, тогда как в 2021-м значение показателя выросло более чем в четыре раза — до 52%. То есть можно говорить об улучшении уровня взаимодействия налогоплательщиков с ФНС.

ДИНАМИКА РАСХОДОВ ФНС НА ВНЕДРЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИТ (СТРОКА 1 ТАБЛИЦЫ)

В 2019 г. ИТ-расходы ФНС возросли более чем на 65% по сравнению с 2016-м. Среди прочих федеральных органов государственной власти по размеру ИТ-расходов в период с 2016 по 2019 г. ФНС была на первом месте два раза (в 2017 и 2018 гг.), при этом никогда не опускалась ниже пятого места. Однако вместе с тем доля ИТ-расходов в общей сумме бюджета ФНС оставалась сравнительно небольшой (не выше 11,65%).

Рост расходов на ИТ в ФНС компенсируется малой величиной их доли в общем бюджете ведомства. При этом за исследованный период ФНС внедрила такие проекты, как «RFID-маркировка отдельных категорий товаров» (в дальнейшем получила развитие также маркировка посредством штрихкода CODE39, QR-кода), «Единая унифицированная почтовая система», «Автоматизированная система контроля за налогом на добавленную стоимость», «Автоматизированная система контроля контрольно-кассовой техники», «Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния», «Онлайн-кассы», «Электронный налоговый кошелек» и др.

ФНС провела масштабную работу в области информатизации своей деятельности, в том числе для повышения качества проведения мероприятий налогового администрирования. Поэтому автор считает, что увеличение ИТ-расходов оправдано высокими показателями двух критериев, проанализированных ранее, — качества и оперативности.

Итак, для целей исследования была проанализирована динамика ряда показателей, таких как расходы ФНС на внедрение и совершенствование ИТ; количество организаций, участвующих в проекте налогового мониторинга; количество выездных налоговых проверок; начисление и поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей; доля компаний с признаками фиктивности; доля добровольных уточнений в общем объеме поступлений по контрольно-аналитической работе; количество жалоб, поступивших в ФНС.

Из анализа динамики указанных показателей были сделаны промежуточные выводы о росте удовлетворенности налогоплательщиков качеством оказания услуг ФНС, о качественном выполнении ФНС фискальной функции, о результативности деятельности ФНС в области налогового администрирования, но одновременно с тем — о недостаточной проработке официального сайта ФНС, о наличии несовершенств в технологическом и правовом обеспечении налогового органа.

Тем не менее, несмотря на существующие недостатки, налоговое администрирование с применением информационных технологий можно охарактеризовать как эффективное, особенно при сопоставлении показателей периода с меньшей долей информатизации ФНС.

При этом дальнейшее повышение эффективности налогового администрирования с применением информационных технологий может быть достигнуто, по мнению автора, не путем еще большего расширения арсенала ИТ-проектов, а такими мерами, как совершенствование правового регулирования в указанной сфере; акцент на подготовку квалифицированных кадров; разработка более совершенных методов обеспечения информационной безопасности; проведение просветительской работы среди населения; налоговое стимулирование бизнеса, внедряющего ИТ.

Среди мер по совершенствованию правового регулирования можно предложить следующие направления: дальнейшие теоретические разработки в области машиночитаемого права (автоматизации права); установление нормативных основ деятельности ФНС

в области ИТ, в частности конкретизация правового регулирования взаимодействия ФНС с налогоплательщиком посредством ИТ; принятие инструкций и методических указаний по применению ИТ в налоговом администрировании; закрепление в нормативно-правовых актах конкретных способов применения ИТ в налоговом администрировании с раскрытием их содержания; определение ответственности за создание угрозы информационной безопасности посредством неправомерного применения ИТ в налоговом администрировании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Митусова Е.Ю. Перспективы интеграции оперативного контроля в систему налогового контроля // Экономическое развитие России. 2021. № 7. С. 49–56.
2. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг. (утв. Минфином России) // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/docs/budpol_taxpol (дата обращения: 20.01.2022).
3. Digital Intelligence Index / The Fletcher School at Tufts University, Mastercard — December 2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://digitalintelligence.fletcher.tufts.edu/trajectory> (дата обращения: 19.01.2022).
4. Аналитический портал ФНС России [Электронный ресурс]. — URL: <https://analytic.nalog.ru> (дата обращения: 21.01.2022).
5. Милантей А.С., Батракова Т.Ю. Применение новых информационных технологий при администрировании налоговой системы Российской Федерации // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 1. С. 53–60.
6. Тихонова А.В. О роли информационно-коммуникационных технологий в налоговых правоотношениях: российский и зарубежный опыт // Налоги и налогообложение. 2019. № 7. С. 51–63. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30591 (дата обращения: 20.01.2022).
7. Косарин С.П., Лебедева Ю.А., Милькина И.В. Модернизация информационной системы налоговых органов Российской Федерации // E-Management. 2019. № 1. С. 42–51.
8. Ефремова Т.А. Развитие налогового администрирования в России: теория, методология, практика. Дисс. ... д-р эконом. наук. Саранск, 2018. — 390 с.
9. Хмеляк А.С. Информационные технологии как метод совершенствования работы налоговых органов // Наука и современность. 2014. № 30. С. 199–203.
10. Рейтинг ИТ-расходов федеральных госорганов // Проект «Госрасходы» Счетной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://spending.gov.ru/analytics/ratings/it> (дата обращения: 21.01.2022).
11. Работа с обращениями граждан // Официальный сайт ФНС России [Электронный ресурс]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/appeals_citizens (дата обращения: 20.01.2022).
12. Аналитический портал ФНС России [Электронный ресурс]. — URL: <https://analytic.nalog.ru/> (дата обращения: 21.01.2022).
13. ФНС отчиталась о росте налоговых сборов почти в 1,5 раза за пять лет // РБК [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/11/2019/5dd652309a79476cfefdf2f0> (дата обращения: 21.01.2022).
14. Поступление налогов в реальном выражении выросло с 2019 г. на 5–10% // Известия [Электронный ресурс]. — URL: <https://iz.ru/1168761/2021-05-25/postupleniia-nalogov-v-realnom-vyrazhenii-vyrosli-s-2019-goda-na-5-10> (дата обращения: 21.01.2022).

REFERENCE

1. Mitusova E.Yu. Perspektivy integracii operativnogo kontrolya v sistemu nalogovogo kontrolya // Ekonomicheskoe razvitie Rossii. 2021. № 7. S. 49–56.
2. Osnovnye napravleniya byudzhetoj, nalogovoj i tamozhenno-tarifnoj politiki na 2020 g. i na planovyj period 2021 i 2022 gg. (utv. Minfinom Rossii) // Oficial'nyj sajт Ministerstva Finansov Rossijskoj Federacii. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/docs/budpol_taxpol (accessed on: 01.20.2022).
3. Digital Intelligence Index: Digital Intelligence Index / The Fletcher School at Tufts University, Mastercard — December 2020 [Digital resource]. — URL: <https://digitalintelligence.fletcher.tufts.edu/trajectory> (accessed on: 01.19.2022).
4. Analiticheskij portal FNS Rossii [Digital resource] // URL: <https://analytic.nalog.ru> (accessed on: 01.21.2022).
5. Milyantej A.S., Batrakova T.Yu. Primenenie novyh informacionnyh tekhnologij pri administrirovanii nalogovoj sistemy Rossijskoj Federacii // Izvestiya Velikolukskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. 2018. № 1. S. 53–60.
6. Tihonova A.V. O roli informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v nalogovyh pravootnosheniyah: rossijskij i zarubezhnyj opyt // nalogi i nalogooblozhenie. 2019.

- № 7. S. 51–63. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30591 (accessed on: 01.20.2022).
7. Kosarin S.P., Lebedeva Yu.A., Mil'kina I.V.
Modernizatsiya informatsionnoy sistemy nalogovykh organov Rossiyskoy Federatsii // E-Management. 2019. № 1. S. 42–51.
8. Efremova T.A. Razvitiye nalogovogo administrirovaniya v Rossii: teoriya, metodologiya, praktika. Diss. ... dokt. ekonom. nauk. Saransk, 2018. 390 s.
9. Hmelyak A.S. Informatsionnye tekhnologii kak metod sovershenstvovaniya raboty nalogovykh organov // Nauka i sovremennost'. 2014. No 30. S. 199–203.
10. Rejting IT-raskhodov federal'nykh gosorganov // Proekt "Gosraskhody" Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii [Digital resource]. — URL: <https://spending.gov.ru/analytics/ratings/it> (accessed on: 01.21.2022).
11. Rabota s obrashcheniyami grazhdan // Oficial'nyj sayt FNS Rossii [Digital resource]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/appeals_citizens (accessed on: 01.20.2022).
12. Analiticheskij portal FNS Rossii [Digital resource]. — URL: <https://analytic.nalog.ru/> (accessed on: 01.21.2022).
13. FNS otchitalas' o roste nalogovykh sborov pochni v 1,5 raza za pyat' let // RBK [Digital resource]. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/11/2019/5dd652309a79476cfefdf2f0> (accessed on: 01.21.2022).
14. Postupleniya nalogov v real'nom vyrazhenii vyrosli s 2019 g. na 5–10% // Izvestiya [Digital resource]. — URL: <https://iz.ru/1168761/2021-05-25/postupleniia-nalogov-v-realnom-vyrazhenii-vyrosli-s-2019-goda-na-5-10> (accessed on: 01.21.2022).

Научная статья

УДК: 340:004

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14454>

Original article

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УСИЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

SOME ASPECTS OF STRENGTHENING THE LEGAL FRAMEWORK FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF SUBJECTS OF CREATIVE ACTIVITY

Акмаль Холматович САИДОВ

Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека, Ташкент, Узбекистан,
ncpch2@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9990-0655>

Омонбой Окюлович ОКЮЛОВ,

Ташкентский государственный юридический университет, Узбекистан,
ncpch2@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9682-1249>

Информация об авторах

А.Х. Саидов — директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, академик Академии наук Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

О.О. Окюлов — доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы творческой деятельности, считающейся высшим проявлением мыслительного процесса. В ракурсе конституционных реформ предлагается пересмотреть конституционные нормы о свободе творчества на основе международно-правовых стандартов, закрепить обязанности государства по всемерной защите прав

- интеллектуальной собственности. В частности, авторы
- утверждают, что в последнее время наравне с человеком субъектом творческой деятельности становится
- самодостаточный и саморазвивающийся искусственный
- интеллект, который создает оригинальные и уникальные
- научные произведения. В этой связи он вполне может
- претендовать на статус субъекта интеллектуальной
- деятельности. Исследуя некоторые вопросы плагиата
- и самоплагиата, авторы подвергают критическому
- анализу чрезмерные и формальные строгости, установленные в правилах проведения экспертиз диссертационных исследований, и предлагают дифференцировать
- плагиат и самоплагиат.

- **Ключевые слова:** интеллектуальная собственность, автор, правообладатель, искусственный интеллект, квазисубъект, плагиат, самоплагиат, свобода творчества, научное творчество, художественное творчество, литературное творчество, техническое творчество, научный суверенитет

- **Для цитирования:** Саидов А.Х., Окюлов О.О. Некоторые аспекты усиления правовых основ защиты прав и законных интересов субъектов творческой деятельности // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 41, № 2. С. 38–43; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14454>

Akmal Kh. SAIDOV

National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Tashkent, Uzbekistan,
ncpch2@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9990-0655>

Omonboy OKYULOV,

Tashkent State University of Law, Uzbekistan,
ncpch2@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9682-1249>

Information about the author

Akmal Kh. SAIDOV — Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences, Professor
Omonboy O. OKYULO — Doctor of Legal Sciences, Professor of Tashkent State University of Law, Uzbekistan

Abstract. The article examines the actual problems of creative activity, which is considered the highest manifestation of the thought process. From the perspective of constitutional reforms, it is proposed to revise the constitutional norms on freedom of creativity on the basis of international legal standards, to consolidate the state's obligations to fully protect intellectual property rights. In particular, the authors claim that recently, along with a person, a self-sufficient and self-developing artificial intelligence, which creates original and unique scientific works, has also become the subject of creative activity. In this regard, he may well claim the status of a subject of intellectual activity. Investigating some issues of plagiarism and self-plagiarism, the authors critically analyze the excessive and formal strictures established in the rules for conducting examinations of dissertation research, and propose to differentiate plagiarism and self-plagiarism.

Keywords: intellectual property, author, copyright holder, artificial intelligence, quasi-subject, plagiarism, self-plagiarism, freedom of creativity, scientific creativity, artistic creativity, literary creativity, technical creativity, scientific sovereignty

For citation: Saidov A.Kh., Okylov O.O. Some Aspects of Strengthening the Legal Framework for the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Subjects of Creative Activity // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 41(2). P. 38–43; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14454>

Общеизвестно, что труд человека, его деятельность преобразуют мир, окружающую нас среду. Деятельность человека разнообразна и многогранна. Одним из важных ее видов является интеллектуальная, творческая деятельность, результатом которой выступают новые идеи, произведения, изобретения и т.д. Именно поэтому в национальных правовых системах каждой страны субъект творческой деятельности — автор — имеет особый правовой статус, за ним закреплены специальные права. Если бы творческой деятельности не было, то человечество до сих пор обитало бы в пещерах. «Творчество — деятельность человека, порождающая нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью» [1]. Человек, осуществляя творческую деятельность, создает различные объекты интеллектуальной собственности. Авторам результатов интеллектуальной деятельности принадлежат в отношении этих результатов личные неимущественные и имущественные права.

Свобода творчества является неотъемлемой частью прав и свобод человека. Хотя Всеобщая декларация прав человека от 1948 г. и Пакт об экономических, социальных и культурных правах от 1966 г. не содержат термин «свобода творчества», однако он недвусмысленно вытекает из п. 2 ст. 27 Декларации («Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является») и п. 1 подп. «с» ст. 15 Пакта («Пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является»).

Как показывает мировая практика конституционализма XXI в., ключевое значение в успешном проведении динамичных реформ имеют именно развитие конституционных правовых основ, модернизация общества и государства. Заметим, что конституционные изменения во всех странах объединяет то, что они являются ответом на внешние и внутренние вызовы. Более современные конституции охватывают более широкий спектр отношений, включая в себя новые повестки, которые не были актуальны. Например,

столетие назад это были экология, гендерное равенство, защита прав, свобод и законных интересов человека, формирование информационного общества, безопасных цифровых данных, научно-технологическое и инновационное развитие и т.п.

Как отметил Президент Республики Узбекистан, в нашей стране в качестве объективной необходимости на повестку перед широкой общественностью ставятся конституционные реформы. Во-первых, необходимо заменить ранее действовавший принцип «государство — общество — человек» новым гуманистически принципом: «человек — общество — государство», закрепить его в национальном законодательстве и правовой практике. Во-вторых, в процессе экономических реформ главным критерием должно стать обеспечение интересов человека. Это важнейшее условие построения действительно народного государства [2].

Среди конституционных норм следует пересмотреть содержание ст. 42, согласно которой каждому гарантируются свобода научного и технического творчества, право на пользование достижениями культуры. Выше были указаны международные стандарты прав человека в сфере свободы творчества. В них свобода творчества толкуется расширительно и охватывает научную, техническую, литературную и художественную свободу творчества. Это означает, что творчество как способ реализации интеллектуального потенциала человека многогранно, и это должно быть отражено в Основном законе.

Отметим, что недостаточно перечислить и гарантировать в Конституции свободу различных видов творчества. Не следует забывать, что в результате интеллектуальной деятельности создаются новые виды благ, охватываемых правом интеллектуальной собственности. Это право предоставляет автору-творцу правомочия реализовать и обеспечивать имущественные и личные интересы.

Между правом интеллектуальной собственности и правом собственности на материальные объекты имеются как определенная общность, так и своеобразные различия. Поэтому было бы некорректным считать, что конституционные основы права собственности и права частной собственности, их неприкосновенности в достаточной степени защищают интересы субъектов интеллектуальной собственности. Соответственно в Основном законе должна содержаться отдельная новелла о том, что права и законные интересы субъектов интеллектуальной собственности всемерно охраняются государством, которое создает все условия для осуществления этих прав.

В Узбекистане вместе с конституционной реформой продолжается динамичный процесс обновления

законодательства. В соответствии с Распоряжением Президента Республики Узбекистан № Ф-5465 «О мерах по дальнейшему совершенствованию гражданского законодательства Республики Узбекистан» разрабатывается проект Гражданского кодекса в новой редакции, идет работа по подготовке проектов Предпринимательского кодекса, Кодекса интеллектуальной собственности.

Как показывает анализ законодательства, в настоящее время между нормами раздела IV Гражданского кодекса, регулирующего отношения в области интеллектуальной собственности, и большинством норм отдельных законов, регламентирующих специальные объекты интеллектуальной собственности, имеются повторы, дублирования и даже противоречия. Поэтому предстоит прежде всего установить оптимальное соотношение Гражданского кодекса и Кодекса интеллектуальной собственности. В ГК следует сохранить только нормы, регулирующие основания возникновения прав на интеллектуальную собственность, правовой статус автора интеллектуальной собственности, правомочия обладателя исключительных прав. Все остальные отношения должны быть урегулированы Кодексом интеллектуальной собственности. Также в ГК должны быть предусмотрены нормы, устанавливающие особый правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, т.е. научный суверенитет.

Горький опыт истории средневековой Европы и, в недавнем прошлом, бывшего Советского Союза требует разработки и закрепления правового режима научного суверенитета. Общеизвестно, что Джордано Бруно сожгли на костре, а Галилея судили в инквизиционном суде за высказывание о том, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. В Советском Союзе генетика и кибернетика были объявлены лженауками только за то, что они не соответствовали марксистским догмам. Поэтому в законодательстве следует закрепить следующие **принципы научного суверенитета**:

- всякие научные идеи имеют право на существование;
- правильность или неправильность этих идей не является предметом судебных решений или директив органов государственной власти и управления;
- если иное не вытекает из сущности общественных отношений либо не установлено в законодательстве, результатам интеллектуальной деятельности предоставляются преимущества по сравнению с другими видами деятельности.

Испокон веков субъектами творческой деятельности были только физические лица. Но в последнее время ситуация изменилась: появился искусственный

интеллект, который пишет стихи, сочиняет музыку, готовит аналитические записки. В прошлом веке дискуссии на эту тему сводились к тому, кем или чем является искусственный интеллект: объектом или субъектом права? В популярных фильмах («Человек, которому двести лет», «Терминатор» и т.п.) прогнозировалось, что робот как разновидность искусственного интеллекта в будущем социализируется и станет полноценным субъектом общественных отношений наравне с человеком. Правда, юристы сомневались в этом, указывая на отсутствие у роботов воли и интересов. Однако сейчас научно-технический прогресс достиг такого уровня, что в некоторых странах роботов признали субъектами права. Создаются такие виды искусственного интеллекта, которые являются самодостаточными и саморазвивающимися в обитаемой среде. Они обладают высокой эрудицией и творческим потенциалом.

В таком ракурсе искусственный интеллект никоим образом не уступает человеку, а по определенным параметрам даже превосходит его. Что касается воли и интересов, то человек зависим от социальной среды, имеет определенные физические и психологические ограничения в реализации своих возможностей. Ему бывают присущи порочные наклонности. Поэтому пока нельзя предугадать полностью интересы и особенности проявления воли искусственного интеллекта, но человечество должно быть готовым ко всяким сюрпризам в данной ситуации.

В процессе развития гражданского законодательства высказывалось предложение распространить нормы об источниках повышенной опасности в отношении искусственного интеллекта. В данное время искусственный интеллект стал своеобразным квазисубъектом в общественных, в том числе правовых, отношениях. Искусственный интеллект в качестве автора научных разработок и художественных произведений вполне может претендовать на статус субъекта интеллектуальной собственности.

Разумеется, сам искусственный интеллект является результатом творческой деятельности человека — это очевидно. Однако, обладая атрибутами самодостаточности и саморазвития, искусственный интеллект самостоятельно создает новые, оригинальные, уникальные результаты творческой деятельности. В таком случае, хотя и имеется причинная связь между творческой деятельностью человека, в результате которой создан искусственный интеллект, и результатом творческой деятельности этого искусственного интеллекта, было бы несправедливо признать в отношении последнего авторство человека. Конечно, эту проблему можно толковать по-разному на основе законодательства и на основе доктрины права. Но очевидно, что

в недалеком будущем искусственный интеллект может стать особым субъектом правоотношений.

В системе интеллектуальных прав главенствующее место занимают права авторства на результаты творческой деятельности. Это обусловлено прежде всего характером и сущностью творческой деятельности. В процессе творческой деятельности всегда создается что-то новое, оригинальное и уникальное. Творческая деятельность — основа всякого развития и процесса. Творчески мыслящий человек — это творец, разрабатывающий новые идеи и подходы, дающие толчок для качественных перемен. Поэтому, отдавая дань заслугам творца-автора, в ГК большинства стран СНГ закреплены права на авторство результатов творческой деятельности, хотя ее значимость и место в иерархии интеллектуальных прав толкуются по-разному.

Так, в ст. 1033 ГК Республики Узбекистан право на авторство результатов интеллектуальной деятельности предусмотрено в качестве разновидности личных неимущественных прав. Аналогичная норма содержится в ст. 963 ГК Казахстана.

В ст. 1228 ГК РФ право на авторство также рассматривается как разновидность личных неимущественных прав. Вместе с тем в этой статье указано на неразрывную связь с правом авторства и исключительных прав, а именно на то, что исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора.

Совокупность прав на результаты интеллектуальной деятельности разнообразна и многослойна. Но среди субъектов этих прав автор занимает особое, привилегированное положение. Часть данных прав не подлежит отчуждению, а часть из них (имущественные права) может быть передана другим лицам по договору или по основаниям, предусмотренным законом.

Если проанализировать предпосылки возникновения права на авторство и его назначение, то можно убедиться в том, что оно является чем-то большим, чем личное неимущественное право. Определенная сфера его влияния и воздействия, взаимосвязи корреспондируются с иными конструкциями интеллектуальных прав, в том числе исключительными и другими неимущественными правами [3]. Хотя в сущности права на авторство преобладает личный неимущественный характер, не следует отрицать его влияние на другие имущественные права творческой деятельности. Поэтому право на авторство можно охарактеризовать как «генетический материал», необходимый для возникновения и личных иных прав на результаты творческой деятельности.

Право на авторство является объектом особой правовой охраны. В Узбекистане предусмотрена уго-

ловная ответственность за присвоение авторства, принуждение к соавторству (ст. 149 УК). Что касается гражданско-правовой охраны права на авторство, прежде всего следует определить виды посягательств на право авторства. Общеизвестно, что основными видами таких посягательств являются плагиат и отрицание авторства. Отрицание авторства проявляется прежде всего в умышленном непризнании права автора либо признании автором третьего лица. В таких случаях автор имеет право на гражданско-правовую защиту путем применения способов защиты гражданских прав, предусмотренных в ст. 11 ГК. Основной из этих способов — признание прав либо в судебном порядке, либо с использованием других правовых механизмов.

Что касается плагиата, то он в качестве особого вида правонарушения предусмотрен в подзаконных актах. В п. 50 Положения о присуждении ученой степени, утвержденного решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Кабинете министров Республики Узбекистан от 31 мая 2017 г., указано, что в случае обнаружения плагиата у лица, имеющего ученую степень, оно может быть лишено Президиумом ВАК ученой степени [4]. Согласно п. 11 Положения о порядке оплаты расходов, связанных с проведением экспертизы диссертаций на соискание ученых степеней в Высшей аттестационной комиссии при Кабинете министров Республики Узбекистан, проводится обязательная экспертиза на предмет плагиата. Оплата расходов за проведение в ВАК электронной экспертизы диссертаций на предмет определения плагиата и опубликование тем диссертаций в журнале «Бюллетень ВАК» производится за счет:

- внебюджетных средств организаций и учреждений, где осуществляет трудовую деятельность соискатель или где выполнена диссертационная работа, в случае приема научным советом по присуждению ученых степеней диссертации к защите в период обучения соискателя в институте послевузовского образования;
- собственных средств соискателя, а также иных источников, не запрещенных законодательством, в случае приема научным советом по присуждению ученых степеней диссертации к защите после окончания срока обучения соискателя в институте послевузовского образования [5].

Отсюда вытекает, что всякий плагиат является основанием для применения суровых санкций, включая отказ в присуждении ученой степени или лишение ученой степени. Но плагиат плагиату рознь, поскольку литературное произведение отличается от научного своим правовым режимом и критериями оценки их достоинств.

Согласно ч. 6 ст. 1041 ГК, идеи, принципы, методы, процессы, системы, способы или концепции как таковые не являются объектом охраны авторского права. Вместе с тем достоинства научного произведения, т.е. диссертации, монографии, оцениваются прежде всего исходя из наличия в них новых, уникальных, оригинальных идей, подходов и решений научных проблем. Для научных произведений объективная форма не играет главенствующей роли. Одна и та же научная идея может быть изложена десятком авторов в десяти вариантах. Однако их сущность не меняется.

Содержание диссертационных исследований и в структурном плане, и по месту значимости в системе научного аппарата также дифференцировано. Определенные части диссертационной работы выдвигаются на первый план (научные идеи, вносимые на защиту). Некоторые части занимают место на втором плане: генезис проблемы, обзор научной литературы. А другие части относятся к третьему плану: приложение, примечание и т.п. Справедлив ли отказ в присуждении ученой степени из-за плагиата, выявленного на третьем плане?

Также следует констатировать, что в научной литературе дифференцируются различные виды плагиата не только по общественной опасности, но и по форме проявления. Это скрытое и явное автоцитирование, цитирование трудов, написанных в соавторстве, криптомнезия (авторская забывчивость), конгенитальность, разнопорядковость научной, учебной и реферативной литературы, крупнообъемных «медленных» и малообъемных «быстрых» публикаций, квалификационных работ и «свободных» опусов... [6].

Конечно, плагиат как противоправное явление достоин осуждения, и в случае большой общественной опасности необходимо применять строгие правовые санкции. Однако понятие плагиата в научных произведениях, критерии его оценки и правовые последствия должны быть определены в соответствующем законе, а не в ведомственном подзаконном акте. В данное время такие нормативы отсутствуют, и судьба соискателей зависит от субъективного мнения экспертов. Нельзя забывать об основных началах гражданского законодательства — добросовестности, разумности, справедливости, соразмерности.

Многие диссертанты в Узбекистане сталкиваются с проблемой самоплагиата, когда определенная часть текста диссертации совпадает с ранее опубликованными научными трудами диссертанта. Одним из требований, предъявляемых к диссертациям, является апробация, т.е. основные научные идеи и суждения должны быть опубликованы в соответствующих изданиях, требуется их доведение до внимания научной общественности. В Узбекистане и некоторых других

странах установлены обязательные минимальные количества публикаций. Если диссертант увлекается опубликованием содержания диссертации в виде отдельных научных статей, то когда он выходит на финишную прямую — к защите, на этапе антиплагиатной экспертизы обнаруживается самоплагиат, в связи с чем приходится дорабатывать диссертацию в соответствии с формальными требованиями.

Конечно, самоплагиат как нежелательное явление имеет место в научных и образовательных учреждениях в форме «пускание пыли в глаза». В трудовых или гражданско-правовых контрактах сотрудников этих учреждений содержатся их обязательства публиковать научные работы в период действия контракта. Некоторые сотрудники придерживаются в своей деятельности изречения «От человека рождается человек, от книги рождается книга». Они пишут одну статью и публикуют ее под различными названиями, добавляя или убирая отдельные части; тем самым они выполняют обязательства по контракту и получают материальные и нематериальные блага. Именно в таких случаях самоплагиат является своеобразным очковирательством.

Что касается самоплагиата, выявляемого при экспертизе диссертаций, то его следует оценивать в другом ракурсе. Общеизвестно, что диссертация и ее автореферат обладают статусом рукописи, т.е. они не являются опубликованной работой. Многие не обращают на это внимание. Конечно, это не лишает их значимости как научного источника. Уму непостижимо, как можно толковать опубликование содержания диссертации, находящейся в режиме рукописи, как правонарушение. Наоборот, как было указано выше, опубликование содержания диссертации в виде научных статей и тезисов является формой апробации диссертационного исследования как выполнение обязательного требования, предъявляемого к диссертациям. Причем соблюдение этого требования никоим образом не нарушает интересов ни диссертанта-автора, ни третьих лиц, а также не умаляет значимость диссертационного исследования. Все это понимают и диссертанту сочувствуют.

Однако антиплагиатную экспертизу проводит компьютер, который выдает заключение, а с ним вступать в спор бессмысленно. Такая процедура считается способом, предупреждающим злоупотребления и коррупцию, исключая человеческий фактор при принятии решений. Применение такой процедуры, несомненно, целесообразно, вместе с тем при обнаружении самоплагиата при проведении экспертизы на антиплагиат по диссертациям не следует возлагать на диссертанта обязанность переделывать свою научную работу. Это нонсенс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов Э.П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития. М.: Наука, 1984. С. 83.
2. Праздничное поздравление Президента Ш. Мирзиёева народу Узбекистана по случаю годовщины принятия Конституции, 07.12.2021. — URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4815> (дата обращения: 04.04.2022).
3. Алексеев А.П. Права интеллектуальной собственности Российской Федерации. М.: Проспект, 2010. С. 199-200.
4. Постановление Президиума Высшей аттестационной комиссии при Кабинете министров Республики Узбекистан «Об утверждении положения о порядке присуждения ученых степеней». — URL: <http://www.lex.uz/docs/3244217> (дата обращения: 05.04.2022).
5. Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию порядка подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации» № 937 от 22.11.2017 // Национальная база данных законодательства, 25.11.2017, № 09/17/937/0318.
6. Синченко Г.Ч., Николаенко Н.М. Плагиат — контрплагиат — антиплагиат // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 3. С. 54.

REFERENCES

1. Gavrilov E.P. Sovetskoe avtorskoe pravo. Osnovnye polozheniya. Tendencii razvitiya. M.: Nauka, 1984. S. 83.
2. Prazdnichnoe pozdravlenie Prezidenta Sh. Mirziyoeva narodu Uzbekistana po sluchayu godovshchiny prinyatiya Konstitucii, 07.12.2021. — URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4815> (data obrashcheniya: 04.04.2022).
3. Alekseev A.P. Prava intellektual'noj sobstvennosti Rossijskoj Federacii. M.: Prospekt, 2010. S. 199-200.
4. Postanovlenie Prezidiuma Vysshej Attestacionnoj Komissii pri Kabinete Ministrov Respubliki Uzbekistan "Ob utverzhdenii polozheniya o poryadke prisuzhdeniya uchenyh stepeney". — URL: <http://www.lex.uz/docs/3244217> (data obrashcheniya: 05.04.2022).
5. Postanovlenie Kabineta ministrov Respubliki Uzbekistan "O merah po dal'nejshemu sovershenstvovaniyu poryadka podgotovki i attestacii nauchnyh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshej kvalifikacii" No 937 ot 22.11.2017 // Nacional'naya baza dannyh zakonodatel'stva, 25.11.2017, No 09/17/937/0318.
6. Sinchenko G.Ch., Nikolaenko N.M. Plagiat — kontrplagiat — antiplagiat // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2013. No 3. S. 54.

ИМУЩЕСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ АВТОРСКИХ ПРАВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

THE PROPERTY COMPONENT OF PERSONAL NON-PROPERTY COPYRIGHT: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Ирина Александровна МИХАЙЛОВА

Центр научной и экспертной аналитики Международного центра компетенций «АйПи» Российской государственной академии интеллектуальной собственности, Москва, Россия,
irina_mikhaylova@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7305-5668>

Информация об авторе

И.А. Михайлова — доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Вопросы, связанные с определением правовой сущности личных неимущественных авторских прав, остаются в центре внимания многих ученых, но, несмотря на это, отдельные аспекты названного института не получили в современной доктрине однозначной трактовки. К числу таких дискуссионных аспектов относится вопрос о наличии имущественной составляющей в содержании названных правомочий, который приобрел особую актуальность на фоне тотальной коммерциализации гражданского оборота. Цель автора — выявление и анализ тех особенностей личных неимущественных авторских прав, которые не в полной мере соответствуют их легальной регламентации и традиционному пониманию.

Показано, в частности, что авторские права на обнародование произведения, его неприкосновенность и его отзыв имеют дуалистический характер, поскольку реализация рассматриваемых правомочий, отражающая духовно-творческий мир автора, как правило, затрагивает и его имущественную сферу, придавая экономическое содержание возникающим правоотношениям. Именно наличие имущественного элемента в содержании рассматриваемых прав обуславливает возможность их перехода к наследникам умершего

- автора; это означает, что они далеко не всегда неразрывно связаны с личностью автора.
- Особое внимание уделяется анализу ситуаций, в которых автор создает произведение по заказу лица, заинтересованного в его продвижении в качестве результата собственной интеллектуальной деятельности.
- В подобных случаях имеет место возмездная передача не только исключительного права, но и абсолютно непередаваемых и неотчуждаемых личных неимущественных авторских прав — права авторства и права на имя, в связи с чем возникает немало теоретических и практических проблем, нуждающихся в анализе и разрешении. Основной вывод заключается в следующем:
- правовая сущность личных неимущественных авторских прав столь же сложна и многогранна, как бесконечно сложна творческая деятельность, поэтому право не всегда может облечь их в стандартную правовую форму, свойственную иным личным неимущественным правам. Именно этим объясняется многообразие представленных взглядов и суждений, создающих теоретическую основу для дальнейшего совершенствования соответствующего раздела российского законодательства.

Ключевые слова: автор, авторские права, произведение, обнародование, неприкосновенность, отзыв произведения, личные неимущественные права, имущественный элемент, правовая сущность, передача наследникам

Для цитирования: Михайлова И.А. Имущественная составляющая личных неимущественных авторских прав // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 41(2). С. 44–53;

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14446>

Irina A. MIKHAHYLOVA

Center for Scientific and Expert Analytics International
Competence Center "IP" Russian State Academy of
Intellectual Property, Moscow, Russia,
irina_mikhaylova@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7305-5668>

Information about the author

I.A. Mikahylova — Doctor of Legal Sciences, Professor

Abstract. Issues related to the definition of the legal nature of personal non-property copyright remain the focus of many scientists, but, despite this, certain aspects of the named institution have not received an unambiguous interpretation in the modern doctrine. Among such debatable aspects is the question of the presence of a property component in the content of these powers, which has become particularly relevant against the background of the total commercialization of civil circulation. The purpose of the author is to identify and analyze those features of personal non-property copyrights that do not fully correspond to their legal regulation and traditional understanding.

It is shown, in particular, that copyright for the publication of a work, its inviolability and its recall are of a dualistic nature, since the implementation of the powers under consideration, reflecting the spiritual and creative world of the author, as a rule, also affects his property sphere, giving economic content to the emerging legal relations. It is the presence of a property element in the content of the rights under consideration that makes it possible for them to pass to the heirs of the deceased author, which means that they are not always inextricably linked with the personality of the author.

Particular attention is paid to the analysis of situations in which the author creates a work commissioned by a person interested in its promotion as a result of their own intellectual activity. In such cases, there is a transfer for compensation not only of the exclusive right, but also absolutely non-transferable and inalienable personal non-property copyrights — the right of authorship and the right to a name, in connection with which there are many theoretical and practical problems that need to be analyzed and resolved. The main conclusion is as follows: the legal essence of personal non-property copyrights is as complex and multifaceted as creative activity is infinitely complex, therefore the law cannot always clothe them in a standard legal form inherent in other personal non-property rights. This explains the diversity of views and judgments presented to the doctrine, which create a theoretical basis for further improvement of the relevant section of Russian legislation.

Keywords: author, copyright, work, publication, inviolability, revocation of the work, personal non-property rights, property element, legal entity, transfer to heirs

- For citation: *Mikhaylova I.A. // Trudi po Intellectualnoy*
- *Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022.*
- *Vol. 41(2). P. 44–53;*
- *DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14446>*

... Прекрасно. Вот же вам совет;
 Внемлите истине полезной:
 Наш век — торгаш,
 В сей век железный
 Без денег и свободы нет.
 Что слава — яркая заплата
 На ветхом рубище певца.
 Нам нужно злата, злата, злата:
 Копите злато до конца!

А.С. Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) в качестве личных неимущественных авторских прав закреплены: 1) право авторства; 2) право автора на имя; 3) право на неприкосновенность произведения; 4) право на его обнародование (п. 2 ст. 1255). В процессе модернизации гражданского законодательства в некоторые нормы, относящиеся к рассматриваемым правомочиям, были внесены существенные изменения и дополнения. Так, в п. 3 ст. 1255 ГК РФ в редакции Федерального закона от 12.03.2014 № 35-ФЗ была установлена принадлежность автору произведения и других личных неимущественных прав, в том числе права на отзыв и право на доступ к произведению изобразительного искусства. Названный закон внес изменения и в содержание ст. 1269 ГК РФ, предусмотрев, что автор имеет право до фактического обнародования произведения отказаться от ранее принятого решения о его обнародовании (право на отзыв) при условии возмещения лицу, которому отчуждено исключительное право на произведение или предоставлено право использования произведения, убытков, причиненных таким решением.

Содержание названных личных неимущественных авторских прав, а также условия и порядок их реализации, конкретизированные в ст. 1265–1269 ГК РФ, неоднократно разъяснялись в постановлениях, определениях и обзорах судебной практики Верховного Суда РФ. Вопросы, связанные с определением понятия и правовой сущности названных видов прав авторов произведений науки, литературы и искусства, привлекают внимание многих современных ученых. Только за последнее десятилетие названная пробле-

ма исследовалась в ряде кандидатских и докторских диссертаций [1, с. 5–9; 2, с. 10–15; 3, с. 6–9]. Понятие и содержание личных неимущественных авторских прав получили глубокую и всестороннюю характеристику в трудах И.А. Близнеца, Э.П. Гаврилова, А.Г. Матвеева, И.В. Понкина, В.С. Савиной, А.П. Сергеева, Л.Б. Сидтиковой, Р.И. Сидтиковой и других авторов.

Однако анализ наиболее значимых концепций и суждений, сформулированных российскими учеными относительно рассматриваемой группы субъективных прав, свидетельствует об отсутствии единства по определению их правовой сущности и специфических особенностей. Различные авторы по-разному решают вопрос о том, какие из названных в законе прав являются *личными неимущественными*, а какие, не являясь личными, относятся просто к *неимущественным*.

Так, И.В. Данилина утверждает, что только право авторства и право на имя отнесены законодателем к категории личных неимущественных прав, а все прочие права — на неприкосновенность произведения, его обнародование и отзыв — являются просто неимущественными правами [4, с. 21]. Научным оппонентом представленной позиции выступает А.Г. Матвеев, который последовательно и убедительно отстаивает тезис о том, что личные неимущественные права авторов достаточно четко обособлены от отчуждаемого исключительного авторского права и являются личными неотчуждаемыми субъективными правами [2, с. 14–15].

Рассматриваемую группу субъективных авторских прав безоговорочно считает личными неимущественными правами И.А. Близнец, который утверждает, что названные права неотчуждаемы и непередаваемы, и даже сам автор не может от них отказаться [5, с. 68]. Такая трактовка превалирует в современной доктрине, однако это не означает достижения хотя бы приблизительного единства относительно специфических признаков личных неимущественных авторских прав, к которым кроме неотчуждаемости относят также отсутствие экономического эквивалента, или, иначе выражаясь, имущественной составляющей (имущественного элемента), в их содержании. Между тем этот вопрос имеет настолько важное теоретическое

и практическое значение, что заслуживает специального анализа и обсуждения.

Для ответа на него следует обратиться к основаниям выделения в составе прав, принадлежащих авторам произведений науки, литературы и искусства, личных неимущественных прав. Как справедливо отмечает С.А. Бабкин, исходной предпосылкой введения в законодательство об интеллектуальной собственности личных неимущественных авторских прав служит бесспорный тезис о том, что существуют определенные явления в психической сфере, которым право придает значение. Речь идет о субъективном отношении автора к результату своего труда, защищаемому правом (в определенных границах) посредством системы личных неимущественных прав (курсив С.А. Бапкина) [6, с. 581-582].

К этому утверждению можно добавить еще один довод: в отличие от всех других видов деятельности, подлежащих определенной унификации и формализации, творчество представляет собой наиболее яркое проявление человеческой уникальности. Вне зависимости от масштаба дарования автора созданное им произведение всегда является неповторимым отражением его личности, поэтому задача права — легальное признание не только имущественных, но и личных неимущественных прав, выражающих неразрывную связь автора с его творением.

Но во всех ли случаях признаваемые законодателем личные неимущественные права абсолютно свободны от имущественной составляющей и абсолютно непередаваемы другим лицам? Рассмотрим по отдельности каждое из них.

Начнем с анализа **права на обнародование** произведения, представляющего собой право автора осуществить действие или дать согласие на осуществление действия, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю или любым иным способом (п. 1 ст. 1268 ГК РФ). Реализация рассматриваемого правомочия, как правило, влечет за собой возникновение у автора права на получение вознаграждения, поэтому в доктрине все чаще звучат утверждения, что рассматриваемое право объединяет как личные неимущественные, так и имущественные элементы [7, с. 198].

Дискуссионный характер правовой сущности рассматриваемого правомочия отмечает, в частности, И.А. Блинец [5, с. 51, 73], а по мнению В.А. Дозорцева, право на опубликование произведения, относимое к неимущественным, не просто влечет за собой имущественные последствия, но и, безусловно, является отчуждаемым, во всяком случае в существенных ча-

стях [8, с. 48]. Приведенные суждения представляются абсолютно верными, так как они адекватно отражают цель и специфику реализации рассматриваемого правомочия, однако с такой трактовкой правовой сущности права на обнародование соглашались далеко не все современные ученые [2, с. 14-15].

Решение данного вопроса имеет важное теоретическое значение применительно к характеристике еще одного авторского правомочия — **права на неприкосновенность** произведения, в соответствии с которым не допускается без согласия автора вносить в созданное им произведение изменения, сокращения и дополнения, снабжать произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями (п. 1 ст. 1266 ГК РФ).

Названное право было безоговорочно отнесено к личным неимущественным правам в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 85), установившем, что «соответствующие изменения допускаются с согласия автора, которое должно быть определено выражено, а при отсутствии доказательств того, что согласие было определено выражено, оно не считается полученным» (п. 87).

Не оспаривая приведенного положения, отметим все же, что реализация рассматриваемого правомочия может затрагивать не только духовно-творческую сферу автора, но и его имущественный интерес, поскольку в большинстве случаев требование о внесении в произведение тех или иных сокращений, изменений или дополнений выдвигается в качестве условия его использования тем или иным способом (например, публикацией книги, постановкой пьесы, принятием сценария и т.д.), влекущим выплату автору соответствующего вознаграждения. Это означает, что в содержании права на неприкосновенность также усматривается имущественная составляющая.

Еще более очевидной такая составляющая становится в случаях перехода исключительного права на произведение к наследникам умершего автора. В ч. 2 ст. 496 ГК РСФСР 1964 г. было указано, что право автора на имя и право на неприкосновенность произведения по наследству не переходят. Принципиально иная позиция была закреплена в абз. 2 п. 1 ст. 1266 ГК РФ, устанавливающим, что после смерти автора лицо, обладающее исключительным правом на созданное им произведение, вправе разрешить внесение в него изменений, сокращений или дополнений при условии, что этим не искажается замысел автора, не нарушается целостность восприятия произведения и это не противоречит воле автора, определенно выражен-

ной им в завещании, письмах, дневниках или иной письменной форме.

Возможность и последствия такого перехода активно исследуются в современной доктрине. Так, Р.И. Сидтикова справедливо отмечает, что рассматриваемые нормы открывают обществу доступ к новым произведениям науки, культуры и искусства, предоставляют возможность их использования после смерти автора, но, с другой стороны, фактически это означает существенное ослабление охраны личных прав авторов произведений науки, литературы и искусства, поскольку наследникам разрешается обнародовать произведение и внести в него различного рода изменения без ведома автора, что не всегда отвечает его интересам [9, с. 44].

Существенное расширение правомочий наследников авторских прав ставит сложные теоретические и практические вопросы, в первую очередь о механизме контроля за соблюдением наследниками предусмотренных законом условий, так как неясно, какие органы или лица и в каком порядке уполномочены проверять соответствие разрешенных наследником изменений, сокращений или дополнений произведения целостности его восприятия и замыслу автора. В настоящее время наследники могут практически бесконтрольно реализовывать право на неприкосновенность произведения, являющееся личным неимущественным правом наследодателя, и возможны случаи дачи ими согласия на такие изменения произведения, которые были бы для его создателя совершенно неприемлемыми.

В целях недопущения подобных ситуаций К.Ю. Рождественская предлагает допустить реализацию наследниками рассматриваемого правомочия только в случаях, «когда согласие автора с такими действиями было выражено в письменной форме либо когда внесение таких изменений обусловлено исключительно необходимостью устранения допущенных автором фактических, грамматических или иных ошибок» [10, с. 8].

С приведенным предложением сложно согласиться. На практике авторы крайне редко совершают подобные распоряжения: завершив работу над произведением, они не могут предугадать ни дату своей смерти, ни тем более того, кто и при каких обстоятельствах сочтет целесообразным внести в созданное произведение изменения, дополнения или сокращения. Допуская возможность возникновения в будущем таких ситуаций, автор на случай смерти может оставить только общие распоряжения, либо допускающие, либо, напротив, запрещающие наследникам давать согласие на внесение в созданное им произведение тех или иных изменений, причем наилучшей формой

такого распоряжения, как и распоряжения по поводу возможности или, напротив, запрета обнародования наследниками произведения, не обнародованного при жизни автора, является заключение наследственного договора (п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ), возлагающего на участвующих в нем лиц обязанность совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера или, напротив, воздержаться от таких действий.

Еще более сложным представляется вопрос о том, как соотносится рассматриваемое правомочие наследников умершего автора с нормой, закрепленной в ст. 1112 ГК РФ, в соответствии с которой личные неимущественные права и другие нематериальные блага не входят в состав наследства. Это положение было подчеркнуто в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании», установившем, что наряду с исключительным правом в состав наследства входят только имущественные права наследодателя (п. 91).

Имеющееся противоречие было детально проанализировано Э.П. Гавриловым. Отмечая, что личный неимущественный аспект права на неприкосновенность произведения состоит в том, что произведение сохраняет целостность, автор справедливо утверждает, что это право теснейшим образом связано с использованием произведения, которое носит имущественный характер, и предлагает разрешить рассматриваемую коллизию путем признания того факта, что «право на неприкосновенность произведения и право на его обнародование включают имущественный элемент и поэтому переходят по наследству» [11, с. 464].

С этим утверждением, как и с предложением Э.П. Гаврилова изложить ч. 3 ст. 112 ГК РФ в новой редакции, указав, что «не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага, если иное не установлено настоящим Кодексом или законом» [11, с. 465], следует полностью согласиться. Представляется бесспорным, что в содержании рассматриваемых личных авторских прав имущественная составляющая превалирует над стремлением обеспечить неприкосновенность произведения, созданного наследодателем, поскольку, давая разрешение на внесение в него изменений, сокращений или дополнений, которыми обуславливается возможность использования произведения третьими лицами, наследник приобретает право на получение соответствующего вознаграждения.

Приведенные положения в полной мере относятся и к ранее рассмотренному праву на обнародование произведения. В соответствии с п. 3 ст. 1268 ГК РФ «произведение, не обнародованное при жизни автора, может быть обнародовано после его смерти

лицом, обладающим исключительным правом на произведение, если обнародование не противоречит воле автора произведения, определенно выраженной им в письменной форме». Таким образом, к наследникам умершего автора переходит и рассматриваемое правомочие, признаваемое в доктрине и судебной практике в качестве личного неимущественного права автора.

Не менее отчетливо, по мнению автора этой статьи, имущественная составляющая просматривается в содержании еще одного личного неимущественного авторского права — **права на отзыв** (п. 3 ст. 1255 ГК РФ), активно обсуждаемого в современной цивилистике. По мнению А.Г. Матвеева, право на отзыв представляет собой абсолютное неотчуждаемое секундарное право, поскольку ему корреспондирует не обязанность, а связанность контрагентов автора и поскольку оно осуществляется посредством совершения односторонней сделки [2, с. 41].

С этим положением следует полностью согласиться, так как право автора на отзыв своего решения о передаче третьим лицам прав на созданное им произведение действительно обладает всеми признаками, присущими секундарным правам [12, с. 11]. Однако представляется, что правовая природа названного права выходит за рамки его трактовки в качестве неимущественного права, поскольку его реализация неизбежно затрагивает имущественную сферу создателя произведения: она влечет финансовые потери, возникающие вследствие утраты вознаграждения, на которое автор рассчитывал, отчуждая исключительное право на созданное им произведение или предоставляя другим лицам право пользоваться им. Второй составляющей имущественных потерь автора, принявшего решение об отзыве произведения, становится возмещение убытков, причиненных третьим лицам в связи с совершенным действием (п. 1 ст. 1269 ГК РФ).

Сказанное позволяет утверждать, что относить право автора на отзыв к категории личных неимущественных прав можно только с определенной долей условности, поскольку реализация рассматриваемого правомочия не подпадает под традиционное определение личных неимущественных прав как не имеющих экономического содержания и относящихся исключительно к духовной, интеллектуальной сфере.

Наличие имущественной составляющей в личных неимущественных авторских правах признают все больше современных ученых. Рассматриваемый фактор, например, подчеркивает К.Ю. Рождественская, по мнению которой, именно имущественный элемент обуславливает возможность осуществления наследниками личных неимущественных прав умершего автора [10, с. 11], а Д. Липчик отмечает, что, осуществляя личные неимущественные права, автор вводит

свое произведение в область экономических категорий, очерчивая рамки его использования [13, с. 133].

Наиболее четко рассматриваемое положение сформулировано Д.Ш. Серебряковой, определяющей имущественную составляющую как «элемент содержания интеллектуального права, подтверждающего его экономический характер, возможность денежной оценки такого права и отнесения его к имущественному», на основании чего автор аргументирует вывод о том, что совокупность интеллектуальных прав не исчерпывается «чисто имущественными» или «чисто неимущественными» субъективными правами, так как наряду с ними выделяются и «смешанные» интеллектуальные права, имеющие двойственную правовую природу — право на обнародование произведения и право на его отзыв [14, с. 10].

Такой подход не разделяют А.Г. Матвеев и другие специалисты, в том числе В.А. Зимин, определяющий все личные неимущественные права авторов (без какой-либо дифференциации) как «неотчуждаемые и непередаваемые иным образом интеллектуальные права, не имеющие экономического содержания и неразрывно связанные с личностью автора» [1, с. 22], а также И.В. Овчинников, называющий рассматриваемые авторские права моральными [3, с. 8-9].

От приведенной позиции существенно отличаются взгляды И.В. Данилиной, по мнению которой, авторские права имеют двойственную природу: с одной стороны, любое произведение имеет некую стоимостную оценку, а с другой — произведение, созданное творческим трудом автора, неотделимо от его личности независимо от способов использования произведения, и именно указанная дихотомия породила дискуссию о первичности личных неимущественных прав перед имущественными [4, с. 20–25].

Присоединяясь к приведенному суждению, добавлю следующее. Традиционно признаваемые в качестве личных неимущественных прав рассмотренные выше авторские права на обнародование произведения, на его неприкосновенность и на его отзыв имеют дуалистический характер, поскольку реализация рассматриваемых правомочий, будучи обусловлена духовно-творческими помыслами автора, как правило, затрагивает его имущественную сферу, придавая экономическое содержание правоотношениям, возникающим вследствие такой реализации. Именно наличие имущественного элемента в содержании рассматриваемых прав обуславливает возможность их перехода к другим лицам, что, в свою очередь, означает, что они далеко не всегда обладают неотъемлемыми признаками личных неимущественных прав: отсутствием экономического содержания и неразрывной связью с личностью автора.

При решении вопроса о том, каким образом совместить выводы о двойственной правовой сущности рассматриваемых авторских правомочий с их традиционным отнесением к абсолютно личным неимущественным правам, следует помнить: в первоначальной редакции ст. 2 ГК РФ было закреплено, что гражданское законодательство регулирует в числе других личные неимущественные отношения, связанные с имущественными. Указание на связь личных неимущественных отношений с имущественными как квалифицирующий признак таких отношений было исключено в новой (Федерального закона от 18.12.2006 № 231-ФЗ) редакции данной нормы, однако в сфере интеллектуальной собственности некоторые личные неимущественные отношения, в том числе возникающие при реализации права на обнародование произведения, на его неприкосновенность и на его отзыв, по-прежнему непосредственно связаны с имущественными, поскольку реализация таких прав влечет для автора определенные экономические последствия.

Такая непосредственная связь, по мнению автора этой статьи, характерна и для содержания **права авторства** и **права на имя**, представляющих собой, во-первых, право признаваться автором произведения и, во-вторых — право использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени, то есть анонимно. В п. 1 ст. 1265 ГК РФ закреплено, что эти права неотчуждаемы и непередаваемы, в том числе при передаче другому лицу или переходе к нему исключительного права на произведение и при предоставлении другому лицу права использования произведения. Отказ от этих прав ничтожен.

Право авторства и право автора на имя получили глубокую и всестороннюю характеристику в трудах представителей юридической науки дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Важные разъяснения по вопросам реализации названных авторских прав содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ» (п. 85, 86). Однако в свете модернизации гражданского законодательства в их доктринальном толковании появились новые вопросы, нуждающиеся в анализе и обсуждении. Так, с рассматриваемыми субъективными правами неразрывно связано право на имя, регламентация которого претерпела серьезные изменения: в п. 4 ст. 19 ГК РФ был введен абз. 2, в соответствии с которым имя физического лица или его псевдоним могут быть использованы с согласия этого лица другими лицами в их творческой деятельности способами, исключающими введение в заблуждение третьих лиц относительно

тождества граждан, а также исключающими злоупотребление правом в других формах.

Установленное законодателем жесткое ограничение рассматриваемого правомочия в виде запрета на введение в заблуждение третьих лиц не смогло и, вероятно, не сможет воспрепятствовать фактам такого «введения в заблуждение», возникающим в тех случаях, когда право авторства на те или иные произведения, созданные по заказу заинтересованных лиц, передаются им автором на возмездной основе.

Наиболее широкое распространение случаи такой передачи получили при подготовке дипломов, научных статей, диссертаций и монографий по заказу лиц, заинтересованных в получении соответствующей квалификации или присуждении искомой ученой степени. Встречаются подобные ситуации и в литературной сфере, когда произведения создаются в целях передачи авторства и права на имя другому лицу. Установить факт такой передачи крайне сложно, в отличие от плагиата, то есть неправомерного заимствования текста, подготовленного одним лицом, в произведении другого лица. В рассматриваемых ситуациях авторские права не нарушаются, неправомерного заимствования чужого текста не происходит, так как автор передает свои права на созданное им произведение другому лицу, действуя по своей воле и по своему усмотрению (п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Не вдаваясь в морально-этические и социально-экономические оценки сущности и последствий рассматриваемого явления, отметим только, что в подобных случаях имеет место возмездная передача автором другому лицу не только исключительного права на созданное им произведение, но и абсолютно непередаваемых и неотчуждаемых личных неимущественных авторских прав — права авторства и права на имя, а также иных неимущественных прав (на обнародование произведения, на его неприкосновенность и на его отзыв).

Блестящий и всесторонний анализ права авторства как базового личного неимущественного права провел В.А. Хохлов. Среди других положений, характеризующих особенности реализации рассматриваемого права, автор отметил следующее: «Поскольку право авторства отражает объективный факт, оно возникает с соответствующими последствиями и у спичрайтеров, и у литературных поденщиков (гетеронимов), вне зависимости от того, как фактически строятся отношения. Следует предположить, что процесс создания творческих произведений “не для себя” продолжится и со временем придется решать вопрос о правовом режиме этих произведений, в отношении которых автор не собирается заявлять о своем авторстве» [15, с. 56].

С приведенным положением следует полностью согласиться, кроме термина, которым автор обозначает «литературных поденщиков», то есть лиц, создающих произведения по заказу (найму) третьего лица с передачей ему всех прав на созданное произведение, включая право авторства и право на имя. Гетероним — это имя, которым автор подписывает часть своих произведений, выделенных по какому-либо признаку, в отличие от других произведений, подписываемых собственным именем. Например, несколько произведений, являющихся не детективами, а психологическими романами, Агата Кристи опубликовала под именем Мэри Вестмакотт, которое в данном случае является гетеронимом. Другой пример использования гетеронима в современной литературе — публикация Джоан Роулинг, прославившейся созданием книг о Гарри Поттере, пяти детективов под именем Роберт Гэлбрейт.

Весьма романтичный и выразительный синоним «литературных поденщиков» предложила Н.В. Зайцева — «писатели-призраки». Автор приводит интереснейшие примеры создания «призраками» как в зарубежных государствах, так и в СССР различных произведений, в том числе произведений, претендующих на получение или даже получивших государственные премии по литературе. По мнению Н.В. Зайцевой, главный вопрос, возникающий в подобных ситуациях: является ли опубликование произведения, написанного «писателем-призраком», плагиатом в том смысле, в котором он квалифицируется различными правовыми системами.

Относительно отношений, возникающих при создании таких произведений, Н.В. Зайцева совершенно верно указывает на имеющийся в них приоритет коммерческой составляющей: для «писателя-призрака» передача авторства на созданное им произведение выгоднее, чем публикация его под своим именем, поэтому сложно говорить о нарушении его личных неимущественных прав [16, с. 23].

С этим выводом следует полностью согласиться, как и с утверждением о том, что применение наемного труда в литературной сфере сталкивается, с одной стороны, с прямыми нормативными запретами, а с другой — с морально-этическими императивами. Государство не имеет надлежащих механизмов защиты ни «писателя-призрака», ни автора-заказчика, ни читателей, введенных в заблуждение относительно авторства приобретаемого ими произведения [16, с. 25].

Все сказанное означает, что имеющиеся в современном гражданском обороте факты создания произведений науки, литературы и искусства в целях передачи авторства заказавшему их лицу для дальнейшего продвижения под его именем порождают сложные те-

оретические и практические проблемы, нуждающиеся в анализе и разрешении.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» закреплено: «В тех случаях, когда произведение создается по заказу, отношения сторон договора, в котором стороной является автор, регулируются ст. 1288 ГК РФ (договор авторского заказа» (п. 107). Формально, в рассматриваемых ситуациях действительно имеет место договор авторского заказа, который, однако, является ничтожным как противоречащий ряду положений действующего законодательства: п. 1 ст. 10 ГК РФ, в соответствии с которым не допускается недобросовестное осуществление гражданских прав в обход закона с недобросовестной целью (злоупотребление правом); абз. 2 п. 4 ст. 19 ГК РФ, в соответствии с которым не допускается использование имени гражданина в творческой деятельности другого лица способами, влекущими заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан; п. 2 ст. 168 ГК РФ, в соответствии с которым ничтожны сделки, нарушающие требования закона или иного правового акта; п. 1 ст. 1265 ГК РФ, в соответствии с которым право авторства и права автора на имя неотчуждаемы и непередаваемы.

Такого рода действия противоречат также абз. 1 п. 1 ст. 1228 ГК РФ, в соответствии с которым автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат, и абз. 2 этого же пункта: «Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата».

Однако все приведенные доводы не могут исключить из современного гражданского оборота фактов создания произведений литературы, науки или искусства на возмездной основе по заказу лиц, заинтересованных в их обнародовании под своим именем, а это означает, что даже право авторства и право на имя, законодательно признаваемые и доктринально характеризующиеся в качестве абсолютно неотчуждаемых личных неимущественных прав, не имеющих экономического эквивалента и неразрывно связанных с личностью создателя, далеко не всегда обладают подобными качествами, как и некоторые иные личные неимущественные права, в том числе, например, право на неприкосновенность частной жизни, которое в последние годы широко используется на возмездной основе в качестве востребованного потребителями товара, в том числе с публичным распространением правообладателем любых сведений о своей или чужой жизни. В рамках такой тотальной коммерциализации

личные неимущественные авторские права не могли остаться исключением, поэтому наличие в их содержании имущественной составляющей проявляется все отчетливее и ярче.

Следует отметить, что передача права авторства на созданное произведение (произведения) отнюдь не является порождением современной эпохи. Так, на протяжении нескольких веков продолжают споры о том, кто на самом деле является автором шекспировских пьес. В качестве возможных авторов, обладавших, в отличие от Шекспира, блестящим образованием и гораздо более обширным, чем у него, жизненным опытом, литературоведы называют лорда-камергера Эдуарда де Вера; кардинала Уолси, а также Уильяма Стэнли Дерби. У каждого из названных лиц имелись причины уступить свое авторство малоизвестному артисту Шекспиру, поскольку их аристократическое происхождение и высокое положение в свете исключало возможность принадлежности к сфере увеселения простолюдинов.

При этом передача Шекспиру авторства на гениальные пьесы любым из названных претендентов не могла иметь имущественного характера, поскольку он никогда не располагал денежными средствами, позволяющими оплатить подобное «приобретение». Мотивы, обусловившие такое решение, были далеки от рассмотренного выше стремления получить вознаграждение в гораздо большем размере, чем это было бы возможно при обнародовании произведения под своим именем. В данном случае автор, желая обнародовать написанные им пьесы, стремился (в отличие от других авторов) избежать публичного признания и широкой известности. Тем не менее приведенный пример (наиболее известный и наиболее широко обсуждаемый в мировой литературе) свидетельствует о возможности отчуждения даже таких абсолютно (по традиционной трактовке) неотчуждаемых личных неимущественных прав, как право авторства и право на имя.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы. Правовая сущность личных неимущественных прав авторов произведений науки, литературы и искусства столь же сложна и многогранна, как бесконечно сложна творческая деятельность, отражающая неповторимый индивидуализм духовно-интеллектуальной, психической сферы создателей таких произведений. Придавая правовое значение таким явлениям, которые связаны с творческой деятельностью и ее результатами, право не всегда может облечь их в стандартную правовую форму, свойственную иным личным неимущественным правам, поэтому авторские права в зависимости от конкретной ситуации могут обладать, а могут и не обладать всеми присущими им

признаками. Именно этим объясняется многообразие представленных в современной доктрине взглядов и суждений относительно сущности рассмотренных авторских правомочий, создающих теоретическую основу для дальнейшего совершенствования соответствующего раздела российского законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зимин В.А. Правовая природа интеллектуальных прав по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2015. 26 с.
2. Матвеев А.Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: автореф. дисс. ... докт. юр. наук. М., 2016. 50 с.
3. Овчинников И.В. Личные неимущественные права на произведения науки, литературы и искусства: правовая природа и содержание: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2017. 27 с.
4. Данилина И.В. Личные неимущественные права авторов аудиовизуальных произведений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 20–25.
5. Право интеллектуальной собственности / под ред. И.А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 924 с.
6. Бабкин С.А. Понятие и содержание исключительных прав // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2008. 993 с. С. 562–613.
7. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2001. 750 с.
8. Дозорцев В.А. Комментарий к схеме «Система исключительных прав» // Интеллектуальные права. Понятие, система, задачи классификации. М.: Статут, 2003. 416 с.
9. Сидикова Р.И. Добросовестность при охране личных авторских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 42–46.
10. Рождественская К.Ю. Особенности наследования авторских прав: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2013. 26 с.
11. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век. М.: Юрсервитум, 2015. 492 с.
12. Кравченко А.А. Секундарные права в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2015. 24 с.
13. Липчик Д. Авторское право и смежные права. М.: Ладомир, 2002.
14. Серебрякова Д.Ш. Имущественная составляющая интеллектуальных прав: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2018. 27 с.

15. Хохлов В.А. О праве авторства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 52–59.
16. Зайцева Н.В. Писатели-призраки как правовое явление: особенности и перспективы правового регулирования их деятельности // LEX RUSSICA. 2021. Т. 74, № 5(174). С. 19–27.
16. Zajceva N.V. Pisateli-prizraki kak pravovoe yavlenie: osobennosti i perspektivy pravovogo regulirovaniya ih deyatel'nosti // LEX RUSSICA. 2021. T. 74. No 5(174). S. 19–27.

REFERENCES

1. Zimin V.A. Pravovaya priroda intellektual'nyh prav po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. M., 2015. 26 s.
2. Matveev A.G. Sistema avtorskih prav v Rossii: Normativnye i teoreticheskie modeli: avtoref. diss. ... dokt. yur. nauk. M., 2016. 50 s.
3. Ovchinnikov I.V. Lichnye neimushchestvennye prava na proizvedeniya nauki, literatury i iskusstva: pravovaya priroda i sodержanie: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. M., 2017. 27 s.
4. Danilina I.V. Lichnye neimushchestvennye prava avtorov audiovizual'nyh proizvedenij // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2021. № 5. S. 20–25.
5. Pravo intellektual'noj sobstvennosti / pod red. I.A. Blizneca. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2016. 924 s.
6. Babkin S.A. Ponyatie i sodержanie isključitel'nyh prav // Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki / pod obshch. red. V.A. Belova. M.: Yurajt, 2008. 993 s. S. 562–613.
7. Sergeev A.P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2001.
8. Dozorcev V.A. Kommentarij k skheme "Sistema isključitel'nyh prav" // Intellektual'nye prava. Ponyatie, sistema, zadachi klassifikacii. M.: Staut, 2003. 416 s.
9. Sidtikova R.I. Dobrosovestnost' pri ohrane lichnyh avtorskih prav // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2010. № 9. S. 42–46.
10. Rozhdestvenskaya K.Yu. Osobennosti nasledovaniya avtorskih prav: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. M., 2013. 26 s.
11. Gavrilov E.P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Obshchie polozeniya. XXI vek. M.: Yurservitum, 2015. 492 s.
12. Kravchenko A.A. Sekundarnye prava v rossijskom grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. M., 2015. 24 s.
13. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. M.: Lodomir, 2002.
14. Serebryakova D.Sh. Imushchestvennaya sostavlyayushchaya intellektual'nyh prav: avtoref. diss. ... kand. yur. nauk. M., 2018. 27 s.
15. Hohlov V.A. O prave avtorstva // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2012. No 4. S. 52-59.

ДУАЛИЗМ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ МУЗЕЙНЫХ ПРАВ

DUALISM OF THE LEGAL NATURE OF MUSEUM RIGHTS

Вероника Дмитриевна БУРДОВА

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
e-mail: vdburdova@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-5275-3501>

Информация об авторе

В.Д. Бурдова — соискатель ученой степени кандидата юридических наук, практикующий юрист

Аннотация. В условиях расширения масштабов конкуренции повышается стремление производителей и продавцов привлекать к своим товарам потенциальных потребителей и поддерживать их эмоциональную привязанность.

Использование предметов искусства производителями и продавцами оказывает на потребителей особое воздействие, гарантирующее мгновенный отклик за счет срабатывания эффекта узнаваемости известного шедевра. При использовании изображений музейных предметов в коммерческих целях с юридической точки зрения на практике нередко возникает множество спорных моментов, поскольку специальные императивные нормы музейного законодательства о предоставлении права использования изображений музейных предметов в коммерческой деятельности с согласия музея во многом совпадают с содержанием правомочий обладателя исключительного права на объект интеллектуальной собственности.

В связи с этим автор настоящей статьи анализирует, существует ли дуализм правовой природы музейных прав, и пытается найти пути его разрешения. В данной работе используются методы анализа, сравнения и обобщения. Сделан вывод о том, что музейный предмет не является объектом интеллектуальной собственности, но результат его воспроизведения можно рассмотреть в рамках законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Результаты данного исследования могут быть использованы для проведения дальнейших научных исследований по данной проблеме и связанным с ней вопросам, в том числе в качестве теоретической основы для изучения неправомерного использования изобра-

- жений произведений искусства из собраний музеев.
- Они также могут стать отправной точкой исследований
- при проработке юридических аспектов музейного законодательства и законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

- **Ключевые слова:** музей, Музейный фонд, авторское право, art law, воспроизведение произведения искусства, исключительное право, общественное достояние

- **Для цитирования:** Бурдова В.Д. Дуализм правовой природы музейных прав // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 41, № 2. С. 54–59;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14447>

Veronika D. BURDOVA

- Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,
vdburdova@gmail.com,
- <https://orcid.org/0000-0002-5275-3501>

Information about the author

V.D. Burdova — PhD Candidate, practicing lawyer

- **Abstract.** In the context of expanding competition, the desire of manufacturers and sellers to attract potential consumers to their goods and keep their emotional attachment is increasing. The use of works of art in their activities has a special effect on consumers, guaranteeing an instant response due to the effect of recognizing a famous masterpiece. Approaching the issue of using images of museum objects for commercial purposes and from a legal point of view, in practice, many controversial issues often arise, since the special imperative norms of museum legislation on granting the right to use images of museum objects in commercial activities with the consent of the museum largely coincide with the content of the rights of the owner exclusive right to an object of intellectual property.

In this regard, this article aims to analyze whether there is a dualism of the legal nature of museum rights and determine ways to resolve it. In this work, methods of analysis, compar-

ison and generalization are used. It is concluded that the museum object is not an object of intellectual property, but the result of its reproduction can be considered within the framework of legislation in the field of intellectual property. The results of this study can be used to conduct further scientific research on this and related issues, including as a theoretical basis for studying the problem of the misuse of images of works of art from museum collections, and can also become a starting point for research in the development of legal aspects of the museum legislation and legislation in the field of intellectual property.

Keywords: museum, the Museum fund, copyright, art law, reproduction of a work of art, exclusive right, public domain

For citation: Burdova V.D. Dualism of the Legal Nature of Museum Rights // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 41 (2). P. 54–59;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14447>

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
- Четко выраженный публичный интерес в отношении сохранения особо ценных произведений искусства, регулирования их бесконтрольного использования позволяет законодательно наделить музеи специальными правами в области регулирования использования изображений музейных предметов и музейных коллекций. Культурные ценности, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, являются государственной собственностью и закрепляются за музеями на праве оперативного управления, содержание которого состоит в праве самостоятельно владеть и пользоваться хранящимися в них предметами искусства, а также распоряжаться ими с согласия собственника [1]. Предоставление разрешения на использование музейных предметов как особо ценных вещей составляет специальный режим и является реализацией правомочий собственника культурных ценностей. При этом под использованием в настоящей статье понимается не использование музейных предметов как таковых, например при осуществлении выставочной деятельности, а использование их изображений.
- Правомочия музеев о предоставлении права воспроизведения музейных предметов и музейных коллекций в коммерческой деятельности определены в ст. 36 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (далее — Закон о Музейном фонде), а также в ст. 53 Закона Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», в соответствии с которыми передача прав на использование в коммерческих целях воспроизведений музейных предметов, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, а также производство изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления с использованием изображений музейных предметов и музейных коллекций, зданий музеев, объектов, расположенных на территориях музеев, а также с использованием их названий и символики осуществляется с разрешения дирекций музеев [1]. Плата за использование изображения устанавливается на основе договора [2].

Вместе с тем содержание упомянутой выше статьи о воспроизведении музейных предметов во многом совпадает с содержанием правомочий обладателя исключительного права на объект интеллектуальной собственности в соответствии со ст. 1270 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), после прекращения действия которого в соответствии со ст. 1282 ГК РФ произведение искусства переходит в общественное достояние и может свободно использоваться любым лицом без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения, что коррелирует с содержанием Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений.

Тем самым на предмет искусства как на охраняемый результат интеллектуальной деятельности распространяется режим исключительного права или свободного использования произведения, содержание которого в том числе включает в себя изготовление одного и более экземпляров произведения или его части в любой материальной форме, в том числе в форме звуко- или видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного и более экземпляров двухмерного произведения и в двух измерениях одного и более экземпляров трехмерного произведения с разрешения правообладателя или без такового [3].

На картину как на произведение искусства по смыслу ст. 1225 ГК РФ распространяется исключительное право, которое действует в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора. После истечения срока его действия картина переходит в общественное достояние. Произведения искусства сильно отличаются от других объектов авторского права, поскольку тесно связаны с материальным носителем и культурными особенностями самого предмета. Как правило, картины изначально передаются в дар музею с последующим оформлением акта о постоянном хранении и переходом в государственную собственность в результате национализации, то есть посредством «act of state». Тем самым музейный предмет, включенный на основе учетной документации в состав государственной части Музейного фонда РФ, поступает на оперативное управление музейной организации, которая может ограничивать коммерческое использование воспроизведений предметов музейных коллекций и устанавливать специальный правовой режим.

Дуализм правовой природы особо ценных произведений искусства, то есть рассмотрение их как объектов авторского права и одновременно как музейных экспонатов, подпадающих под действие особого музейного законодательства, стал очевиден, когда музейные организации стали предъявлять судебные иски на

незаконное воспроизведение музейных предметов со ссылкой на ст. 36 Закона о Музейном фонде.

В качестве наглядного примера можно привести дело № А63-18468/2012 [4]. В музейном фонде Государственного Эрмитажа Санкт-Петербурга (истца) находится портрет работы английского живописца Томаса Гейнсборо «Дама в голубом», написанный в конце 1770-х гг.

Согласно материалам дела, индивидуальный предприниматель Ия Йоц использовала без разрешения музея картину в качестве эмблемы дизайнерской одежды в виде монохромного рисунка на официальном сайте, а также как декор на входе в магазин. Более того, предприниматель пыталась зарегистрировать соответствующее обозначение как товарный знак, но получила отказ, поскольку «изобразительный элемент заявленного обозначения сходен до степени смешения с изображением картины Томаса Гейнсборо “Дама в голубом” и заявителем не были представлены документы, подтверждающие правомерность использования им данного обозначения, не получено согласие собственника» [5].

Судом первой инстанции при повторном рассмотрении дела подтверждены правовое положение Эрмитажа как владельца картины, а также его правомочия по заключению в коммерческих целях договоров с третьими лицами на использование воспроизведений музейных предметов из состава Музейного фонда РФ, а также по обращению в суд с исками в случае такого использования без согласия музея.

К схожим выводам пришел суд по делам № А56-52447/2012 [6] и № А56-28535/2015 [7]. Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей истории Санкт-Петербурга» и ФГБУК «Государственный музей-заповедник “Петергоф”» обратились в суд с исками о взыскании с организаций-ответчиков убытков, причиненных в результате неправомерного воспроизведения изображений музейных предметов. Исковые требования были полностью удовлетворены.

Как видно, проблема заключается в неправильной трактовке понятий права интеллектуальной собственности, музейного права и права собственности.

В теории сформировались различные подходы по соотношению норм авторского права и музейного законодательства.

Согласно первому подходу, необходимо выделять правовую природу произведений искусства как объектов гражданского оборота. В Музейном фонде хранятся предметы искусства, на которые распространяет свое действие авторское право. При этом в случае использования изображения картины буквально, то есть как материального объекта, расположенного на

стене музея, в сувенирной продукции разрешение музея необходимо испрашивать. Если используется изображение картины, которая перешла в общественное достояние, то есть по истечении семидесяти лет с 1 января года, следующего за годом смерти автора, например, для иллюстрации альбома, то разрешение испрашивать не нужно [8].

В данном подходе авторское право на произведение искусства превалирует над музейным законодательством с одновременным отождествлением понятия воспроизведения музейных предметов с воспроизведением «авторского решения», воплощенного в определенном произведении искусства, объектом правоотношений которого является неимущественное благо. Музеи, в свою очередь, являются обладателями исключительных прав на произведения, перешедшие в общественное достояние, что следует из позиции ответчиков, например, по делу И. Йоц. Однако в судебном заседании суда кассационной инстанции истец пояснила, что у Государственного Эрмитажа не имеется исключительных прав на картину Т. Гейнсборо «Портрет дамы в голубом» (Герцогиня де Бофор) как на объект результата интеллектуальной деятельности [9]. Кроме того, ответчики высказали мнение, что музеи продают право на свободное творчество, ограничивают конституционные права, поскольку устанавливают плату за использование или тиражирование изображений объектов культуры, тогда как такие произведения могут свободно использоваться любым лицом без выплаты авторского вознаграждения при соблюдении неимущественных прав авторов [10].

Второй подход заключается в отсутствии коллизии и применении норм музейного законодательства без оглядки на право интеллектуальной собственности. Здесь речь идет о специальном режиме обращения особо ценных предметов культуры и наделении собственника правомочием по предоставлению разрешений на воспроизведение музейных предметов и музейных коллекций Музейного фонда, в том числе на установление соответствующих цен и тарифов [11].

Таким образом, согласно данному подходу, музейный предмет рассматривается как материальный объект, а право на его использование является реализацией правомочий собственника вещи.

Представляется, что такой подход возможен, однако необходимо устранить существующую неопределенность в вопросах правовой природы музейных прав и их места в российском законодательстве.

Под музейным предметом в действующем законодательстве понимается культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное

представление. Музейная коллекция также приобретает свойства музейного предмета как совокупность культурных ценностей, соединенных вместе в силу характера своего происхождения, видового родства либо по иным признакам [12].

Совокупность музейных предметов и музейных коллекций, которые постоянно находятся на территории РФ и подлежат учету в государственном каталоге, составляют Музейный фонд, целью которого является сохранение особо ценных предметов искусства.

Таким образом, оборот музейных предметов подлежит специальному регулированию в силу особенностей самого предмета, имеющего особое историческое, художественное, научное или культурное значение. Предоставление права музейным организациям ограничивать произвольное использование в коммерческих целях воспроизведений таких объектов имеет целью минимизировать возможный ущерб Музейному фонду.

Произведение искусства является результатом интеллектуальной деятельности, которому в силу закона предоставляется правовая охрана.

Автору или иному правообладателю такого произведения принадлежит исключительное право использовать произведение по своему усмотрению, в том числе передавать право на его воспроизведение. По истечении срока действия исключительного права, а именно семидесяти лет после смерти автора, произведение переходит в общественное достояние и может свободно использоваться любым лицом без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения. При этом охраняются авторство, имя автора и неприкосновенность произведения.

Однако, как видится автору, в отношении особых произведений искусства, обладающих признаками культурных ценностей и включенных в Музейный фонд, продолжает действовать право собственника, которому делегируются специфические полномочия по контролю над воспроизведением этих предметов; эти полномочия не затрагивают имущественных прав авторов, их создавших, что согласуется и с позицией судов [13]. Аналогичная позиция отражена в исследовании профессора М.А. Федотова, она сводится к тому, что понятия «произведение» и «музейный предмет» не только не тождественны, но даже относятся к разным сферам законодательства, право собственности на физический объект не означает обладания авторскими правами на произведение искусства [14].

Из судебной практики вытекает, что ответчики по искам ошибочно отождествляют музейный предмет с объектом интеллектуальной собственности, а музейную организацию — с обладателем исключитель-

ного права на него. Музеи не обладают исключительными правами на произведения искусства, предметом спора выступает требование о запрете коммерческого использования воспроизведения объекта из состава Музейного фонда РФ, а не защита исключительных авторских прав.

Речь не идет об отождествлении правовых режимов материального как объекта права собственности и нематериального как объекта интеллектуальной собственности. Музейные предметы и музейные коллекции, находящиеся в Музейном фонде РФ, не являются объектами интеллектуальной собственности, а предоставление права использования, как и требование прекращения такого использования в случае отсутствия разрешения, не является исключительным правом музейной организации. Также Суд по интеллектуальным правам отметил, что нормы музейного законодательства не противоречат доктрине свободного использования произведения, а лишь ограничивают коммерческое использование воспроизведений предметов музейных коллекций и устанавливают специальный правовой режим для таких объектов [15].

Поэтому в процессе рассмотрения дел по искам музейных организаций выясняются непосредственно следующие вопросы: являются ли спорные объекты музейными предметами, включенными в Музейный фонд, есть ли договорные отношения между музеем и третьим лицом, является ли спорный объект воспроизведением, если происходит копирование предмета, имеет ли место переработка произведения, какой вид коммерческой деятельности осуществляет третье лицо и в какой продукции выразилось воспроизведение музейного предмета, подтверждены ли правомочия собственника на музейные предметы.

В мировой практике на сегодняшний день нет единого мнения относительно правовой природы музейных прав. Чаще всего получение разрешения на воспроизведение музейных предметов осуществляется через систему заключения лицензионных договоров и специально установленных цен и тарифов. В случаях незаконного использования изображений картин музейные организации предъявляют судебные иски. Так, руководители флорентийской Галереи Уффици и французского художественного музея Лувра подали иски в отношении платформы Pornhub, которая незаконно использовала воспроизведение известных мировых шедевров из их коллекций в своем онлайн-путеводителе по коллекциям крупнейших музеев мира. В соответствии с действующим законодательством для коммерческого использования изображений картин необходимо получить разрешение, в котором бу-

дут оговорены условия, и заплатить определенную комиссию [16].

Таким образом, можно резюмировать, что музейные организации являются владельцами прав в отношении культурных ценностей, подлежащих специальному учету и составляющих Музейный фонд, в части предоставления разрешения на воспроизведение в коммерческих целях таких предметов искусства. Сами по себе музейные предметы и музейные коллекции не являются объектами интеллектуальной собственности, однако результаты их воспроизведения, порядок использования которых регулируется специальным договором музейной организации с третьим лицом, позволяет выделять их в качестве самостоятельных объектов интеллектуальной собственности. Включение музейных коллекций и их отдельных предметов в состав Музейного фонда РФ определяет особенности правового режима таких предметов в соответствии с Федеральным законом «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» и устанавливает специальный правовой режим на коммерческое использование произведений [17].

Между тем видится необходимым продолжать совершенствовать подход к толкованию результатов воспроизведения музейных предметов и музейных коллекций как объектов интеллектуальной собственности, подстраивать его под новые реалии для устранения существующей неопределенности в вопросах правовой природы музейных прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 28.02.2013 № А63-18468/2012 // СПС «Гарант».
5. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.05.2013 № А63-18468/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.03.2013 по делу № А56-52447/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2016 № 13АП-4123/16 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Смирнова Е. Музеи против авторского права // Интеллектуальная собственность: авторское право и смежные права. 2013. № 11. С. 14–22.
9. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 16 марта 2010 года по делу № А11-1595/2008 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 5 марта 2015 г. № С01-65/2013 по делу № А63-18468/2012.
11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.06.2018 № С01-324/2018 по делу № А40-256706/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2016 г. № 13АП-4123/16 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Право интеллектуальной собственности и информационное право: проблемы правоприменения // Труды по интеллектуальной собственности / под общей редакцией д.ю.н., проф. М.А. Федотова. 2003. Т. 4. С. 6–24.
15. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.03.2015 № С01-65/2013 по делу № А63-18468/2012.
16. URL: <https://www.sostav.ru/publication/louvre-pornhub-49516.html> (дата обращения: 05.04.2022).
17. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.06.2018 № С01-324/2018 по делу № А40-256706/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Postanovleniye Trinadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 30.03.2016 No 13AP-4123/16 // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Smirnova Ye. Muzei protiv avtorskogo prava // Intellektual'naya sobstvennost': avtorskoye pravo i smezhnyye prava. 2013. No 11. S. 14–22.
9. Postanovleniye FAS Volgo-Vyatskogo okruga ot 16 marta 2010 g. po delu No A11-1595/2008 // SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Postanovleniye Suda po intellektual'nyim pravam ot 5 marta 2015 g. No S01-65/2013 po delu No A63-18468/2012.
11. Postanovleniye Suda po intellektual'nyim pravam ot 09.06.2018 No S01-324/2018 po delu No A40-256706/2016 // SPS «Konsul'tantPlyus».
12. Federal'nyy zakon ot 26.05.1996 No 54-FZ «O Muzeynom fonde Rossiyskoy Federatsii i muzeyakh v Rossiyskoy Federatsii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
13. Postanovleniye Trinadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 30.03.2016 No 13AP-4123/16 // SPS «Konsul'tantPlyus».
14. Pravo intellektual'noy sobstvennosti i informatsionnoye pravo: problemy pravoprimeneniya // Trudy po intellektual'noy sobstvennosti / pod obshchey redaktsiyey d.yur.n. prof. M.A. Fedotova. 2003. T. 4. S. 6–24.
15. Postanovleniye Suda po intellektual'nyim pravam ot 05.03.2015 No S01-65/2013 po delu No A63-18468/2012.
16. URL: <https://www.sostav.ru/publication/louvre-pornhub-49516.html> (дата обращения: 05.04.2022).
17. Postanovleniye Suda po intellektual'nyim pravam ot 09.06.2018 No S01-324/2018 po delu No A40-256706/2016 // SPS «Konsul'tantPlyus».

REFERENCES

1. Federal'nyy zakon ot 26.05.1996 No 54-FZ «O Muzeynom fonde Rossiyskoy Federatsii i muzeyakh v Rossiyskoy Federatsii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 09.10.1992 No 3612-1 «Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o kul'ture» // SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 No 230-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Resheniye Arbitrazhnogo suda Stavropol'skogo kraya ot 28.02.2013 No A63-18468/2012 // SPS «Garant».
5. Postanovleniye Shestnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 20.05.2013 No A63-18468/2012 // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Postanovleniye Trinadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 26.03.2013 po delu No A56-52447/2012 // SPS «Konsul'tantPlyus».

КОММУНИКАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ДИЗАЙН СФЕРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МЕДИАЭПОХУ

COMMUNICATION AND LEGAL DESIGN OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE MEDIA ERA

Мария Валериевна ДОРОШЕНКО

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия,

md@legalpics.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-2586-3198>

Информация об авторе

М.В. Дорошенко — преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности, генеральный директор «ЛигалПикс», экс-руководитель центра общественных связей Федеральной службы по интеллектуальной собственности

Аннотация. Правовая культура сегодня не в полной мере отражает интересы создателей контента. Появление новых форм подачи информации и каналов коммуникации предопределяет необходимость развития юридических технологий, учитывающих изменившиеся запросы пользователей. Анализ способов информирования государством общества показал важность применения принципов юридического дизайна для эффективного донесения ключевых сообщений. В работе акцентировано внимание на коммуникационно-правовом дизайне сферы интеллектуальной собственности (ИС) как направлении для повышения доступности и открытости системы. Сфера ИС призвана стимулировать инновации и креативные инициативы, предоставляя нужные инструменты и механизмы для регистрации прав и монетизации творческого труда. Дальнейшее развитие и применение юридических инноваций позволит уменьшить разрыв между системой ИС и потребностями аудитории и вовлечь в коммуникацию неохваченных правообладателей. Цель статьи — показать необходимость фокусировать внимание на интересах пользователей и создании социальной ценности в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: цифровая трансформация, юридический дизайн, пользовательский контент, LegalTech, ис-

кусственный интеллект, правовая культура, дизайн-мышление, интеллектуальная собственность, эмпатия

- **Для цитирования:** Дорошенко М.В. Коммуникационно-правовой дизайн сферы интеллектуальной собственности в медиаэпоху // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 41, № 2. С. 60–68;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14448>

• Maria V. DOROSHENKO

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia,
• md@legalpics.ru,
• <https://orcid.org/0000-0003-2586-3198>

• Information about the author

• M.V. Doroshenko — lecturer of the General Education Department of the Russian State Academy of Intellectual Property, CEO of LegalPics, former head of the Public Relations Center of the Federal Service for Intellectual Property

- **Abstract.** Legal culture today doesn't fully reflect the interests of content creators. Appearance of new forms of information delivery and communication channels predetermines the necessity of legal technologies development, taking into account the changed requirements of users. Analysis of the ways in which information is conveyed by the state to society has shown the importance of applying the principles of Legal Design for effective delivery of key messages. The paper focuses on the communication and Legal Design of intellectual property (IP) sphere as a direction to increase the accessibility and openness of the system. The intellectual property sphere is designed to stimulate innovation and creative activity by providing the right tools and mechanisms for rights registration and further monetization of creative work. Further development and application of legal innovations will reduce the gap between the IP system and the

needs of the audience and involve uncovered right holders in the communication. The aim of the paper is to show the need to focus on the interests of users and the creation of social value in the field of intellectual property.

Keywords: digital transformation, Legal Design, user-generated content, LegalTech, artificial intelligence, legal culture, design thinking, intellectual property, empathy

For citation: Doroshenko M.V. Communication and Legal Design of intellectual property sphere in the media era // Works on Intellectual Property. 2022. Vol. 41(2). P. 60–68; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14448>

Мы живем в мире медиа — расширяющейся системы массовых коммуникаций, информационного взрыва.

Н.Б. Кириллова

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

• В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Современную эпоху постиндустриального развития исследователи определяют по-разному: одни — как «информационную», другие — как «постмодернистскую», третьи — как «период глобализации». Ясно одно: «Мы живем в мире медиа — расширяющейся системы массовых коммуникаций, информационного взрыва» [5, с. 5].

Даниэль Бэлл, известный американский ученый, в своих трудах так описал информационную эпоху: «Если инструментальные технологии были продолжением физической силы человека, то коммуникативные технологии как продолжение восприятия и знаний расширили человеческое сознание» [13, с. 507].

Бэлл предполагал, что слияние технологий откроет информационную эпоху. В XIX в. и первой половине XX столетия главными средствами обмена информацией были книги, газеты, журналы, библиотеки. Во второй половине XX в. их вытеснили радио, телевидение и кабельные технологии. Слияние этих технологий, а также появление компьютеров «стали той самой искрой, которая разожгла пламя информационной эпохи» [13, с. 15].

Исследователи выделяют пять структурных перемен, запустивших информационную эпоху:

- 1) слияние телефонных и компьютерных коммуникаций;
- 2) замена бумажных документов электронными;
- 3) повсеместное развитие телевидения за счет развития сетевых технологий;
- 4) появление компьютерных баз данных — главного централизованного агрегатора знаний и информации в мире;
- 5) серьезное расширение образовательной системы благодаря обучению с помощью компьютеров.

Томас Сибел, крупнейший специалист в области информационных технологий, исследуя современный мир, выделил четыре доминирующих технологических вектора:

- 1) эластичные облачные вычисления;
- 2) большие данные;

3) искусственный интеллект (ИИ);

4) интернет вещей (IoT).

Мы наблюдаем новое слияние технологий — облачных вычислений, Big Data, ИИ, IoT. Применение этих технологий обеспечивает цифровую трансформацию, то есть кратный рост производительности и качества жизни — «10x скорость, 100x масштаб, и 3000x эффект» [10, с. 9].

«Как известно, изменения — единственное, что постоянно в этом мире. Сегодня компании, чтобы оставаться на месте, должны, словно Алиса в Зазеркалье, двигаться все быстрее и быстрее», — считает Филип Котлер [6, с. 39]. Компания должна вовремя отрабатывать «стратегические точки перегиба». Так, Эндрю Гроув, сооснователь корпорации Intel, предложил называть «время в жизни предприятия, когда меняются основы бизнеса».

В информационном поле наряду с материалами от официальных СМИ появляется все больше пользовательского контента. Цифровая трансформация медиа приводит к изменению формата подачи информации и созданию новых каналов коммуникации.

За последнее десятилетие потребитель, его привычки и предпочтения кардинально изменились. Более того, даже сравнивая аудиторию год назад и сейчас, можно заметить значительную разницу, причиной которой стала всемирная пандемия COVID-19. Инструменты коммуникации и тенденции, которые были актуальны совсем недавно, сегодня неэффективны, а порой даже раздражают в общении с современным потребителем.

Для того чтобы оставаться на плаву, компании необходимо общаться с помощью актуальных каналов коммуникации, следуя мировым тенденциям.

Согласно результатам исследования компании Statista, около 2,5 млрд человек являются активными пользователями приложений для обмена сообщениями. Это почти на 20% больше, чем было в прошлом году. При таких темпах увеличения количества пользователей мессенджеров в 2022 г. более 3 млрд человек будут использовать приложения для обмена сообщениями ежедневно.

По мнению Этьена Дюпона, директора по решениям для обмена бизнес-сообщениями Rakuten Viber, в мессенджерах можно найти любое решение для любой задачи бизнеса — от вовлечения в общение и обратной связи до предоставления круглосуточной клиентской поддержки.

Мир изменился, а вместе с ним претерпела изменение визуальная коммуникация. В 2022 г. перед создателями контента стоит задача подумать о новых запросах, ценностях и болевых точках клиентов, переосмыслить подходы к созданию информационного продукта.

НОВЫЕ ЦИФРОВЫЕ МЕДИАФОРМАТЫ

ИИ продолжает позитивно проявлять себя в рамках коммуникации с клиентами благодаря возможности быстро обрабатывать огромные объемы информации и автоматизировать рабочие процессы. С каждым годом бизнес все активнее внедряет роботизацию, и к 2024 г., согласно прогнозам Gartner, 75% компаний перейдут на использование технологий ИИ для выполнения различных задач.

Подкасты, видео, кросс-медийный контент, виртуальные пресс-туры и онлайн-мероприятия — это то, что стало must have в 2020 г. Кроме того, существуют сопутствующие тренды — O2O (Online to offline), DTC (Direct to client), BI (Business Intelligence), CRM и контент-маркетинг.

По мнению Романа Карманова, гендиректора фонда культурных инициатив, именно на стыке маркетинга и PR, аналитики и менеджмента, внутренних и внешних коммуникаций в цифровых средах будут возникать новые форматы и инструменты коммуникаций.

Общим трендом в 2021 г. стала цифровая трансформация, растущая зависимость от цифровых медиа как для бизнеса, так и для потребителей. Направление продолжает развиваться в 2022-м. Медиа будут играть все большую роль в жизни человека — теперь уже в политическом, экономическом, технологическом и социальном планах. Многие эксперты отмечают и то, что креативность как качество и инструмент будет играть все большую роль не только в креативных индустриях, но прежде всего в коммуникациях. Сегодня изменения в медиа могут занимать всего лишь месяцы и недели, а не годы, как раньше, поэтому нет времени на долгие решения.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В новых реалиях права создателей контента не защищены в полной мере. Сфера интеллектуальной собственности регулирует оборот нематериальных прав, но правовая культура по-прежнему в недостаточной степени отражает интересы авторов.

Одна из проблем — низкая степень информированности участников креативной индустрии. У создателей контента зачастую отсутствует понимание законодательства.

В Высшей школе экономики оценили формулировки российских законов: они все труднее для понимания даже практикующими юристами. Такой вывод сделан по итогам проведенного ВШЭ исследования, в котором рассчитали специальный индекс для оценки сложности прочтения российских законов. Всего ученые проанализировали 592 закона.

В целом, интегральный индекс сложности текста российских законов неуклонно растет, отметили исследователи. В 1991 г. он составлял 30,8, а сейчас — уже 40. Для сравнения приведен интегральный индекс «Критики чистого разума» Иммануила Канта. Он составляет всего 48, тогда как у самых сложных законов РФ этот индекс равен 65.

«Законы написаны таким образом, что трудно читаемы даже для практикующих юристов», — приводит издание «Коммерсантъ» мнение заместителя директора Института государственного и муниципального управления ВШЭ Сергея Плаксина.

Согласно основным итогам исследования, язык российского законодателя в среднем в 10 раз сложнее литературного русского. Законы становятся все многословнее: за 20 лет увеличилась в 2,5 раза длина текста закона, а средний объем статьи вырос в 3 раза. Интегральный индекс сложности текста за 20 лет возрос. Эксперты Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ отмечают, что каждый год нормативные акты в России становятся сложнее для восприятия.

Усложнение законодательства не способствует повышению уровня правовой культуры. Отсутствие понимания правовых ограничений и возможностей препятствует эффективному ведению деятельности для создателей контента.

Таким образом, в системе коммуникации «государство — человек» возникает запрос на эмпатию. Григорий Ивлиев, президент Евразийского патентного ведомства, отметил, что на сегодняшний день Роспатент успешно содействует эффективному решению задачи по наращиванию патентной активности и выходу страны в топ-5 мировых лидеров. Заявленные ведомством на Коллегии Роспатента 18 февраля 2022 г. приоритеты будут содействовать эффективному развитию сферы интеллектуальной собственности, совершенствованию гражданского законодательства и созданию комфортной клиентоориентированной среды для изобретательского и предпринимательского сообщества.

По мнению руководителя юридического департамента группы компаний INDITEX RUSSIA Артема Подшибякина, предоставление юридической информации в формате видео — эффективное решение, потому что нормы права необязательно демонстрировать клиентам в виде текста. Текст не является единственным видом коммуникации с партнерами или аудиторией.

Работа с разными форматами имеет два преимущества. Это помогает, во-первых, расширить охват, во-вторых, — соблюсти конституционную норму о равенстве всех перед законом. Равные права получают люди, которые не умеют читать, которым сложно

воспринимать текст в силу заболевания дислексией, или люди, которые плохо владеют письменным русским языком. Человекоориентированное право, характеризующееся правовой эмпатией, — право сегодняшнего дня.

Профессор маркетинга в Школе бизнеса Уортона Питер Фейдер убежден, что компаниям для достижения лидирующих позиций в своих отраслях необходимо взять на вооружение стратегию клиентоцентричности.

Ключевые аспекты такой стратегии — полная персонализация и идентификация клиентов, прогнозирование поведенческих особенностей конкретных людей и использование Agile-подхода к управлению клиентским портфелем. Клиентоцентричный подход поможет выявить текущие и будущие потребности лучших клиентов, для того чтобы максимизировать их долгосрочную ценность для компании. Организации, которые успешно внедряют инновационные подходы, в том числе клиентоцентричность, имеют возможности гибко и эффективно развиваться в условиях перемен. «Клиентоцентричные компании получают долгосрочную выгоду в виде лояльности самых ценных клиентов, которые приобретают действительно нужные им товары и услуги» [11, с. 131]. Учет пользовательского опыта — это то, что обязательно должно быть в стратегии развития компании.

РАЗРУШЕНИЕ КОММУНИКАЦИОННОГО БАРЬЕРА В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Коммуникационно-правовой дизайн — это синергия юриспруденции, психологии, бизнеса, медиаменеджмента и продакт-менеджмента. Методологической основой коммуникационно-правового дизайна выступает междисциплинарный подход, опирающийся на научные принципы теории массовых коммуникаций, психологии, педагогики, медиаменеджмента, медиатехнологий и, безусловно, юриспруденции.

LegalTech-решения в сфере интеллектуальной собственности (ИС) повышают доступность ключевых сообщений. LegalTech сейчас находится в начале своего развития в России. Опыт показывает, что компании могут добиться большей эффективности за счет некоторых операционных и технологических изменений. LegalTech просто можно определить так:

- технология, которая помогает облегчить юридическую практику для юристов;
- технология, которая помогает потребителям получить доступ к юридической экспертизе и правосудию.

LegalTech-технологии призваны помочь юридическим фирмам привлечь больше клиентов. Эти тех-

нологии также способствуют лучшему обслуживанию существующих клиентов, помогая предоставлять юридические услуги более эффективно. LegalTech включает в себя определенные технологические инновации, такие как блокчейн и искусственный интеллект, которые, по прогнозам многих экспертов, беспрецедентно изменят юридическую профессию в будущем.

LegalTech, по сути, означает использование технологий и программного обеспечения для оказания юридических услуг и помощи в их предоставлении. Эти разработки открывают новые возможности для многочисленных фирм, стремящихся повысить общую эффективность и адаптироваться ко все более гибкой рабочей среде.

За предыдущий год юридические фирмы увеличили свои расходы на технологии на 7,1%, по данным исследования Thomson Reuters. Рост произошел, несмотря на общее сокращение расходов. В целом, несмотря на то что юридическая отрасль считается гипертрадиционной, к игрокам этого рынка постепенно приходит осознание того, что технологические инновации необходимы. Инвесторы ищут рычаги для роста, и цифровая трансформация юридической отрасли неизбежна.

LegalTech также позволяет небольшим компаниям и индивидуальным предпринимателям конкурировать с ведущими игроками в этой сфере, предоставляя им доступ к мощным инструментам. Многие крупные фирмы, не пытающиеся адаптироваться к изменениям, уже сейчас заметно отстают, поэтому развитие юридических технологий оказывает существенное влияние на современный юридический рынок.

Юридический дизайн как отдельный тренд и подход в LegalTech способен помочь найти решения на запрос пользователей. Юридический дизайн предоставляет функциональные возможности для эффективной доставки сообщений и улучшения пользовательского пути. Исследование «ЛигалПикс» показывает, что юридическая сфера готова к смене парадигмы, к фокусировке на интересах пользователя и эмпатии.

Консалтинговая компания опросила более 100 юристов, чтобы выяснить уровень осведомленности о юридическом дизайне и его применимости на практике. Респондентам было предложено ответить на вопросы об их отношении к юридическому дизайну, процессе их работы и коммуникации с пользователями документов.

Опрос показал, что большинство респондентов знают о юридическом дизайне (лишь 13,8% респондентов не были осведомлены о таком понятии). Юридический дизайн чаще всего трактуют как инструмент, который делает документ более доступным для пользователя. По мнению опрошенных, подход мо-

жет повысить эффективность коммуникации и положительно повлиять на рост выручки компании.

Юридический дизайн (Legal Design) — это не только изображения и не только текст. Этот подход основан на дизайн-мышлении, при котором делается фокус на пользовательском опыте при выполнении юридических задач. Это сочетание юридического, коммуникационного и дизайн-направлений. Визуализация становится важным инструментом для эффективного донесения информации до целевых пользователей.

Большая часть нашего восприятия обучения, познания и деятельности опосредована зрением, что делает образы важным источником информации. Суть визуального сообщения воспринимается мозгом человека менее чем за 1/10 секунды, то есть в 60 тыс. раз быстрее, чем текст с тем же содержанием. В медиальной височной доле зрительные стимулы подключаются к центру эмоциональных реакций личности. Таким образом, люди реагируют на изображения быстрее и сильнее, чем на слова, что помогает их мозгу формировать прочные визуальные воспоминания.

Инфографика и иллюстрации становятся важным инструментом для эффективного донесения информации до целевых пользователей. Для этого могут быть полезны инструменты юридического дизайна.

Если применение юридического дизайна ограничивается legal writing и выполнением базовых правил верстки, то привлекать дизайнера необязательно. Однако, если задача подразумевает использование более серьезных и выверенных графических решений, обойтись без помощи специалиста будет трудно.

Дизайн-мышление — это способ проектирования решения, когда не работают аналитика и Big Data, когда мы не можем опираться на статистические данные и выгрузку и когда не получается критически принимать решение. Мы обращаемся к творческому подходу, творческому мышлению и творческому способу сборки продукта, коммуникации либо конечного материала. В некотором смысле, с одной стороны, это выглядит как пересборка велосипеда, с другой стороны, это тот самый необходимый элемент, который оживляет историю. Дизайн-мышление стало главным направлением человеко-ориентированных практик в создании новых продуктов и сервисов, когда абсолютно все бизнес-процессы начинаются с ответа на главный вопрос: кому новое решение принесет пользу и какую?

Дизайн-мышление отличается от традиционного. Привычный подход к оценке бизнес-предложений предполагает, что руководство будет учитывать два ключевых аспекта — целесообразность (выгоду для бизнеса) и осуществимость (техническую и операци-

онную). Дизайн-мышление, напротив, ставит в центр внимания людей и их проблемы, начиная с понимания потребностей стейкхолдеров (востребованность), а затем уже рассматривает проект с точки зрения целесообразности и осуществимости.

Дизайн-мышление выгодно обоим участникам рынка: пользователь получает более качественный продукт, поскольку метод основан на эмпатии, а бизнес — более эффективный способ развития, так как цель дизайн-мышления — создать инновационный продукт, который в идеале дает компании конкурентное преимущество [8, с. 15]. «Сегодня практически каждая компания из списка Fortune 100 в том или ином контексте применяет дизайн-мышление» [8, с. 13].

В России за последние 5–7 лет методология дизайн-мышления прошла непростой, но интересный путь от новомодной диковинки до очень практичного, утилитарного инструмента, используемого в различных компаниях на постоянной основе. Неизменным остается одно — по-прежнему непросто «на старте» доказать эффективность применения методологии. Реальное отношение к декларируемым ценностям новаторства, экспериментаторства, терпимости к неопределенности проходит хорошую проверку, когда компании предлагается попробовать дизайн-мышление как рабочий инструмент.

Дизайн-мышление включает в себя пять традиционных этапов: эмпатия, фокусировка, генерация идей, прототипирование и тестирование. В контексте юридического дизайна подготовкой к прохождению всех этапов будет определение целей проекта. В основе лежит простая философия: главное — польза для человека и эффективное применение технологий.

1. Эмпатия — аккумуляция запросов от пользователя и изучение аудитории.

2. Фокусировка — формулирование точки зрения на проблему, основанную на инсайтах и потребностях пользователя.

3. Генерация идей — моделирование ситуаций, поиск нестандартных решений.

4. Прототипирование решений — создание визуальной репрезентации одной или нескольких идей для демонстрации.

5. Тестирование гипотез на фокус-группе — запрос обратной связи у стейкхолдеров и конечных пользователей.

Дизайн-мышление — это достаточно универсальный инструмент для развития soft skills, которые сегодня нам позволяют упаковать документ под запрос пользователя. Как показали новейшие исследования, юристу необходимо владеть в равной степени и hard skills, и soft skills. Hard skills — это профессиональные знания и умения. К этой группе навыков можно отне-

сти знание законодательства и умение применять его на практике, владение иностранными языками и пр. Soft-skills юриста — это навыки и личные качества, повышающие его профессиональную эффективность и качество его жизни в целом. К ним, в частности, относятся креативность, коммуникабельность, умение договариваться, хорошие навыки в сфере информационных технологий, включающие в себя электронное делопроизводство, работу с различными программными продуктами (офисные приложения, платформы для онлайн-конференций и т.п.), навык работы с отечественными и зарубежными справочными правовыми системами.

Бедущие отрасли, применяющие дизайн-мышление, — это информационные технологии, коммуникации, образование и другие виды деятельности по оказанию услуг. Некоторые отрасли медленно внедряют этот процесс, но проявляют к нему большой интерес, например энергетика и коммунальное хозяйство, страхование и производство.

Дизайн-мышление направлено на то, чтобы сбалансировать человеческие желания с технической осуществимостью и коммерческой эффективностью. Эти три аспекта необходимо учитывать на всем протяжении реализации проекта, чтобы найти действительно успешное решение [8, с. 44].

Дизайнер думает об интересах других людей, их потребностях и эстетических нормах, а также о взаимодействии разных типов мышления. Инженерные формы мышления, творческие принципы мышления, проектное мышление — все эти формы влияют на работу и выполнение поставленных задач [5, с. 97].

По мнению Екатерины Подвальной, руководителя Билайн Университета, суть методологии дизайн-мышления, его основные принципы ориентируют компании на высокоэффективную командную работу, на бережное и внимательное отношение к клиентам, на высокие бизнес-результаты и максимальную открытость.

LEGAL DESIGN В ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Юридический дизайн сегодня — это тот инструмент, который, с одной стороны, опирается на юридическую экспертизу, то есть обладает всеми признаками подхода со стороны правовой культуры, с другой стороны, внедряет дизайн-мышление. На стыке этих тенденций возникают совершенно новые, перспективные, прогрессивные подходы, которые позволяют в дальнейшем решать проблемы под совершенно другим углом зрения.

Работа с типовыми документами допускает самостоятельную деятельность юриста с подходом Legal

Design. Создание нетиповых документов потребует навыков и опыта профессионала. Таким образом, если юрист выполняет типовые для себя задачи и желает применять инструменты Legal Design, то в базовом объеме он может справиться самостоятельно.

В 2018 г. в Евросоюзе вступил в силу Общий регламент о защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR). Его цель — защитить конфиденциальность граждан и повысить контроль над организациями, собирающими и обрабатывающими персональные данные жителей стран ЕС.

Закон расширил сферу действия европейского законодательства и ужесточил обязанности операторов при обработке и защите данных с учетом современных технологий. Обратим внимание на ст. 12 GDPR: уведомления о конфиденциальности должны быть представлены «в краткой, прозрачной, понятной и легкодоступной форме с использованием ясного и простого языка».

Один из крупнейших штрафов по GDPR заплатила в 2019 г. компания Google во Франции — 50 млн евро. Причиной стал тот факт, что компания недостаточно прозрачно информировала пользователей об обработке их персональных данных. Информация была труднодоступной и разбросана в нескольких документах с переходами по ряду ссылок. Также текст соглашения об обработке персональных данных был признан недостаточно информативным и однозначным. Для выполнения требований GDPR необходимо понимать потребности и характеристики пользователей, чтобы эффективно донести содержимое документа. Для этого могут быть полезны инструменты Legal Design.

Иллюстрацией барьера между системой ИС и потребностями аудитории является проблема защиты культурного наследия малочисленных народов. В известном мультфильме «Холодное сердце» используются элементы культуры саамов. Disney имеет прибыль от мюзикла, при этом саамы не получают компенсацию. Nike добавила элементы традиционного дизайна племени куна (Панама) в специальной версии кроссовок Air Force, предварительно не получив разрешение на их использование. Производитель извинился за ошибку и прекратил продажу данной модели.

Сфера интеллектуальной собственности подвергается критике из-за отсутствия или недоступности всех необходимых инструментов защиты и монетизации. Не каждый участник креативной индустрии способен разбираться в законодательстве, обратиться к юристу или самостоятельно отслеживать неправомерное использование своих объектов ИС.

Ответом на потребность правообладателей становится развитие юридических технологий. К при-

меру, существует локальная система автоматического надзора ContentID на YouTube. Дальнейшее развитие технологий ИИ, вероятно, приведет к созданию обратной возможности для создателей контента — системы автоматических уведомлений об использовании авторского контента. Она может быть реализована определенным образом на уровне кода (nft, blockchain).

Счетная палата создала курс с обучающими видео и презентациями с рекомендациями, как писать проще о сложном. Цель инициативы — повышение доступности официальных документов. Работу по донесению ключевых сообщений без канцеляризмов и шаблонов ведет Федеральная налоговая служба.

Указанные решения демонстрируют успешную практику применения юридического дизайна, который позволяет выявить и вовлечь в правовую коммуникацию различных потенциальных правообладателей.

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., при создании российских информационных и коммуникационных технологий необходима государственная поддержка в части, касающейся защиты ИС российских правообладателей и совместного использования знаний, в том числе за рубежом.

Одной из задач Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» является создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе в каждой сфере. Реализации этой задачи посвящен федеральный проект «Регулирование цифровой среды», который курирует Минэкономразвития Российской Федерации.

Федеральный проект предусматривает разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на снятие первоочередных барьеров, которые препятствуют развитию цифровой экономики. Планируется урегулировать сквозные для различных отраслей законодательства вопросы, связанные с идентификацией субъектов правоотношений в цифровой среде, электронным документооборотом, оборотом данных, в том числе персональных.

Истинные лидеры сегодня рассматривают инновации как основной источник конкурентоспособности и дифференциации; они стремятся применять дизайн-мышление на всех стадиях процесса. «Многие из наиболее успешных мировых брендов рождают гениальные идеи, вдохновившись глубоким пониманием жизни потребителя, и используют принципы дизайна для инновационного развития и создания новой или дополнительной ценности» [8, с. 15].

Технологии, которые поначалу кажутся нишевыми, иногда превращаются в ведущие. Вначале их ис-

пользует лишь небольшая группа людей, а потом они распространяются все шире — правда, для этого технологии должны удовлетворять нуждам потребителей [12, с. 234]. Изучение новых веяний, распространенных среди небольшой группы поклонников, часто позволяет выявить ценные возможности для бизнеса [12, с. 236].

В результате проведенного исследования некоторых аспектов коммуникационно-правового дизайна выработалось понимание необходимости разработки нормативных правовых актов, закрепляющих инструменты дизайн-мышления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды».
3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203О.
4. Бэнфилд Р., Эрикссон М., Уокингшо Н. Лидеры продукта. Как лучшие в мире продакт-менеджеры создают команды и запускают крутые продукты: пер. с англ. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 240 с.
5. Карпов Дмитрий. Мышление как инструмент. Десять стратегий для решения любой проблемы. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 544 с.
6. Котлер Ф. Маркетинг от А до Я: 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер: пер. с англ. М.: Альпина Пабlisher, 2022. 242 с.
7. Медиакультура и основы медиаменеджмента: учеб. пособие / Н.Б. Кириллова. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2014. 184 с.
8. Кемпкенс О. Дизайн-мышление. Все инструменты в одной книге. М.: Эксмо, 2021. 224 с.
9. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. М.: ВШЭ, 2020. 311 с.
10. Сибел Т. Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху: пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 256 с.
11. Фейдер П., Томс С. Клиентоцентричность: Отношения с потребителями в цифровую эпоху: пер. с англ. М.: Альпина Пабlisher, 2021. 190 с.
12. Нир Э., Хувер Р. На крючке. Как создавать продукты, формирующие привычки: пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 272 с.
13. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Akademia, 2004. 944 с.
14. Haapio H., Hagan M., Doherty M. Legal Design: Integrating Business, Design & Legal Thinking with Technology: Edward Elgar Publishing, 2021. 264 p.
15. Klemola M., Kohlmeier A. The Legal Design Book: Doing Law in the 21st Century. Ground M, 2021. 330 p.
16. История одного картеля, Московское УФАС России. — URL: <https://clck.ru/akPzp> (дата обращения: 10.12.2021).
17. Оценка сложности языка законов, Институт государственного муниципального управления НИУ ВШЭ. — URL: <https://clck.ru/qjVro> (дата обращения: 20.12.2021).
18. Понятный язык, YouTube-канал «Счетная палата Российской Федерации». — URL: <https://clck.ru/qjVb9> (дата обращения: 20.12.2021).
19. Уровень осведомленности российских юристов о юридическом дизайне и его применимости, «Лигал Пикс». — URL: <https://legalpics.ru/cases/9> (дата обращения: 13.01.2022).

REFERENCES

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2018 g. No 204 "O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 g."
2. Nacional'naya programma "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii", federal'nyj proekt "Normativnoe regulirovanie cifrovoj sredy".
3. Strategiya razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gg.: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.05.2017 No 203O.
4. Benfild R, Eriksson M., Uokingsho N. Lidery produkta. Kak luchshie v mire produkt-menedzhery sozdayut komandy i zapuskayut krutye produkty: per. s angl. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2019. 240 s.
5. Karpov D. Myshlenie kak instrument. Desyat' strategij dlya resheniya lyuboj problemy. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2021. 544 s.
6. Kotler F. Marketing ot A do YA: 80 konepcij, kotorye dolzhen znat' kazhdyj menedzher: per. s angl. M.: Al'pina Pablisher, 2022. 242 s.
7. Mediakul'tura i osnovy mediamenedzhmenta: ucheb. Posobie / N.B. Kirillova. Ekaterinburg: izd-vo Ural. un-ta, 2014. 184 s.
8. Kempkens O. Dizajn-myshlenie. Vse instrumenty v odnoj knige. M.: Eksmo, 2021. 224 s.
9. Slozhnost' rossijskih zakonov. Opyt sintaksicheskogo analiza / A.V. Knutov, S. Plaksin I dr. M.: Izd.dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2020. 311 s.

10. Tomas S. Cifrovaya transformaciya. Kak vyzhit' i preuspej' v novuyu epohu: per. s angl. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2021. 256 s.
11. Fejder P., Toms S. Klientocentrichnost': Otnosheniya s potrebitelyami v cifrovuyu epohu: per. s angl. M.: Al'pina Publmshe, 2021. 190 s.
12. Nir E., Huver R. Na kryuchke. Kak sozdavat' produkty, formiruyushchie privychki: per. s angl. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2021. 272 s.
13. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: Opyt social'nogo prognozirovaniya. M.: Akademia, 2004. 944 s.
14. Haapio H., Hagan M., Doherty M. Legal Design: Integrating Business, Design & Legal Thinking with Technology. Edward Elgar Publishing, 2021. 264 p.
15. Klemola M., Kohlmeier A. The Legal Design Book: Doing Law in the 21st Century. Ground M, 2021. 330 p.
16. Istoriya odnogo kartelya, Moskovskoe UFAS Rossii. — URL: <https://clck.ru/akPzp> (data obrashcheniya: 10.12.2021).
17. Ocenka slozhnosti yazyka zakonov, Institut gosudarstvennogo municipal'nogo upravlenie NIU VSH. — URL: <https://clck.ru/aqVro> (data obrashcheniya: 20.12.2021).
18. Ponyatnyy yazyk, YouTube-kanal "Schetnaya palata Rossijskoj Federacii". — URL: <https://clck.ru/aqVb9> (data obrashcheniya: 20.12.2021).
19. Uroven' osvedomlennosti rossijskih yuristov o yuridicheskom dizajne i ego primenimosti, Ligal Piks. — URL: <https://legalpics.ru/cases/9> (data obrashcheniya: 13.01.2022).

ПРАВА ГЕЙМЕРОВ НА ВИРТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

GAMERS' RIGHTS TO VIRTUAL PROPERTY

Максим Олегович ЗВЕРЕВ

Юрист интеллектуально-правовой практики юридической компании «ЛЕКС системс», Москва, Россия, astrolamb4@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1183-7653>

Информация об авторе

М.О. Зверев — независимый эксперт в сфере интеллектуальной собственности

Аннотация. Период конца XX — начала XXI в. стал новой вехой развития цивилизации, получившей название цифровая эпоха. Уже сегодня можно выделить ее основные характеристики: повсеместное распространение компьютеров, смартфонов, иных устройств; развитие интернета; возникновение новых секторов экономики, в том числе индустрии видеоигр.

Изначально, на момент формирования данной индустрии, проблем, касающихся виртуальной собственности игроков на цифровые объекты, не возникало. В большей мере это связано с низким качеством игр, отсутствием возможности использовать информационно-телекоммуникационные свойства интернета ввиду его фактического отсутствия и функциональных ограничений игр. Однако по мере увеличения количества игр, повышения их качества, появления конкуренции за каждого активного пользователя проблема прав пользователей на цифровые объекты во внутриигровых вселенных стала явью.

Проблема виртуальной собственности становится острее ввиду отсутствия законодательного регулирования данного института, чем успешно пользуются недобросовестные производители игр, устанавливая непомерно обременительные условия лицензионных соглашений. Судебная практика по данному вопросу также показывает отсутствие понимания у судей сущности правоотношений, складывающихся между геймером и производителем игры.

В настоящей статье автор рассматривает, что представляют собой массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра (MMORPG), касается проблемы правомерности положений лицензионных соглашений и отвечает на главные вопросы: есть ли в MMORPG

- виртуальная собственность игроков и если есть, то
- каким образом она охраняется или каким образом она
- должна охраняться?

- **Ключевые слова:** MMORPG, лицензионное соглашение, виртуальная собственность

- **Для цитирования:** Зверев М.О. Права геймеров на виртуальную собственность // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 41, № 2. С. 69–79; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14449>

Maxim O. ZVEREV

Lawyer of the intellectual and legal practice of the law firm LEX systems, Moscow, Russia, astrolamb4@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1183-7653>

Information about the author

M.O. Zverev — independent expert in the field of intellectual property

- **Abstract.** The end of the 20th — the beginning of the 21st century became a new milestone in the development of civilization, called the digital age. Today we can define its main characteristics: the spread of computers, smartphones, and other devices; the development of the Internet; the formation of new sectors of the economy, including the video game industry.

- At the time of the formation of the gaming industry, there were no problems regarding the virtual ownership of digital objects by players. This is due to the low quality of games, the lack of the ability to use the Internet, and the functional limitations of games. However, with the increase in the number of games, their quality, the emergence of competition for each active user, the problem of user rights to digital objects in in-game universes has become a reality.

- The problem of virtual property is becoming more acute due to the lack of legislative regulation of this institution. Game creators force players to accept illegal terms in license agreements. Judicial practice of this issue also shows

the lack of understanding among judges of the essence of legal relations that develop between gamers and game creators.

In this article, we will consider what is MMORPG. Research the question of the legality of some parts license agreements. Try to answer the main questions: is there a player's virtual property in the MMORPG, and if so, how is it protected, or how should it be protected?

Keywords: MMORPG, license agreements, virtual property

For citation: Zverev M.O. Gamers' Rights to Virtual Property // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 41(2). P. 69–79; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14449>

ВВЕДЕНИЕ

На стыке тысячелетий в мире появился абсолютно новый сектор экономики, получивший название *индустрия видеоигр*. Основными причинами, обусловившими его появление, стали: возможность практически любого человека выйти в интернет; техническое оснащение современного человека. Сегодня у каждого имеется несколько устройств, способных подключиться к интернету, скачать и установить видеоигру — словом, произошла цифровизация населения.

С развитием качества и количества видеоигр возникают новые общественные отношения, появляются новые объекты гражданского права, такие как виртуальная собственность. В связи с этим остро встает вопрос правового регулирования данного имущества, так как фактически в гражданском законодательстве нет норм, которые бы должным образом защищали права и законные интересы пользователей видеоигр. Именно в этом кроется основная проблема — в правовом регулировании виртуальной собственности.

Актуальность данной проблемы также подтверждают следующие факты, которые встречаются повсеместно: 1) доминирующее положение правообладателей видеоигр, которые в своих лицензионных соглашениях прямо указывают, что все игровое имущество, полученное пользователями в ходе игры, является собственностью правообладателя игры; 2) устанавливается запрет на продажу виртуальных предметов за реальные деньги, хотя и данное обстоятельство никак не влияет на исключительное право правообладателя. Более того, в случае если пользователю удастся продать какой-либо игровой предмет внутри игры, то его игровой аккаунт блокируют без уведомления и объяснения причин.

Актуальность проблемы подчеркивается миллиардными оборотами внутриигровых артефактов и полным отсутствием законодательного регулирования виртуальной собственности. Так, в 2020 г. мировой рынок игровых аксессуаров был оценен в 7,75 млрд долларов, и ожидается, что к 2026 г. он достигнет 15,40 млрд, что свидетельствует о среднем темпе роста рынка игровых артефактов на 12,2% ежегодно [1]. Отметим и то, что суды, призванные разрешить попадающий к ним материально-правовой спор,

ввиду отсутствия законодательного регулирования внутриигровой собственности теряются и принимают несправедливые решения, демонстрируя непонимание возникших правоотношений [2].

Все сказанное формирует понимание, что в российском законодательстве существует пробел, который на протяжении последних десятков лет законодатель не может преодолеть. Также возникает огромное количество вопросов, связанных с правомерностью лицензионных соглашений, устанавливающих безусловно доминирующую сторону правообладателя игры и слабую сторону пользователя, и с возможностью признания права собственности на виртуальные предметы, обладающие экономической ценностью, за пользователем игры.

Эта статья посвящена анализу некоторых лицензионных соглашений на предмет соответствия законодательству РФ, в ней дана квалификация виртуальному имуществу в видеоиграх.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование начнется с анализа феномена массовой многопользовательской ролевой онлайн-игры (MMORPG) как одной из разновидностей компьютерных игр, установления правовой квалификации виртуальной собственности пользователя в данном жанре игр. Основной тезис: возникает ли у геймера в процессе игры право собственности на внутриигровой артефакт и на персонажа в целом?

Далее мы разберем положения ряда лицензионных соглашений к онлайн-играм на предмет их соответствия действующему законодательству. Установим, возникают ли между пользователем игры и правообладателем безоговорочные отношения власти и подчинения, дают ли условия лицензионного соглашения пользователю возможность каким-либо образом осуществлять свои права и законные интересы.

На третьем этапе мы рассмотрим сложившуюся судебную практику в сфере онлайн игр, узнаем, в качестве какого объекта права суды квалифицируют видеоигры, а также игровые артефакты.

По мнению автора, именно такой алгоритм действий даст читателю наиболее полное представление о сложившейся проблеме и о возможном способе ее преодоления.

РЕЗУЛЬТАТЫ

MMORPG как разновидность видеоигры

Видеоигры представляют собой сложный объект авторского права, объединяя в себе признаки программы для ЭВМ, мультимедийного продукта, аудио-

визуального произведения. Данный подход является наиболее оправданным, так как на законодательном уровне отсутствует легальная дефиниция компьютерной игры, а существенные признаки компьютерной игры в той или иной степени соотносятся с признаками приведенных понятий.

На сегодняшний день принято разделять видеоигры по способу взаимодействия игроков между собой: офлайн-игры, для которых подключение к интернету необязательно (в данной категории игр между пользователями отсутствует какое-либо взаимодействие), и онлайн-игры (для них подключение к интернету является обязательным критерием, в данных играх взаимодействие между пользователями происходит постоянно).

Онлайн-игры, в свою очередь, также могут быть разделены на подвиды, к примеру MMORPG, или Massively multiplayer online role-playing game, что в переводе с английского означает «массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра». С точки зрения возможности возникновения виртуальной собственности данный тип игр представляет наибольший интерес, и именно на него будет направлен фокус нашего исследования.

MMORPG — это постоянно развивающиеся открытые миры, где множество пользователей регулярно взаимодействуют между собой через игровые аватары, за действия которых несут полную ответственность [3]. MMORPG обладают рядом уникальных особенностей, которые позволяют выделить их признаки.

Во-первых, ММО-игры являются онлайн-играми, то есть требуют от пользователя постоянного подключения к интернету. Это один из главных признаков, именно он обуславливает характер игры — кооперативный. Во-вторых, в таких играх принимают участие множество пользователей, порой их число достигает миллионов. В-третьих, в них присутствует внутриигровая экономика. В-четвертых, в них есть доминирующий субъект — локализатор (то есть лица, которое подготавливают программное и аппаратное обеспечение компьютерной игры к продаже в новом регионе или стране) либо непосредственно создатель или правообладатель игры, который контролирует деятельность игроков в процессе игры. В-пятых, важно наличие открытого постоянно развивающегося мира.

Данные признаки рассматриваются исключительно в совокупности, так как отсутствие хотя бы одного из них может указывать, что игра не относится к жанру MMORPG. Так, при исключении признаков внутриигровой экономики и открытого мира MMORPG трансформируется в игры жанра МОБА (Multiplayer Online Battle Arena). Важна и взаимосвязь всех пун-

ктов, так, признаки кооперативности, множества пользователей и открытого мира обуславливают появление внутриигровой экономики.

Феномен внутриигровой экономики является в настоящем исследовании ключевым, так как именно благодаря ему в играх происходит постоянное торговое взаимодействие между игроками, где в качестве средства платежа могут выступать как внутриигровая валюта, так и классические фидуциарные деньги. Сегодня все игры жанра MMORPG создают свой рынок товаров и услуг. Рассмотрим данный факт на конкретном примере.

В игре R2 Online [4] игроками создан свой рынок товаров и услуг, где каждый игрок ежедневно и неоднократно совершает сделки (покупает и продает товары внутри игры) посредством торговых лавок и аукциона или же продает свои услуги, такие как гарант или прокачивание других персонажей за определенную плату. Другая игра того же жанра — ArcheAge — аналогично обладает признаками сложившейся внутриигровой экономики. В игре основную роль исполняет игровой аукцион, который имеет межсерверное значение, то есть все серверы игры поделены на аукционные группы, соответственно любой желающий может приобрести игровой предмет с аукциона, даже если его владелец находится на другом сервере. Более того, в указанных играх экономика постоянно находится в динамике, в ее цикле присутствуют спады, подъемы, пики, депрессии.

Указанные функциональные возможности игры, большое количество играющих, постоянно взаимодействующих между собой, создают потребность в формировании рынка товаров и услуг, а следовательно, внутриигровой экономики. Сегодня невозможно представить MMORPG в отсутствие рынка и разделения труда внутри игры, ведь онлайн-игры фактически являются метавселенными [5], то есть аналогом реального мира, но в цифровой среде, и все, что мы можем увидеть вокруг себя, можно имплементировать в рамки игры.

Игровой артефакт как объект виртуальной собственности геймера

Переходя к вопросам собственности игроков в MMORPG, обозначим, что игровые вещи обладают ценностью, выраженной не только в игровой валюте, но и в валюте неигрового (реального) мира.

Для того чтобы понять, обладают ли какими-либо правами на игровые вещи сами игроки, предлагаем определиться с понятием собственности и ее видами.

Собственность — материальные ценности, имущество, принадлежащие кому-нибудь или находящиеся в полном распоряжении кого-либо [6]. Собствен-

ность — наиболее полный комплекс прав, которым может обладать субъект права в отношении своего имущества [7]. Право собственности — это наиболее полная юридически обеспеченная возможность владеть, пользоваться и распоряжаться вещью по своему усмотрению, независимо от других лиц и без ограничения по сроку [8].

Согласно Конституции Российской Федерации, выделяются несколько видов собственности: частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности [9]. В настоящей статье наиболее интересно именно право на частную собственность. Право частной собственности граждан представляет собой основанную на законе и осуществляемую в его пределах меру возможного поведения гражданина по владению, пользованию и распоряжению предметами потребления, средствами и продуктами производства в целях удовлетворения своих частных интересов.

Как установлено в ч. 1 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом [10].

Следует понять, к какому виду объектов гражданских прав стоит относить виртуальное игровое имущество. В соответствии со ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся имущественные права, в том числе цифровые права. Обращаясь к легальному определению цифровых прав, содержащемуся в ст. 141.1 ГК РФ, мы можем увидеть, что цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, в том числе и виртуальное игровое имущество.

Согласно указанному определению, к цифровым правам можно отнести любой объект, который был помещен в цифровое пространство. Как отмечает М.А. Рожкова, к виртуальному имуществу относят «те нематериальные объекты, которые имеют экономическую ценность, но полезны или могут быть использованы исключительно в виртуальном пространстве» [11].

В свою очередь, виртуальное игровое имущество является составной частью виртуального имущества, так как оно распространяется только на видеоигры. К нему можно отнести такие объекты, как игровой аккаунт, игровой персонаж, игровые артефакты, игровую валюту и иные объекты, обладающие внутриигровой и реальной экономической ценностью, которые могут быть востребованы в цифровой среде.

На основании всего изложенного возникает вопрос: распространяется ли право частной собственности игроков на внутриигровые ценности, которые

были получены ими в полном соответствии с правилами игры?

Теоретически — да, объекты виртуальных прав внутри игры возникают в процессе трудовой деятельности геймера. Каждый пользователь игры, прикладывая физические усилия, затрачивая свое время, добывает или зарабатывает игровые артефакты, которые принадлежат его игровому аватару, а следовательно, и самому пользователю. Внутри игры геймер правомочен распоряжаться ими по своему усмотрению: продавать, дарить, выбрасывать, удалять. Если пользователь заработал особо ценный артефакт, он вправе его продать за реальные деньги.

Однако в научной литературе существует и противоположная точка зрения: деятельность пользователей компьютерных игр не может считаться трудовой, поскольку основная цель компьютерных игр — развлекательная, а не трудовая [12]. В доказательство справедливости такого взгляда автор указывает: во всех лицензионных соглашениях к играм закреплено, что правообладатель (создатель игры) предоставляет пользователям простую неисключительную лицензию на пользование компьютерной игрой в развлекательных целях. Более того, производитель игр не заключал с пользователями трудовой договор, договор на оказание услуг либо иной договор гражданско-правового характера.

Данная точка зрения, по мнению автора, некорректна, поскольку невозможно считать, что деятельность, осуществляемая не по трудовому договору или иному договору, предполагающему осуществление трудовой деятельности, не является трудовой. Данное несогласие строится в первую очередь на философских взглядах К. Маркса, изложенных в «Капитале»: труд представляет собой деятельность человека, направленную на создание материальных и духовных благ, которые удовлетворяют потребности индивида и/или общества. В процессе этой деятельности человек при помощи орудий труда осваивает, изменяет и приспособливает к своим целям объекты природы, использует механические, физические и химические свойства вещей и явлений природы и заставляет их взаимно влиять друг на друга для достижения заранее намеченной цели [13].

Удовлетворение потребностей индивида и общества может подтверждаться сделками купли-продажи объектов виртуальной собственности на маркетплейсах, которые осуществляются на условиях равенства количества необходимого труда для их производства.

Еще одним аргументом является позиция Ли Шена, который говорит, что профессиональным спортсменам также платят за то, чтобы они «играли» в игру, и никто не задается вопросом, являются ли их усилия трудом

[14]. Фактически автор указывает на то, что игроки, играющие в видеоигры, тратят сравнительно такое же количество времени на видеоигры, как профессиональные игроки в футбол тратят на свое занятие. Проводить между двумя этими категориями людей грань и говорить, что одни развлекаются, а другие работают, по меньшей мере некорректно. Ведь если бы трудовая деятельность определялась как нечто, что отнимает силы и не приносит развлечения или удовольствия, то считалось бы, что каждый человек, занимающийся любимым делом, развлекается, а не трудится.

Таким образом, деятельность пользователей по зарабатыванию игровых артефактов соответствует понятию трудовой деятельности; аргументов, явно свидетельствующих о том, что работа, не осуществляемая по гражданско-правовому договору, не является трудовой, не существует. Соответственно можно констатировать, что объекты виртуальной реальности принадлежат на праве собственности пользователю видеоигры, какое-либо ограничение его правомочий по распоряжению данными объектами, в том числе по продаже за реальную валюту, незаконно.

ДИСКУССИЯ

Лицензионные соглашения как способ ограничить права игроков на объекты виртуальной реальности

Лицензионные соглашения на сегодняшний день представляют собой локальные нормативные акты производителей игр, которые направлены на утверждение доминирующего положения правообладателя по отношению к рядовому пользователю.

Проводя анализ нескольких десятков лицензионных соглашений российских производителей онлайн-игр, можно констатировать, что в подавляющем большинстве случаев условия соглашений носят запретительный характер, пользователю запрещается создавать новые объекты игровой реальности, продавать заработанные артефакты за неигровую валюту и многое другое. Важен и факт согласия с условиями лицензионных соглашений: такие лицензионные соглашения представлены в форме договора присоединения, то есть пользователь соглашается с соглашением как есть, без возможности внести правки в какие-либо пункты под угрозой отказа в доступе к платформе. Все это подтверждает изначально выдвинутую гипотезу: лицензионные соглашения направлены не на защиту пользователей, а на защиту производителя игры.

Предлагаем рассмотреть лицензионные соглашения нескольких крупных российских игровых корпораций на предмет ущемления прав пользователей компьютерных игр.

Лицензионное соглашение игры Linage II [15] (в Российской Федерации локализатором игры является ООО «Иннова Дистрибьюшен», ИНН 7701760179) наиболее типично в игровой индустрии с точки зрения условий, ограничивающих право пользователя распоряжаться виртуальными объектами.

Лицензионное соглашение к данной игре состоит из двух основных документов: само лицензионное соглашение и правила игры, являющиеся неотъемлемой частью лицензионного соглашения.

Открывают соглашение условия о предмете и определение основных понятий, где указывается, что лицензиар предоставляет лицензиату право использования игры на условиях простой (неисключительной) лицензии и на безвозмездной основе. Дополнительно сообщается, что лицензиару принадлежат все интеллектуальные права на элементы игры.

Безусловно, игра как объект авторского права принадлежит правообладателю, никто не вправе каким-либо образом ограничивать исключительные права правообладателя. Однако, как указывалось ранее, возникновение права собственности на виртуальные объекты у пользователя игры никак не влияет на авторское право производителя. Это обосновывается тем, что пользователь никоим образом не ограничивает исключительные либо лично неимущественные права правообладателя.

Далее в лицензионном соглашении указывается (п. 3.2.2.4), что лицензиат не вправе передавать третьим лицам (в большинстве случаев другим лицензиатам) на возмездной основе игровых персонажей и другие объекты, за исключением согласия правообладателя. Также пользователю запрещено извлекать коммерческую выгоду от любого использования игры.

Указанным положением прямо ограничивается право лицензиата на распоряжение своим виртуальным имуществом. Согласно определению права собственности, никто не вправе ограничить это право, в том числе по лицензионному соглашению. Именно данное положение соглашения начинает закреплять доминирующее положение лицензиара, давать ему правомочия ограничивать права пользователей, закрепленные на законодательном уровне.

Такое своевольное поведение производителя игры, возможно, обусловлено сложностью правоотношений, которые правоприменительные органы в настоящее время не могут надлежащим образом квалифицировать и эффективно защищать права наиболее слабой стороны — лицензиата.

Пунктом 3.1.1.7 лицензионного соглашения лицензиар установил свое право на односторонний (то есть без согласия) перенос игрового персонажа, которого лицензиат использует для участия в игровом процессе, с одного игрового сервера на другой.

В дальнейшем правообладатель указал, что такой перенос может повлечь изменение в игровой ситуации для персонажа, в том числе потерю возможностей, достижений, ценностей и предметов. Лицензиат, в свою очередь, начиная играть, подтверждает свое согласие с таким изменением размещения персонажа.

Данное одностороннее установленное положение выглядит довольно сомнительно, способно повлечь за собой значительные убытки пользователя в случае такого переноса игрового персонажа. Внутригровой рынок является живым, его конъюнктура постоянно меняется. Отметим, что на разных игровых серверах ситуация цен на рынке может значительно различаться, порой разница цен превышает 200–300%. Допустим ситуацию, при которой игрового персонажа в принудительном порядке перенесли на другой сервер, причем игровые ценности на сервере А (тот сервер, на котором персонаж находился до его переноса) стоили 100 млн единиц игровой валюты, стоимость игровой валюты, продаваемой игроками за реальные деньги, составляла 20 рублей за 1 млн единиц игровой валюты, следовательно, реальная стоимость персонажа составляла 2 тыс. рублей. После переноса персонажа на сервер Б стоимость его вещей составила 50 млн единиц игровой валюты, а стоимость игровой валюты по отношению к реальной составляет 21 рубль за 1 млн единиц игровой валюты. При таких расценках стоимость персонажа на сервере Б составляет 1050 рублей, что на 950 рублей ниже, чем на сервере А. В связи с этим убыток игрока составил 950 рублей.

На основании указанного данное положение лицензионного соглашения стоит переработать (добавить положение о компенсации разницы стоимости игровых ценностей, обязать предупреждать о таком намерении за срок не менее 30 дней) либо полностью убрать возможность произвольного переноса персонажа.

В дальнейшем производитель игры утверждает свое доминирующее положение в п. 6.3, 6.4, 6.5, 6.6, где указывается, что лицензиар вправе в одностороннем внесудебном порядке отказаться от исполнения соглашения и отозвать право на использование игры, в том числе право на неактивированные данные и команды (дополнительные игровые предметы, приобретаемые лицензиатом за плату), полностью или в части без предварительного уведомления лицензиата, в том числе в случае нарушения лицензиатом соглашения, приложений к нему, правовых документов и/или иных соглашений, заключенных им с лицензиаром. Нарушение таких соглашений лицензиатом является существенным нарушением соглашения.

Более того, лицензиар вправе в одностороннем порядке отозвать право пользователя на использо-

вание игры путем блокирования (удаления) учетной записи в игре. С даты такой блокировки настоящее соглашение признается расторгнутым, а право на использование игры, в том числе право на неактивированные данные и команды, — отозванным.

Расторжение соглашения лицензиаром, отзыв права на использование игры и/или расторжение соглашения на любом ином основании не дает лицензиату основания требовать от лицензиара возврата уплаченного вознаграждения или иных выплат лицензиата в связи с использованием игры.

Указанные положения регламентируют порядок одностороннего расторжения лицензионного соглашения, устанавливается, что если лицензиат решил расторгнуть соглашение, то он должен уведомить лицензиара о своем намерении в течение пяти рабочих дней, после истечения указанного срока игровой аккаунт лицензиата блокируется, соглашение считается расторгнутым. В случае же с лицензиаром дело обстоит несколько иначе, он вправе расторгнуть соглашение и заблокировать аккаунт пользователя в любое время, предварительно не уведомляя лицензиата о своем решении. Данное положение полностью не соответствует действующему законодательству. Так, согласно ст. 310 ГК РФ, односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение условий соглашения не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами [10].

Такие положения также не могут считаться законными, как указал высший арбитражный суд РФ, ст. 310 ГК РФ допускает согласование в договоре права на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора только в случаях, когда договор заключается в связи с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности [16]. Первопричиной появления такого положения стала защита более слабой стороны договора. Соответственно запрет на одностороннее расторжение договора может распространяться на случаи, когда одна из сторон договора представлена как физическое лицо, а другая — как предприниматель. Причем инициатива расторжения договора принимается только в случае, если ее инициатором стала более слабая сторона.

Из приведенных выше правовых оснований следует, что односторонний отказ от исполнения лицензионного соглашения, заключенного между юридическим лицом (лицензиаром) и физическими лицами (лицензиаты), недопустимо; следовательно, и это положение подлежит отмене как противоречащее закону.

Рассмотрев несколько сомнительных положений лицензионного соглашения, предлагаем осветить права игры.

Согласно п. 4.10 правил игры, лицензиату запрещается осуществлять какие-либо действия, связанные с получением либо продаж за реальные деньги игровых артефактов [15].

Пункт 5.4 устанавливает, что лицензиар вправе изъять игровые предметы у лицензиата, если они получены с нарушением п. 4.10 правил игры [15].

В совокупности данные пункты устанавливают запрет на продажу игровых ценностей за реальные деньги, в случае обнаружения такой сделки лицензиар вправе изъять такой предмет, а также заблокировать аккаунт сторон сделки за нарушение правил лицензионного соглашения.

Подводя итог, можно констатировать следующее: производитель игры (данный локализатор осуществляет руководство деятельностью девяти игр) в лицензионном соглашении установил свою тотальную доминацию, фактически на незаконных основаниях забрав у пользователей права собственности на виртуальные объекты. Более того, правообладатель установил, что если пользователи будут осуществлять принадлежащие им права распоряжения, то локализатор вправе немедленно заблокировать аккаунт нарушителя без объяснения причин.

Хочется обратить внимание читателя и на попытку обхода запретов правообладателей через сторонние ресурсы. Так, в настоящее время в интернете все больше набирают популярность маркетплейсы, предоставляющие услуги посредника при проведении операций по продаже объектов виртуальной собственности игроков за реальные деньги. К числу таких маркетплейсов можно отнести FunPay [17], Loot4Pay [18], Izi [19] и многие другие.

Такие площадки действуют следующим образом: покупатель выбирает продавца с нужным игровым артефактом и связывается с ним текстовыми сообщениями через сайт маркетплейса, далее покупатель вносит цену виртуального товара на счет маркетплейса, где денежные средства блокируются до подтверждения передачи товара покупателю. Когда совершение сделки будет подтверждено, продавцу на виртуальный кошелек зачисляется сумма продажи, которую он может вывести на свою банковскую карту. Однако обратим внимание на то, что такие маркетплейсы берут около 30% (!) комиссии от суммы сделки.

Высокие комиссии обусловлены безвыходным положением пользователей, которые, желая осуществить продажу игрового артефакта, вынуждены прибегать к услугам сайтов-посредников. Но в случае признания прав пользователей на объекты виртуальной собственности правообладатели смогли бы увеличить доходность проектов на 10–15%, что окупало бы затраты на формирование торговой площадки,

увеличение штата сотрудников и решение вопроса налогообложения соответствующих доходов пользователей.

Судебная практика

При рассмотрении вопроса о возникновении и признании за пользователями прав на виртуальную собственность нельзя обойти стороной правоприменительную практику судов. Безусловно, Российская Федерация относится к семье континентального права, то есть правовой семье, где отсутствует судебный прецедент и верховенство занимает установленный законодателем закон, но не стоит забывать, что в настоящее время теория отличается от практики и нет правовых семей, четко отвечающих теоретическим критериям.

Так, в Российской Федерации существует несколько судебных актов Верховного Суда РФ: Постановление Пленума «о судебном решении» [20] и Постановление Пленума «о применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» [21], где высшая судебная инстанция прямо указывает, что суды нижестоящих инстанций при вынесении судебных актов должны руководствоваться позицией высших судов. Такой подход судов к единообразному правоприменению и толкованию положений закона наводит на мысль о возникновении в том или ином смысле судебных прецедентов. Интересным автору видится и то, что большинство судебных актов содержит ссылки на авторитетные позиции ВС РФ в части толкования, разъяснения и применения некоторых положений законов.

В связи с изложенным заключаем, что судебная практика, особенно практика высших судов, является обязательной для нижестоящих инстанций, а следовательно, важно рассмотреть позиции судов по нашему вопросу.

Предлагаем непосредственно перейти к рассмотрению некоторых судебных дел, и начнем с дела по исковому заявлению В.В. Буланова к ООО «Мэйл.ру Геймз».

В рамках данного спора В.В. Буланов обратился с иском к Мэйл.ру о снятии блокировки с игрового аккаунта и компенсации морального вреда в размере 1 млн рублей. Свои требования Буланов обосновывал тем, что он является пользователем игр ответчика с 2005 г., но в 2013 г. производитель игр ограничил истцу доступ к игровому аккаунту за приобретение игровой валюты от третьих лиц.

В судебном процессе было установлено, что истец неоднократно в нарушение прав игры приобретал игровую валюту за реальные денежные средства, в первый раз такое нарушение было наказано штра-

фом игрового персонажа, но в целях погасить штраф истец вновь приобрел за 550 рублей игровую валюту для уплаты задолженности. Ответчик, узнав про это, заблокировал истцу игровой аккаунт.

В связи с тем, что персонаж истца обладал существенной ценностью, последний обратился в суд с исковым заявлением. В судебном процессе истец попытался применить к спору положения Закона о защите прав потребителя, но суд не согласился с этим, он счел, что данные правоотношения подпадают под регулирование азартных игр и пари, и в связи с этим отказал в удовлетворении искового заявления. Вышестоящие инстанции согласились с судом первой инстанции.

В другом схожем деле — В.В. Никулкин против Wargaming Group Limited — Президиум Московского городского суда [22] 18 сентября 2018 г. отменил определение Московского городского суда от 14 марта 2018 г. и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. В своем акте суд вышестоящей инстанции указал, что в деле должны быть применены нормы о защите прав потребителя. Однако при повторном рассмотрении Чертановский районный суд фактически проигнорировал указание Президиума и сослался на ст. 1062 ГК РФ, а также указал, что частные правоотношения регулируются Законом о защите прав потребителей лишь в части, не урегулированной ГК РФ [2].

На основании данных судебных решений можно сделать вывод, что суды идут по пути наименьшего сопротивления, своими решениями судебные органы показывают отсутствие понимания складывающихся правоотношений и нежелание подробно в них разбираться.

Стоит также упомянуть, что в российской судебной практике все-таки встречаются случаи, когда суды принимают более осознанные решения, демонстрирующие желание разобраться в сущности правоотношений. Так, Ленинский районный суд Кемерова [23] в своем судебном акте пришел к двум интересным выводам: он установил, что онлайн-игра является программой интерактивного типа как мультимедийное произведение и что интерактивная игра не является азартной игрой.

Как видно, российские суды в подавляющем большинстве случаев не пытаются предпринять попытку анализа правоотношений, вытекающих из онлайн-игр. Автор полагает, что это связано в первую очередь с небольшим количеством споров данного типа, ведь большинство пользователей даже не могут предположить, что объекты виртуальной реальности, заработанные пользователем в процессе игры, могут быть признаны за ним. В правоприменительной практике

большой уклон делается на признание, что такие правоотношения вытекают из игр и пари, а следовательно, не подлежат защите. Но возникла ли аналогичная ситуация в юрисдикциях иностранных государств? Предлагаем рассмотреть данный вопрос.

Одно из самых выдающихся дел, где пользователь компьютерной игры смог доказать свою правоту и отстоять свои игровые ценности, — дело *Bragg v. Linden Research, Inc.* Данное дело было рассмотрено в Окружном суде США в 2007 г. [24]. В нем пользователь игры *Second Life* подал исковое заявление в суд к производителю, где указал, что последний нарушил право собственности на виртуальные объекты в связи с их изъятием.

Марк Брэгг (истец) в процессе игры обнаружил эксплойт, то есть уязвимость, о которой впоследствии узнала администрация. Успешно использовав ее несколько раз подряд, истец заработал существенную сумму игровой валюты, но не успел ей распорядиться, так как администрация заблокировала игровой аккаунт и все игровые счета истца.

В связи с таким наказанием, выразившимся в фактическом изъятии у пользователя игровых денежных средств, впоследствии Брэгг заявил, что изъятие игровых денежных средств следует отождествлять с изъятием реальных денег, так как они были куплены за реальную валюту, а значит, *Linden Lab* (организатор) нарушил его права [25].

Суд, разрешая данный спор, взял за основу факт реальности денежных средств, которые были фактически потрачены истцом. Более того, суд принял во внимание признание производителем игры прав пользователей на объекты виртуальной собственности.

Возражения ответчика о третейской оговорке были обоснованно не приняты судом, так как установлено, что договорные отношения (установившие эту оговорку) между сторонами были урегулированы договором присоединения (лицензионным соглашением, принимаемым как есть), у истца не было возможности при заключении договора вести переговоры с производителем игры в целях исключения положений, ущемляющих его права, а следовательно, истец воспринимал договор в целом. В связи с указанными обстоятельствами суд удовлетворил требования истца.

В данном споре интересным представляется подход суда, который фактически назвал аватар пользователя в игре его виртуальным «я», а все имущество, которое находилось на балансе у пользователя, фактически приравнял к реальному через призму виртуальных прав на него. Данный подход суда к виртуальным правам собственности пользователя является наиболее правильным, отражающим физические усилия

пользователя, необходимые для получения имущества в игре. Рассмотренное дело иллюстрирует положительные черты такого подхода и потенциальную возможность его имплементации в российскую практику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как можно видеть, индустрия видеоигр и институт прав пользователей на объекты виртуальной реальности находятся на переходном этапе от появления к становлению. Это обуславливает и темп появления новых игр, игровых технологий, резкие скачки роста рынка игровых артефактов, а также практически полное отсутствие законодательного регулирования данных отраслей. Такое положение вещей вполне закономерно: как известно, законодательное регулирование какой-либо отрасли появляется не сразу, а постепенно, так это было с регулированием интернета, информационных посредников и многих других сфер общественной жизни.

Рассмотрев основные мнения как отечественных, так и зарубежных авторов, можно сделать важный вывод: в процессе участия в игре жанра MMORPG у пользователей возникают имущественные права на объекты виртуальной реальности. Это обусловлено тем, что данные объекты пользователь зарабатывает своим трудом и на законных основаниях, причем возникновение собственности на такие объекты никак не влияет на авторские права на игру правообладателя. Данный вывод можно подтвердить аналогией с правами собственности людей на вещи в реальном мире: права на собственность в игровом мире, фактически являющемся метавселенной для игровых аватаров (аналогов людей), аватары приобретают на части игрового мира (какие-либо артефакты). Более того, продажа этих артефактов за реальные деньги не нарушает авторские права производителя, так как все остается внутри игрового мира.

Однако на сегодняшний день повсеместно наблюдается тотальное ущемление прав пользователей компьютерных игр, выражающееся в полном непризнании их прав собственности на объекты виртуальной реальности. Правообладатели преследуют в своих лицензионных соглашениях одну цель — установление своего доминирующего положения, а пользователи фактически лишены какой-либо защиты.

Судебная практика российских судов находится, как и сам институт прав пользователей на объекты виртуальной реальности, в зачаточном состоянии. Это обусловлено малым количеством дел, так как пользователи не знают о возникших у них правах и о возможном положительном исходе судебного раз-

бирательства, и даже это небольшое количество дел рассматривается судами с позиции буквального толкования законодательства (компьютерная игра — это что-то из мира азартных игр и пари). Сегодня суды демонстрируют нежелание вникать в суть проблемы и не пытаются разрешить спор, основываясь на принципах справедливости, и это является еще одним аргументом, подтверждающим актуальность проблемы законодательного закрепления и признания права собственности пользователей на объекты виртуальной реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mordor Intelligence. Gaming accessories market — growth, trends, Covid-19 impact, and forecasts (2022–2027). — URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/gaming-accessories-market>
2. Бурибаев Т.Н., Гачина А.А. World of Lawcraft. Вопросы защиты прав пользователей онлайн-игр // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 32. С. 110–127.
3. De Souza B.C., e Silva L.X.D.L., Roazzi A. MMORPGS and cognitive performance: a study with 1280 Brazilian high school students // Computers in Human Behavior. 2010. Vol. 26, Issue 6. P. 1564–1573. Doi: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2010.06.001>.
4. Официальный сайт игры R2 Onlin. — URL: <https://r2.webzen.co.kr/main>
5. Gilbert B. Zuckerberg is most worried about Apple, Google, Microsoft, Sony and others as the main competition for the 'metaverse'. Insider Inc. — URL: <https://www.businessinsider.com/facebook-says-apple-sony-microsoft-google-are-metaverse-competition-2021-11>
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 1992 с.
7. Мозолин В.П., Масляев А.И. Гражданское право: учебник. — Т. 1. М.: Юрист, 2007. 719 с.
8. Абрамова Е.Н., Аверченко Н.Н., Алферова Ю.Н. и др. Гражданское право: учебник: в 3-х томах. Т. 1 // отв. ред. А.П. Сергеев. М.: Проспект, 2007. 1040 с.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках в Конституцию РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), № 51-ФЗ от 30.11.1994.
11. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. — URL: <https://zakon.ru/blog/>
12. Richard A. Bartle Pitfalls of virtual property // The Themis Group white paper. 2004. — URL: <http://www.mud.co.uk/richard/povp.pdf>
13. Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 5. Процесс труда и процесс увеличения стоимости.
14. Lee Shen. Who owns the virtual items? // Duke law & technology review. 2010. № 11.
15. Текст лицензионного соглашения к игре Linage II // Официальный сайт игры Linage II. — URL: <https://ru.4game.com/legal/lineage2/3/>
16. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ «О свободе договора и ее пределах» № 16 от 14 марта 2014 г..
17. Официальный вебсайт FunPay — биржа игровых ценностей. — URL: <https://funpay.ru>
18. Официальный вебсайт Loot4Pay. — URL: <https://loot4pay.com/ru/>
19. Официальный вебсайт Izl. — URL: <https://loot4pay.com/ru/>
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении» № 23 от 19 декабря 2003 г.
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» № 13 от 30 июня 2020 г.
22. Постановление Президиума Московского городского суда № 44г-259/2018 от 18 сентября 2018 г. — URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/presidium-civil/details/200bb45e-447f-4b9c-81b5-c647b725b3ca?caseNumber=44%D0%B3-259/2018>
23. Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Кемерово № 11-59/2013 от 26 апреля 2013 г. — URL: https://leninsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_or=doc&number=33695891&delo_id=5&new=5&text_number=1
24. Bragg v. LindeN Research, Inc., U.S. District Court. May, 2007.
25. Candidus D. Bragg v. Linden: Virtual Property Rights Litigation // E-Commerce Law & Policy. 2007. Vol. 9, No 7.

REFERENCES

1. Mordor Intelligence. Gaming accessories market — growth, trends, Covid-19 impact, and forecasts (2022–2027). — URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/gaming-accessories-market>
2. Buribaev T.N., Gachina A.A. World of Lawcraft. Voprosy zashchity prav pol'zovateley onlayn-igr // Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam. 2021. No 32. P. 110–127.

3. De Souza B.C., Silva L.X.D.L., Roazzi A. MMORPGS and cognitive performance: a study with 1280 Brazilian high school students // *Computers in Human Behavior*. 2010. Vol. 26, Issue 6, S. 1564-1573. Doi: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2010.06.001>.
4. Ofitsial'nyy sayt igry R2 Online. — URL: <https://r2.webzen.co.kr/main>
5. Gilbert B. Zuckerberg is most worried about Apple, Google, Microsoft, Sony and others as the main competition for the 'metaverse'. Insider Inc. — URL: <https://www.businessinsider.com/facebook-says-apple-sony-microsoft-google-are-metaverse-competition-2021-11>
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M: Yaz, 1990. 1992 p.
7. Mozolin V.P., Maslyayev A.I. Grazhdanskoye pravo Uchebnik. T. 1. M.: Yurist, 2007. 719 s.
8. Abramova Ye.N., Averchenko N.N., Alferova YU.N. i dr. Grazhdanskoye pravo Uchebnik: v 3-h tomah. T. 1 / otv. red. A.P. Sergeyev. M.: Prospekt, 2007. 1040 p.
9. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh v Konstitutsiyu RF ot 30.12.2008 No 6-FKZ, ot 30.12.2008 No 7-FKZ, ot 05.02.2014 No 2-FKZ, ot 21.07.2014 No 11-FKZ).
10. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) No 51-FZ ot 30.11.1994.
11. Rozhkova M.A. Tsifrovyye aktivy i virtual'noye imushchestvo: kak sootnositsya virtual'noye s tsifrovym Zakon. ru. — URL: <https://zakon.ru/blog/>
12. Richard A. Bartle Pitfalls of virtual property // The Themis Group white paper. 2004. — URL: <http://www.mud.co.uk/richard/povp.pdf>
13. Marks K. Kapital. T. 1. Gl. 5. Protsess truda i protsess uvelicheniya stoimosti.
14. Lee Shen. Who owns the virtual items? // *Duke law & technology review*. 2010. No 11.
15. Tekst litsenzionnogo soglasheniya k igre Lineage II // ofitsial'nyy sayt igry Linage II. — URL: <https://ru.4game.com/legal/lineage2/3/>
16. Postanovleniye Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF «O svobode dogovora i yeye predelakh» No 16 ot 14 marta 2014.
17. Ofitsial'nyy veb sayt FunPay — birzha igrovyykh tsennostey. — URL: <https://funpay.ru>
18. Ofitsial'nyy veb sayt Loot4Pay. — URL: <https://loot4pay.com/ru/>
19. Ofitsial'nyy veb sayt Izl. — URL: <https://loot4pay.com/ru/>
20. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF «O sudebnom reshenii» No 23 ot 19 dekabrya 2003.
21. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF «O primenenii Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii pri rassmotrenii del v arbitrazhnom sude kassatsionnoy instantsii» No 13 ot 30 iyunya 2020.
22. Postanovleniye Prezidiuma Moskovskogo gorodskogo suda No 44g-259/2018 ot 18 sentyabrya 2018. — URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/presidium-civil/details/200b-b45e-447f-4b9c-81b5-c647b725b3ca?caseNumber=44%D0%B3-259/2018>
23. Apellyatsionnoye opredeleniye Leninskogo rayonnogo suda g. Kemerovo No 11-59/2013 ot 26 aprelya 2013. — URL: https://leninsky-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33695891&delo_id=5&new=5&text_number=1
24. Bragg v. LindeN Research, Inc., U.S. District Court. May, 2007.
25. Candidus D. Bragg v. Linden: Virtual Property Rights Litigation // *E-Commerce Law & Policy*. 2007. Vol. 9, No 7.

ПРОСТЫЕ СЛОЖНОСТИ: СТАТУС ВИДЕОИГРЫ

И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

SIMPLE COMPLEXITIES: THE STATUS OF A VIDEO GAME

AND THE FEATURES OF ITS LEGAL PROTECTION

Екатерина Олеговна ЛЕМЯЦКИХ

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
ekaterinalemyatskih@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2448-3142>

Информация об авторе

Е.О. Лемяцких — студентка 4-го курса бакалавриата

Аннотация. В последние годы индустрия развлечений, а именно видеоигр, набирает все большую популярность. Эта сфера уже успела завоевать сердца миллионов людей и как следствие интерес крупных инвесторов. Это подтверждают недавние события — покупка компанией Microsoft игрового гиганта Activision Blizzard, что является крупнейшей сделкой в мире видеоигр. Данный факт показывает перспективность этого направления, а также необходимость правовой защиты всех аспектов создания видеоигры, в том числе и интеллектуальной собственности, определенно являющейся ядром видеоигр.

В этой статье рассмотрен ряд проблем, касающихся исключительных прав на видеоигру:

- определение видеоигры как объекта права и подходы к этому вопросу в различных юрисдикциях;
- составные элементы видеоигр и границы охраны этого объекта авторским правом;
- особенности регулирования товарных знаков в составе видеоигры;
- кого можно считать автором видеоигры.

Ключевые слова: видеоигра, сложный объект, авторское право, товарные знаки в видеоигре

Для цитирования: Лемяцких Е.О. Простые сложности: статус видеоигры и особенности ее правовой охраны // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 41, № 2. С. 80–89; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14450>

•
•
•

• **Ekaterina O. LEMYATSKIH**

• Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
• ekaterinalemyatskih@yandex.ru,
• <https://orcid.org/0000-0003-2448-3142>

Information about the author

• E.O. Lemyatskih — fourth year undergraduate student

• **Abstract.** In recent years, the entertainment industry, namely video games, is gaining more and more popularity. This area has already managed to win the hearts of millions of people, and, as a result, the interest of large investors. This is confirmed by recent events — the purchase by Microsoft of the gaming giant Activision Blizzard, which is the largest deal in the world of video games. This fact shows the promise of this direction, as well as the need for legal protection of all aspects of creating a video game, including intellectual property, which is definitely the core of video games.

• Let us single out a number of problems related to the exclusive rights to a video game, which will be discussed in this article:

- definition of a video game as an object of law and approaches to this issue in various jurisdictions;
- the constituent elements of video games and the limits of protection of this object by copyright;
- features of trademark regulation as part of a video game;
- who can be considered the author of the video game.

• **Keywords:** video game, complex object, copyright, video game trademarks

• **For citation:** Lemyatskih E.O. Simple Complexities: The Status of a Video Game and the Features of Its Legal Protection // Trudy po Intellektualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 41(2). P. 80–89; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14450>

•

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВИДЕОИГР КАК ОБЪЕКТА ПРАВА

Согласно правовому анализу, проведенному в исследовании, опубликованном WIPO, за рубежом существует три основных подхода к определению правового режима компьютерных игр. В таких странах, как Аргентина, Канада, Китай, Израиль, Италия, Сингапур и Испания, придерживаются мнения, что видеоигра представляет собой программу для ЭВМ. Второй подход, который доминирует в Бельгии, Бразилии, Дании, Египте, Франции, Германии, Индии, Японии, Южной Африке, Швеции и США, состоит в понимании видеоигры как сложного объекта, в связи с чем ее элементы подлежат самостоятельной охране, зависящей от специфики этого элемента. Третий подход характерен для небольшого числа стран, а именно Республики Корея и Кении, где придерживаются позиции о необходимости регулирования игр как аудиовизуальных произведений [1] (это не означает отсутствия охраны программного обеспечения видеоигры, но аудиовизуальные элементы в этих юрисдикциях имеют преобладающее значение). В Европейском союзе действует Директива 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе» [2], в рамках которой видеоигра, хотя и представляет собой сложный объект, охраняется авторским правом как единое целое (*Nintendo v. PC Box*. Case C-355/12). Однако этот подход находит отражение не во всех национальных законодательствах стран ЕС и является лишь одним из вариантов правового статуса рассматриваемого нами объекта.

В России такой объект исключительных прав, как видеоигра, законодательно не закреплён.

Рассмотрим, что из себя представляет каждая из концепций и каким образом они могут быть выражены в российской доктрине и практике.

1. Видеоигра — это программа для ЭВМ (программное обеспечение) по смыслу ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

В российской практике (Постановление ФАС Московского округа от 30 мая 2011 г. № КГ-А41/4600-11 по делу № А41-36671/10; Апелляционное определе-

ние Московского городского суда от 26 июня 2015 г. по делу № 33-15908/2015; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2011 г. по делу № А41-36671/10), как и в практике большинства стран, до недавнего времени превалировал подход, определяющий видеоигру лишь как программное обеспечение. Эта концепция оправдывала себя во время зарождения игровой индустрии, но на сегодняшний день, по мнению автора, не соответствует уровню развития видеоигр.

Во-первых, современные игры — это нечто большее, чем просто индустрия развлечений. Создатели видеоигр часто выражают через свои творения различные социальные идеи и ценности, их убедительные рассказы и реалистичные фотоизображения формируют то, как мы общаемся и учимся [3, с. 9]. Не говоря уже о том, что в создании видеоигр помимо программистов задействовано множество иных лиц: композиторов, художников, сценаристов и т.д. Понимание созданных ими произведений через «порождаемые программой ЭВМ аудиовизуальные изображения», согласно ст. 1261 ГК РФ, объективно сужает их вклад в создание объекта и лишает их права признаваться соавторами, а произведение — должного уровня защиты.

Во-вторых, программное обеспечение, или «игровой движок» (*game engines*), в современных играх не всегда оригинальны. Так, в 1980-1990-е годы компании, занимающиеся созданием видеоигр, разрабатывали «игровые движки» самостоятельно, так как на тот момент у них не было сторонних инструментов, которыми они могли бы воспользоваться. Сегодня лишь небольшая часть компаний может позволить себе разрабатывать «игровые движки» самостоятельно с нуля [1, с. 11]. Большинство компаний в целях экономии времени и ресурсов используют созданные другими разработчиками «игровые движки» на платной или бесплатной основе — «промежуточное программное обеспечение» (например, *Battlefield* и *Need for Speed: the Run* — ПО *Frostbite*), на которое может быть наложена небольшая часть кода, созданная специально для данного проекта. Такие игры будут иметь общий движок, и их определенные функции (неважно, насколько большую часть игры они будут занимать) будут реализованы в каждой из игр одина-

ково, тем самым выводя эти функции за рамки охраны авторского права. При этом отличительные элементы игры будут создаваться за счет настройки кода и использования оригинальных аудиовизуальных компонентов. Крупные компании, однако, могут обойти подобный пробел в защите, разработав собственный «игровой движок», который будет уникален и будет иметь возможность охраны.

2. Видеоигра — это аудиовизуальное произведение, регулируемое ст. 1263 ГК РФ.

Данный подход противоположен предыдущему, при нем убирается из составляющей видеоигр программное обеспечение. Во-первых, этот подход умаляет охрану одного из обязательных элементов любой видеоигры, однако может дать более простой ответ на вопрос об авторстве произведения, так как, согласно п. 2 ст. 1263 ГК РФ, авторами аудиовизуального произведения являются режиссер-постановщик, автор сценария и композитор. Некоторые ученые предлагают закрепить похожий перечень авторов и для видеоигры. Но к ним могут быть отнесены также, например, организаторы разработки видеоигры, авторы программного кода, сценаристы, художники и композиторы [4, с. 5]. Безусловно, список соавторов аудиовизуального произведения серьезно отличается от лиц, участвующих в разработке видеоигр [5, с. 26]. Перечень таких участников должен быть значительно шире по сравнению с аудиовизуальным объектом, так как видеоигра более многогранна. При этом не все из названных лиц обязательно должны обладать авторскими правами на произведение — это должно зависеть от их вклада в произведение и от конкретного случая.

Во-вторых, по определению аудиовизуальное произведение «предназначено для зрительного и слухового восприятия», в то время как отличительной чертой видеоигр является обязательное взаимодействие игрока с продуктом т.е. интерактивность [6, с. 236], чего явно лишено любое аудиовизуальное произведение, предполагающее пассивное участие зрителя.

3. Видеоигра — это составное произведение, в частности база данных по смыслу ст. 1334 ГК РФ.

Данный подход может быть использован в зависимости от способа защиты, охраняя подборку внутриигровых элементов, однако, как и предыдущие подходы, он не отражает сущности исследуемого объекта во всей его сложности.

4. Видеоигра — особый вид сложного объекта, регулируемого ст. 1240 ГК РФ.

Данная концепция правового статуса видеоигры говорит о том, что игра как объект включает в себя права на множество отдельных самостоятельных элементов. Сторонниками этой концепции являются А.С. Котенко (относит видеоигру к мультимедийным

продуктам, указанным в ст. 1240 ГК РФ) и А.И. Савельев (считает видеоигру самостоятельным сложным объектом) [7]. К этому подходу как к наиболее эффективному приходят и авторы правового исследования «Правовой статус видеоигр: сравнительный анализ национальных подходов», говоря о том, что отдельные элементы видеоигры, такие как литературные произведения (диалоги), графика, звук, персонажи, программное обеспечение, заслуживают независимой правовой защиты. Эти объекты отличают одну игру от другой в равной степени с программным обеспечением (далее — ПО). При этом существуют более простые игры (например, карточные игры или «стрелялки» по пузырям), которые не обладают запоминающимися уникальными аудиовизуальными элементами, и защиты авторских прав на них можно добиваться через ПО.

Данный подход отражает двойственную правовую природу видеоигры. На взгляд автора, действительно, ни ПО, ни аудиовизуальные и иные объекты авторского права не могут иметь преимущества и должны оцениваться в совокупности в зависимости от сложности конкретной видеоигры. К пониманию видеоигры как сложного объекта приходит и наиболее поздняя российская практика (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 ноября 2020 г. № С01-1162/2020 по делу № А32-56176/2019; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 сентября 2020 г. № 17АП-8930/2020 по делу № А71-4683/2020; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 апреля 2019 г. № 18АП-2645/2019 по делу № А76-16733/2018), отходя от классификации видеоигры как объекта ЭВМ, однако аргументация в пользу того или иного подхода пока отсутствует.

Таким образом, при определении видеоигры как сложного объекта будут учтены интересы как разработчиков и организаторов, так и иных участников, творческим трудом которых был создан объект. По мнению автора, этот объект в целом не нуждается в законодательном закреплении, так как состоит из существующих объектов.

Определение нарушений исключительных прав на видеоигру различается в зависимости от правопорядка отдельной страны, как и подходы к определению правовой сущности видеоигры. Рассмотрим опыт иностранных законодательств в определении возможных механизмов доказывания нарушения.

ГРАНИЦЫ НАРУШЕНИЯ ПРАВ НА ВИДЕОИГРУ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

На международном уровне видеоигра как объект авторского права может охватываться ст. 2 Бернской конвенции об охране литературных и художествен-

ных произведений (Парижский акт, ВОИС, 24 июля 1971 г.) при широком определении понятия «литературное и художественное произведение».

В этой статье игра (произведение) рассматривается как отдельный объект, но не определяются границы защиты — чему конкретно она будет предоставлена, а что будет вынесено за рамки. И хотя ст. 2 Бернской конвенции обеспечивает основу для правомочия на

охрану видеоигр авторским правом, игра является скорее комплексным, сложным объектом авторского права и состоит из нескольких элементов, охраняемых авторским правом. От национального понимания видеоигры как объекта права зависит и специфика защиты ее как целостного объекта либо защиты отдельных частей. Ученые выделяют следующие охраняемые элементы видеоигры [8, с. 277]:

Компьютерный код (исходный код и объектный код)	Видеоэлементы	Аудиоэлементы
Основной «игровой движок» или «движки» Дополнительный код Плагины (сторонние программы) Комментарии	Фотоизображения (Giff, Tiff, Jpeg) Цифровые движущиеся изображения (Mpeg) Анимация Текст	Музыкальные композиции Звукозаписи Голос Импортированные звуковые эффекты

Объекты, охраняемые авторским правом (нерегистрируемые)	Объекты, охраняемые патентным правом либо как товарные знаки (регистрируемые объекты)
Программный код Графика Персонажи Текст (сценарий) Музыка Сюжет Хореография, пантомима Карты, архитектурные работы База данных (расположение элементов между собой) Геймплей	Товарные знаки (элементы игры, персонажи, игровые объекты) Изобретения Промышленные образцы Программы для ЭВМ*

Особенностью исследуемого объекта является постоянное развитие, поэтому можно выделить иную классификацию с дополнительными элементами (см. таблицу выше).

Не все указанные элементы охраняются в каждой из юрисдикций, некоторые элементы не подлежат защите (например, компоненты ПО, перешедшие в общественное достояние). Более того, в зависимости от конкретного вида видеоигры компоненты одной категории могут превалировать над компонентами иной категории (например, использование существующего «игрового движка», а не создание своего, но оригинальные аудиовизуальные компоненты). На основе этого следует строить правовую защиту конкретной игры при предполагаемом нарушении.

Для правового сравнительного исследования обратимся к опыту иных стран в защите права на видеоигры, а именно к опыту США как страны, в которой индустрия видеоигр наиболее развита.

Границы добросовестного использования различных элементов видеоигры могут быть урегулированы

Законом США об авторском праве (US Copyright Act of 1976). Данный закон содержит тест определения добросовестного использования (fair use), включающий в себя четыре элемента:

- 1) цель и характер использования, в том числе оценку, имеет ли такое использование коммерческий характер или осуществляется для некоммерческих образовательных целей;
- 2) характер работы;
- 3) объем и существенность заимствования в отношении охраняемой работы в целом;
- 4) воздействие, которое такое использование оказывает на потенциальный рынок или ценность охраняемого произведения.

Так, в деле *Solid Oak Sketches, LLC v. 2K Games, Inc* No 16-CV-724-LTS-SDA, 2020 U.S. Dist. LEXIS 53287 (S.D.N.Y. Mar. 26, 2020) Окружной суд США пришел к выводу о том, что использование татуировок на игроках в игре — симуляторе баскетбола NBA, частично повторяющих татуировки реальных игроков, является добросовестным использованием и не нару-

шает авторских прав Solid Oak, которые приобрели права у художников-татуировщиков на изображения. Суд использовал четырехуровневый тест, установив, что целью использования тату было придать игрокам большую узнаваемость, а сами татуировки были уменьшены и в процессе игры чаще всего были видны нечетко. Характер работы обусловлен тем, что дизайн татуировок был ранее опубликован, и предполагается, что художники разрешили использовать их игрокам как «часть образа». Третий элемент — татуировки были скопированы полностью, но это соотносится с целью копирования. Четвертый элемент — использование татуировок не влияет на ценность объекта.

В данном случае спор касается не видеоигры целиком, а лишь ее элемента. Однако более принципиальным является вопрос нарушения прав на видеоигру как целостный объект: является ли игра «клоном» другой игры. Этот вопрос принципиален, потому что игровая механика и правила игры не защищаются авторским правом в большинстве юрисдикций. Для решения этой проблемы прибегают к существующим в авторском праве доктринам, которые используются на практике для определения границ охраны, а также многочисленным тестам, о которых будет рассказано далее.

Границы охраны прав на видеоигру определяются через перечисленные ниже теоретические концепции, которые стремятся предотвратить монополизацию «идеи» в авторском праве, однако зачастую становятся препятствием в защите исследуемого объекта.

Дихотомия идеи и выражения — правовая доктрина США, ограничивающая сферу защиты авторским правом путем отделения понятия идеи от выражения произведения [Baker v. Selden, 101 U.S. 99 (1879)], то есть охрана авторским правом предоставляется именно выражению идеи, а не идее самой по себе.

В российском праве в п. 3 и п. 5 ст. 1259 ГК РФ также закреплены защита объективной формы произведения и указание на отсутствие правовой защиты идей, концепций, принципов, методов, процессов, систем, способов, решений технических, организационных или иных задач, открытий, фактов, языков программирования, геологической информации о недрах. Отчасти это связано с тем, что объекты, перечисленные в комментируемом пункте, представляют собой содержание, а не форму произведения. Наиболее подходящим примером, коррелирующим с положениями указанной статьи и относящимся к видеоиграм и их неохраняемым элементам, будут идеи, концепции, принципы, методы и процессы [9, с. 108].

Предыдущая доктрина тесно связана с иной — *scène à faire*, которая говорит о том, что даже выра-

жение идеи порой не охраняется авторским правом в связи с тем, что общая обстановка произведения вызывает необходимость использования определенных мотивов (CCM Cable, 97 F. 3d at 1522 No 25). Это происходит, когда выраженные элементы произведения являются обычными, общими для этого типа произведения и служат частью идеи. Например, правила и элементы игры (игра в гольф всегда будет включать в себя лунки, мячи для гольфа, клюшки, игроков, траву, деревья и воду [3, с. 10]) или персонажи (для произведения о вампирах ожидаемо, что вампир будет пить кровь, а убить его можно с помощью серебряной пули и оружия из осины).

Доктрина слияния (Merger doctrine), согласно которой форма произведения не может охраняться, если задумка и ее выражение связаны настолько, что существует только один способ ее выражения. Доктрина может быть применена, например, к пользовательскому интерфейсу компьютера: сходство между значками допустимо, если только очень малое количество значков будет распознаваться пользователями (например, изображение листа для обозначения документа). Это же можно отнести и к интерфейсу видеоигры.

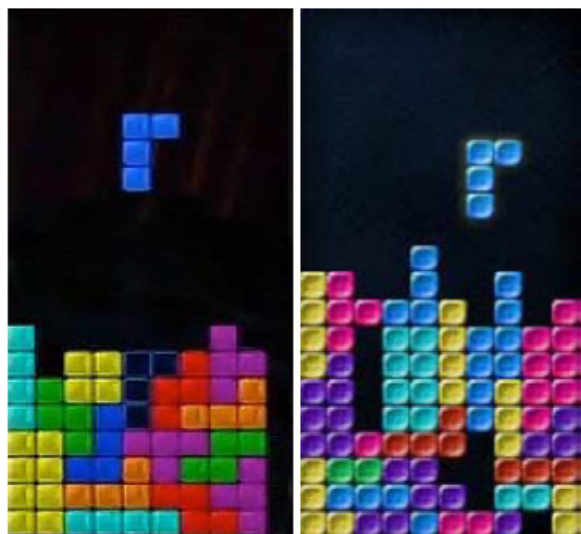
Однако в 1994 г. британский судья в деле Ibcos Computers против Barclays Mercantile Finance поставил под сомнение доктрину слияния, его не устроила мысль, что, «если есть только один способ выразить идею, этот способ не является предметом авторского права».

Практика разрешения споров, касающихся видеоигр, наглядно показывает развитие и усиление правовой охраны этого объекта интеллектуальной собственности. В деле Atari против Amusement World 1981 [Atari vs. Amusement World Inc., 547 F. Supp. 222 (D. Md., 27 ноября 1981 г.)] суд впервые применил упомянутые выше доктрины к такому объекту, как видеоигра. Суд установил, что «существенного сходства не было», а большинство сходных элементов было необходимо при желании разработать игру с базовой незащищенной идеей сбивать астероиды с помощью космического корабля. То есть суд признал их необходимыми для жанра этих видеоигр. Это решение открыло путь к созданию клонов известных успешных видеоигр.

Так, в деле Data East USA, Inc. против Epyx, Inc. [Data East USA, Inc. v. Epyx, Inc. 862 F.2d 204, 9 U.S.P.Q.2d (BNA) 1322 (9th Cir. 1988)] суд апелляции пришел к аналогичному выводу ввиду отсутствия внешнего сходства охраняемых элементов видеоигр и наличия сходства лишь неохраняемых элементов. Также в деле 4 Fore! Incredible Technologies v. Virtual Technologies 2005 апелляционный суд решил, что твор-

ческие элементы рассматриваемой видеоигры носили функциональный характер, а остальные аспекты были стандартными для данной темы игры (гольф).

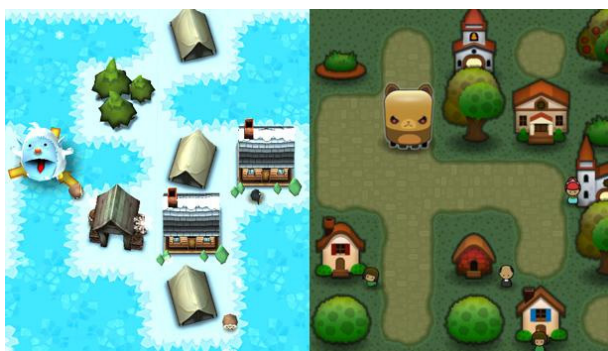
2012 г. стал переломным в спорах о клонах видеоигр. В деле Tetris Holding, LLC против Xio Interactive, Inc. суд постановил, что истец имеет право на защиту авторских прав в отношении выражения правил игры или игрового процесса, а также в отношении того, как именно он выражает свою идею. Это дело показало, что функциональные и неохранные аспекты игры, каждый из которых не защищен сам по себе, в сочетании с творческим подходом к выбору этих аспектов и расположению функций могут привести к тому, что объект будет охраняться авторским правом [10, с. 92]. В этом деле суд отверг аргумент, основанный на доктрине слияния, указав на то, что детали художественного стиля, использованного в Tetris, а именно блоки, «не являются частью идей, правил или функций игры, а также не являются существенными или неотделимыми от идей, правил или функций игры», то есть у ответчика не было необходимости копировать дизайн Tetris. Судья в своем решении распространил правовую охрану на достаточно простые элементы игры: размер игрового поля; отображения «мусорных» блоков, которые появляются на поле в начале игры; появление «призрачных» блоков, которые показывают, куда и как именно опустится блок; изменение цвета падающего блока при присоединении к остальным блокам; появление блоков, заполняющих поле по окончании игры.

Это решение ознаменовало предоставление более широкой охраны видеоиграм, однако, возможно, популярность игры Tetris сыграла решающую роль в предоставлении такой широкой защиты, и подобная защита не была бы предоставлена менее популярной видеоигре.

Интерес также представляет и то, что суд применил в деле тест «Абстракция — Фильтрация — Сравнение» (AFC), который обычно используется для выявления сходства компьютерных программ. Первым этапом данного теста является абстракция: вычленение «формы» из объекта — отделение неохранных авторским правом «идей». Вторым этапом — фильтрация, на нем из объектов убираются части, по тем или иным причинам не охраняемые авторским правом (например, на основе рассматриваемых нами доктрин). На третьем этапе происходит сравнение оставшихся элементов между собой для определения уровня копирования. На взгляд автора, этот тест выглядит довольно эффективным и прозрачным для сравнения таких сложных объектов, как видеоигра.

Дело, в котором истцу удалось доказать, что ответчик копировал уникальное выражение идеи, Spry Fox, LLC против Lolapps, Inc 2012 [Spry Fox, LLC v. Lolapps, Inc., No 2:12-cv-00147 (W.D. Wash., 2012)], показало возможность защиты игрового процесса даже при отсутствии значительного внешнего сходства.

Суд выделил охраняемые авторским правом элементы и комбинации элементов, а именно: присутствие «существа», мешающего игроку продвигаться в игре («йети» и медведь), иерархию объектов (переход от травы к кусту, следом к дереву и хижине подобен переходу от саженьца к дереву затем от палатки к хижине), обстановку (снежное поле и луг). Ответчик в данном деле напрямую не копировал ни один элемент, но судья все же определил близость в сюжете, теме, диалогах, настроении, сеттинге (обстановке), темпе, иерархии объектов и персонажей, выделив тем самым сходство в двух видеоиграх, достаточное для признания нарушения авторского права. Однако представляется, что это иная крайность правового подхода в защите видеоигр, так как, например, обстановка, настроение и персонажи относятся скорее к идее, чем к выражению.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. В таких объектах, как видеоигра, не всегда можно однозначно отделить «идею» от «выражения», но

это не должно означать отсутствия защиты данного объекта авторским правом.

2. Заимствование определенных элементов видеоигры, даже если это заимствование является неполным, может привести к выводу о нарушении исключительных прав на видеоигру как объект в целом. Сходства различных элементов рассматриваются в совокупности, а не по отдельности, так как видеоигра в США признается целостным сложным объектом.

3. При решении вопроса о создании игры-клона в первую очередь необходимо ориентироваться на элементы, охраняемые авторским правом, обращаясь в том числе к опыту отделения охраняемых и неохранных элементов в иных правопорядках.

Стоит с осторожностью относиться к чрезмерной защите, отделяя идеи от их выражения. Российская практика знакома с отделением переработки, по смыслу ст. 1270 ГК РФ, от заимствования общих неохранных идей — параллельного творчества (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.04.2017 № С01-162/2017 по делу № А40-137876/2015) в отношении традиционных объектов авторского права. Однако в сложном объекте, а именно видеоигре, провести такое разделение намного сложнее.

ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ В ВИДЕОИГРАХ

В данной теме можно выделить два аспекта, связанных с использованием товарных знаков в видеоиграх.

1. Использование товарных знаков для кумулятивной правовой охраны объекта: как произведение и как товарный знак.

В предыдущей части работы мы убедились, что защита исследуемого объекта только авторским правом не всегда надежна. Чтобы упростить процесс доказывания нарушения, разработчики видеоигр могут зарегистрировать определенные элементы созданной игры в качестве товарных знаков. Это может быть:

- наименование игры (товарные знаки: **WORLD OF WARCRAFT** по свидетельству № 384240;

по свидетельству № 432813;

THE ELDER SCROLLS по свидетельству № 394858 и т.д.);

- персонаж видеоигры или его имя (товарный знак

по свидетельству № 146248);

- наименование или вид внутриигровых объектов, игровой расы, окружающей обстановки (товарные знаки: **WARCRAFT** по свидетельству № 265841, **MINECOIN** по свидетельству № 6668848);

- любые иные обозначения, ассоциирующиеся

с игрой (по свидетельству № 395564).

Видеоигру и ее элементы не всегда просто защитить, поэтому создатели прибегают к регистрации в качестве товарных знаков неожиданных объектов. Так, в качестве европейского товарного знака № 017282203 в EUIPO был зарегистрирован геймплей, представляющий собой 25-секундный видеоклип, изображающий механику показа того, как видит происходящее игрок, убивший противника. Это интересная перспектива, так как известно, что игровую механику сложно защитить иными средствами. Товарный знак, который охватывает видео важной игровой механики, может стать мощным инструментом в арсенале интеллектуальной собственности любого разработчика или издателя [11]. Однако заявленные товарные знаки все еще должны выполнять функции индивидуализации, поэтому широко используемой игровой механике, ассоциирующейся с несколькими разработчиками, не может быть предоставлена правовая охрана в качестве товарного знака.

Регистрация элемента видеоигры может сыграть решающую роль при пробелах в защите авторским правом. Данная стратегия отлично работает при описываемых выше случаях создания игр-клонов, так как зачастую такие игры не полностью идентичны, а меняют отдельные детали. Так как в защите товарных знаков действует принцип «сходства до степени смешения», разработчики смогут проще защитить свое творение даже при частичном копировании.

2. Внедрение в видеоигру чужого товарного знака (правомерное и неправомерное).

Не секрет, что видеоигры становятся все более реалистичными и разработчики добавляют в них элементы реального мира, часто являющиеся изображением продукции существующих брендов, которым не всегда нравится такое использование. Также, чтобы придумать для игроков более захватывающий сюжет, создатели часто строят его на исторических событиях, при этом изображая реальное оружие, технику, самолеты, форму, оборудование и иные объекты [12, с. 10], которые также могут быть защищены товарными знаками.

Сравним границы правомерного и неправомерного использования чужого товарного знака на основе российского и американского опыта. Так, в США в деле AM General LLC vs. Activision Blizzard, Inc. было вынесено решение в пользу ответчика, в котором говорится о том, что автомобили Humvee, защищенные в качестве товарного знака, могут быть использованы в игре как объекте творческой деятельности без согласия правообладателя. Представители Activision

ссылались на необходимость реалистично воссоздать военную обстановку. В данном деле суд применил тест Роджерса [Rogers v. Grimaldi, 695 F. Supp. 112 (S.D.N.Y. 1988)], согласно которому между правами на товарный знак и свободой слова и печати приоритет обычно не отдается правам на товарный знак. Суд заявил, что «если реализм является художественной целью, то присутствие в современных военных играх транспортных средств, используемых реальными военными, несомненно, способствует достижению указанной цели». К аналогичному решению суд пришел в деле *5 Party like a rock star: E.S.S. v. Rock Star Videos*.

В России может быть использован схожий, но не идентичный подход, так как в соответствии с практикой товарные знаки могут свободно использоваться в информационных, научных, учебных и культурных целях, творческой деятельности [13, с. 46] в связи с тем, что такое «использование» товарного знака в объектах авторского права не будет являться использованием по смыслу ст. 1484 ГК РФ. Подобного мнения придерживается В.О. Калятин, отмечая, что никогда использование товарного знака в художественном произведении, в том числе в фильме, не будет являться его использованием в смысле законодательства об интеллектуальной собственности [14, с. 12]. Что касается фильмов, на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам К.В. Всевожский предложил разграничивать «использование товарного знака» и «использование товара». На наш взгляд, так как фильм и видеоигра схожи в своих правовых режимах и являются сложными объектами, мы можем применять к ним сходные подходы. Существует практика, которая говорит о том, что, поскольку обозначения используются в некоммерческих целях и не предназначены для индивидуализации однородных товаров, нарушение исключительных прав отсутствует [15, с. 514]. То есть охрана товарных знаков ограничивается введением потребителя в заблуждение в отношении источника происхождения товара, а использование обозначения в видеоиграх с очевидностью не может создать подобную путаницу.

За неимением обширной практики, связанной с видеоиграми, приведем практику использования товарных знаков в фильмах. Так, в деле № А40-64050/2019 об использовании товарного знака (водка «Столичная») в фильме («Взрывная блондинка») суд пришел к выводу об отсутствии нарушения по смыслу п. 3 ст. 1484 ГК РФ, поскольку стороны спора осуществляют разную деятельность, и соответственно действия ответчика не могут вызвать неправильное восприятие товарного знака в сознании потребителя. Более того, суд на основании предоставленных мате-

риалов сделал вывод о том, что «кадры с изображением товарного знака органично интегрированы в сюжет фильма, передавая характер и привычки главного героя, в связи с чем не содержат сведений рекламного характера», а также указал на то, что «само по себе упоминание товарного знака истца в произведении не является использованием товарного знака в гражданско-правовом смысле».

По схожему делу № А40-46200/2011 об использовании товарного знака таксопарка в фильме суд пришел к аналогичному выводу об отсутствии нарушения в связи с тем, что области деятельности истца и ответчика различны, также указав на то, что «ни один из указанных в ст. 1484 ГК РФ видов использования товарных знаков не может быть применим к использованию результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта». Можно сказать, что в данной практике использован функциональный подход, разработанный американским ученым Ф. Шехтером, который предлагает брать за основу понимание практического действия товарного знака в экономической реальности [16], его функцию. Также эта практика соотносится с позицией Верховного Суда Российской Федерации, так как в п. 157 Постановления № 10 сказано, что с учетом ст. 1477 и 1484 ГК РФ использованием товарного знака признается его использование для целей индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

Однако многие производители компьютерных игр все равно задаются вопросом об использовании чужих товарных знаков в своих произведениях. Так, в 2016 г. концерн «Калашников» выпускающий огнестрельное оружие, зарегистрировал товарный знак «АК-47» в отношении 9-го класса МКТУ. Существуют опасения, что, для того чтобы использовать в играх оружие с изображением товарного знака АО «Концерн «Калашников», производители должны будут приобрести лицензию, иначе, как в случае с музыкой в составе игр, возможны юридические споры [17]. На взгляд автора, подобные опасения беспочвенны, так как они не соотносятся с доктриной и существующей практикой, относящейся к использованию товарных знаков в сложных объектах. Начнем с того, что между содержательными границами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на товарные знаки есть существенная разница [13, с. 43]. Как было указано судом в приведенных выше решениях, подобное «внедрение» объекта, маркированного спорным товарным знаком, в произведение само по себе не является использованием товарного знака в гражданско-правовом смысле, в то время как включение музыки в произведение без разрешения правообладателя будет именно использованием. Дело

в том, что при таком «включении» в состав сложного объекта товарный знак не выполняет свою основную функцию индивидуализации товаров и услуг, а все еще индивидуализирует товары и услуги правообладателя. Поэтому даже использование реалистичного объекта, маркированного существующим товарным знаком (например, автомата «АК-47») в видеоигре не будет нарушением исключительного права даже при условии регистрации такого обозначения в отношении однородных товаров 9-го класса МКТУ, связанного с видеоиграми.

Таким образом, использование товарного знака, нанесенного на объект в видеоигре, не в целях индивидуализации товара или услуги ответчика не должно признаваться нарушением, так как не создает в сознании потребителя смешения касательно источника товара или услуги. Притом это не должно зависеть от классов, в отношении которых зарегистрирован данный товарный знак. Однако данный вывод должен касаться использования в контексте видеоигры товарного знака, не выполняющего функции индивидуализации товара или услуги создателя игры, то есть необходимо использовать функциональный подход.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ramos A. Lopez L., Rodriguez A., Meng T., Abrams S. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches // WIPO publication. 2013.
2. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society.
3. Jewell C. Video Games: 21st century art // WIPO Magazine. 2012. No 4;
4. Данилов И.С. Game over: серьезный вопрос о роли права в мире видеоигр // Предпринимательское право. 2021, № 1.
5. Ramos A., de la Haza Gil. Video Games: Computer Programs or Creative Works? // WIPO magazine. 2014. No 4.
6. Моргунова Е.А. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. М., 2012. С. 54; Бубнова К.М. Компьютерные игры. Проблемы авторско-правовой защиты // Авторское право. XXI век: сб. научных статей. М.: РАП, 2010.
7. Котенко Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. М.: Проспект, 2013; Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016.
8. Lipson A. S., Brain R.D. Computer and Video Game Law — Cases, Statutes, Forms, Problems & Materials. Carolina Academic Press, 2009.
9. Чувствинов И.В. Видеоигры и интеллектуальная собственность: особенности защиты прав при небуквальном копировании // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3(33).
10. Dannenberg R., Davenport J. Top 10 video game cases (US): how video game litigation in the US has evolved since the advent of Pong, // Interactive Entertainment Law Review Vol. 1. No 2.
11. Lobov K. How multimedia trade marks could kill cloned games, 02.2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gamesindustry.biz/articles/2018-02-19-multimedia-trademarks-kill-cloners> (дата обращения: 21.01.2022).
12. Piechówka A. When video games meet IP law // WIPO magazine. 2021. No 2. 13. Ворожевич А.С. Граница исключительных прав на товарные знаки. Значение репутации (гудвилл) товарных знаков // Интеллектуальная собственность. 2019. № 11.
14. Протокол № 22 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3(29).
15. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3.
16. Schechter F. The Rational Basis of the Trademark Protection // Harvard Law Review. 1927. Vol. 40. № 6.
17. Субъективный учебник по праву компьютерных игр. Реклама и product placement в играх. Январь 2021 [Электронный ресурс]. — URL: https://zakon.ru/blog/2021/01/07/subektivnyj_uchebnik_po_pravu_kompyuternyh_igr_reklama_i_product_placement_v_igrah (дата обращения: 20.01.2022).

REFERENCES

1. Ramos A., Lopez L., Rodriguez A., Meng T., Abrams S. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches // WIPO publication. 2013.
2. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society.
3. Jewell C. Video Games: 21st century art // WIPO Magazine. 2012. № 4.
4. Danilov I.S. Igra okonchena: ser'yeznyy vopros o rolikovykh pravakh v mire videoigr // Predprinimatel'skoye pravo. 2021. No 1.
5. Gil de la Haza A.R. Video Games: Computer Programs or Creative Works? // WIPO magazine. 2014. No 4.
6. Morgunova Ye.A. Zashchita prav na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii. M., 2012.

- S. 54; Bubnova K.M. Komp'yuternyye igry. Problemy avtorsko-pravovoy zashchity // Avtorskoye pravo. XXI vek: sbornik nauchnykh statey. M., 2010.
7. Kotenko Ye.S. Avtorskiye prava na poluchenny produkt: monografiya. M.: Prospekt, 2013; Savel'yev A.I. Elektronnyaya kommertsiya v Rossii i za rubezhom: pravovoye regulirovaniye. 2-ye izd. M.: Statut, 2016.
 8. Lipson A.S., Brain R.D. Computer and Video Game Law — Cases, Statutes, Forms, Problems & Materials. Carolina Academic Press, 2009.
 9. Chuvstvinov I.V. Videoigry i intellektual'naya sobstvennost': osobennosti zashchity prav pri nebukval'nom kopirovanii // Zhurnal Suda po intellektual'nomu pravu. 2021. No 3(33).
 10. Dannenberg R., Davenport J. Top 10 video game cases (US): how video game litigation in the US has evolved since the advent of Pong // Interactive Entertainment Law Review. Vol. 1. No 2.
 11. Lobov K. How multimedia trade marks could kill cloned games, 02.2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gamesindustry.biz/articles/2018-02-19-multimedia-trademarks-kill-cloners> (дата обращения: 21.01.2022).
 12. Piechówka A. When video games meet IP law // WIPO magazine. 2021. No 2.
 13. Vorozhevich A.S. Granitsa isklyuchitel'nykh prav na tovarnyye znaki. Znachenije reputatsii (gudvill) tovarnykh znakov // Intellektual'naya sobstvennost'. 2019. No 11.
 14. Protokol No 22 zasedaniya Nauchno-konsul'tativnogo soвета pri Sude po intellektual'nykh meram // Zhurnal Suda po intellektual'nykh meram. 2020. No 3(29).
 15. Ruzakova O.A., Grin' Ye.S. Voprosy zashchity intellektual'noy sobstvennosti v oblasti tekhnologiy yestestvennoy i dopolnennoy real'nosti (VR, AR) // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. 2020. No 3.
 16. Schechter F. The Rational Basis of the Trademark Protection // Harvard Law Review. 1927. Vol. 40. No 6.
 17. Sub'yektivnyy uchebnik po pravu komp'yuternykh igr. Reklama i produkt-pleysment v igrakh, yanvar' 2021 [Elektronnyy resurs]. — URL: https://zakon.ru/blog/2021/01/07/subektivnyi_uchebnik_po_pравu_kompyuternyh_igr_reklama_i_product_placement_v_igrah (дата обращения: 20.01.2022).

Научная статья

УДК 340.11

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14452>

Original article

АВТОНОМНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

AUTONOMY AS A CRITERION OF LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ITS APPLICATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL RIGHTS

Елена Олеговна ФЕДУРУК

Санкт-Петербургский государственный университет,
zakonfedoruk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7073-6556>

Информация об авторе

Е.О. Федорук — практикующий юрист, соискатель
СПбГУ

Аннотация. В статье рассматривается понятие автономности применительно к искусственному интеллекту (ИИ) в контексте нормативного регулирования и позиций исследователей, ссылающихся на автономность как неотъемлемую характеристику ИИ. Автономность, способность становиться автономным, возможность действовать автономно и так далее в различных вариациях — критерии, которыми авторы традиционно наделяют ИИ. Лишь некоторые исследователи не используют терминологические конструкции, связанные с автономностью/автономией применительно к определениям ИИ. При этом ряд исследователей, руководствуясь критерием автономности, делают выводы о необходимости наделения ИИ особым статусом, который, возможно, обусловит и юридическую ответственность ИИ. Вследствие развития указанных мнений наука не только не сформировала единое понимание автономности, но

- и с течением времени стала рассматривать ее как нечто
- само собой разумеющееся при описании ИИ.
- Автор статьи приводит собственную точку зрения по
- вопросу автономности и неспособности ИИ обладать
- правосубъектностью и выступать в качестве автора.
- Предлагается придерживаться более широкого понимания автономности, чтобы исключить очевидные терминологические ошибки, приводящие к наделению ИИ юридическими характеристиками, которые не могут быть
- ему присущи в силу отсутствия у него автономности как способности существовать без каких-либо источников
- энергии, созданных/дополненных человеком.
- Также понятие автономности рассмотрено применительно к критериям, которыми руководствовались
- в 2021 г. патентное ведомство ЮАР и суды Китая и Австралии при вынесении решений о наделении ИИ
- правами автора/изобретателя. Наиболее подробно мотивировку обосновал Федеральный суд Австралии,
- выступивший за более широкий взгляд на понятие «изобретатель» (решение отменено в 2022 г. судом апелляционной инстанции). К этому логично было бы добавить
- более широкий взгляд и на понятие «автономность», при применении которого вряд ли можно было столь смело
- утверждать, что именно ИИ без «дополнительного участия человека» способен стать автором или вообще
- существовать.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, правосубъектность, автономность

Для цитирования: Федорук Е.О. Автономность как критерий правосубъектности искусственного интеллекта и его применение в сфере интеллектуальных прав // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 41, № 2. С. 90–97; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14452>

Elena O. FEDORUK

St. Petersburg State University,
zakonfedoruk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7073-6556>

Information about the author

E.O. Fedoruk — practicing lawyer, St. Petersburg State University applicant

Abstract. The article examines the concept of autonomy in relation to artificial intelligence (AI) in the context of regulatory regulation and the positions of researchers referring to autonomy as an integral characteristic of AI. Autonomy, the ability to become autonomous, the ability to act autonomously, and so on are the criteria that the authors traditionally give to AI. Only some researchers do not use terminological constructions based autonomy in relation to AI definitions. At the same time a number of researchers, guided by the criterion of autonomy, draw conclusions about the need to endow AI with a special status, which, perhaps, will also determine the legal responsibility of AI. As a result, the science did not form a unified understanding of autonomy, and began to consider it as a matter of course when describing AI. But the inability of AI to have legal personality and act as an author is based exactly on the absence of the real autonomy.

The concept of autonomy is also considered in relation to the criteria that guided the Patent Office of South Africa and the courts of China and Australia in 2021 when making decisions on granting AI the rights of the author / inventor (*in Australia, the decision was overturned by the court of appeal in 2022*). The most detailed decision was justified by the Federal Court of Australia, used a broader view of the concept of “inventor”. To this it would be logical to add a broader view of the concept of “autonomy”, in the application of which it was hardly possible to assert that it was AI, without “additional human participation» that could become an author or even exist.

Keywords: artificial intelligence, copyright, legal personality, autonomy

- **For citation:** Fedoruk E.O. Autonomy as a Criterion of Legal
- Personality of Artificial Intelligence and Its Application in the
- Field of Intellectual Rights // Trudy po Intellectualnoy Sobst-
- vennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 41(2).
- P. 90–97;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14452>

В резолюции Европарламента P8_TA-PROV (2017) 0051 «Нормы гражданского права о робототехнике» искусственный интеллект (ИИ) определяется как «небиологическая автономная киберфизическая система, способная взаимодействовать с другими аналогичными системами, самообучаться, адаптировать свои решения, действия и поведение в соответствии условиями среды» [1]. В данной же резолюции предложены характеристики «умного робота»: способность становиться автономным, используя сенсоры и/или обмениваясь данными со своей средой (совместимость); способность обмениваться этими данными и анализировать их; способность самообучаться на основе приобретенного опыта и при взаимодействии (опциональный критерий); наличие по меньшей мере минимальной физической поддержки; способность адаптировать свои действия и поведение в соответствии с условиями среды; отсутствие жизни с биологической точки зрения (п. 1 Общих положений, касающиеся развития робототехники и искусственного интеллекта для гражданских нужд) [1]. Российские нормативные регламенты для развития искусственного интеллекта определяют автономность (в различных ее вариациях) в качестве приоритетного критерия и стратегически важного условия создания универсального «сильного» ИИ: фундаментальные научные исследования должны быть направлены на создание принципиально новых научных результатов, в том числе на создание универсального (сильного) искусственного интеллекта, и решение иных задач, предусмотренных настоящей Стратегией, включая реализацию следующих приоритетов: а) алгоритмическая имитация биологических систем принятия решений, в том числе распределенных коллективных систем, таких как пчелиный рой или муравейник; б) автономное самообучение и развитие адаптивности алгоритмов к новым задачам; в) автономная декомпозиция сложных задач, поиск и синтез решений (п. 30 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утв. Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019). При этом в п. 5 Национальной стратегии в качестве перспективных методов ИИ указаны в том числе методы, направленные на создание принципиально новой

научно-технической продукции, в том числе в целях разработки универсального (сильного) искусственного интеллекта (автономное решение различных задач, автоматический дизайн физических объектов, автоматическое машинное обучение, алгоритмы решения задач на основе данных с частичной разметкой и (или) незначительных объемов данных, обработка информации на основе новых типов вычислительных систем, интерпретируемая обработка данных и другие методы).

Автономность, способность становиться автономным, возможность действовать автономно и так далее в различных вариациях — критерии, которыми авторы традиционно наделяют ИИ. При этом сложно найти единство в том, что под понимают под автономностью и в каком контексте применять это понятие к ИИ, его системам, умным роботам и т.д. Так, Я.В. Гайворонская и О.И. Мирошниченко, основываясь в том числе на критерии автономности, актуализируют вопросы правосубъектности ИИ и акцентируют внимание на автономности как на одной из ключевых его характеристик: раньше «машины не были способны осуществлять автономную или полуавтономную деятельность», но «в последнее время появляются новые ключевые характеристики электронных лиц, основанных на ИИ», среди которых выделяют следующие: «автономность, самоорганизация, способность к обучению и самообучению, способность к “разумному” мышлению и поведению, эмоциональный интеллект и другие признаки потенциально возможного сильного ИИ» [2, с. 197].

А.В. Степанова пишет об «автономных решениях», которые роботы будут принимать «в обозримом будущем» [3, с. 63]. Эти суждения, с одной стороны, подчеркивают скорость развития ИИ, но с другой, ведут к признанию возможности наделяния ИИ правосубъектностью, в основу которой будет положена автономность.

В.А. Шестак и А.Г. Волеводз, рассуждая о перспективах «сложной внутренней работы и автономных возможностей алгоритмов машинного обучения», приходят к выводу, что «последние могут достигать результатов, которые люди не в состоянии объяснить» [4, с. 203].

С.М. Солайман использует критерий автономности (наряду с самосознанием и самоопределением) для сравнения юнита искусственного интеллекта и животного, подчеркивая, однако, что у животных и у роботов отсутствует такой критически важный элемент правосубъектности, как способность осуществлять права и обязанности [5, с. 176].

Рассуждая о возможности применении концепции коллективного субъекта права к электронному лицу, П.М. Морхат [6, с. 65] ссылается на правосубъектность, которая, с одной стороны, неизменно связана с автономией личности, но, с другой, не предоставляется исключительно человеку, законом она распространена и на нечеловеческие субъекты, такие как корпорации [7]. Если обращаться к законодательным инициативам, то Европарламент в подп. f п. 59 своей Резолюции от 16 февраля 2017 г. 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 высказывает рекомендацию «о наделении в перспективе роботов особым правовым статусом». «Таким образом, по меньшей мере наиболее продвинутые автономные роботы могут создаваться как электронные лица и нести ответственность за причиненный ими ущерб в тех случаях, когда они принимают решения автономно или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами» [1].

Ряд авторов используют критерий автономности применительно к вопросам ответственности ИИ. Так, Н.В. Крысанова наряду с пробелами в правовом регулировании связывает проблему возложения ответственности за негативные последствия ИИ с автономией и непрозрачностью ИИ-систем и это указывает в качестве одной из причин, по которым системы ИИ могут быть признаны лицами с точки зрения права [8, с. 25]. «Робот в плане своей автономности, обладания искусственным интеллектом и самообучаемости является уникальным объектом правоотношения, требующим специального подхода — подхода коллективной ответственности изготовителя, оператора, собственника и пользователя», — заключают исследователи из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ [9, с. 89].

Наконец, стоит отметить весьма определенный прогноз А.В. Поповой, С.С. Гороховой и Г.М. Азнагуловой о «трансформации фундаментальных основ правовой системы, которая, как уже прогнозируется в российской и зарубежной научной литературе, пополнится новыми субъектами права, автономными от людей, с собственными правами, обязанностями, ответственностью и потенциальной возможностью конкурировать с человечеством, совершать правонарушения и деликты». При этом в отношении людей авторы ссылаются на автономность применительно

к воле: «...принцип автономности воли должен обеспечить возможность для граждан принимать обоснованное, не принуждаемое решение об условиях взаимодействия с роботами» [10, с. 38, 41].

Некоторые авторы, напротив, не используют терминологические конструкции, связанные автономностью/автономией применительно к определениям ИИ. Так, И.В. Понкин и А.И. Редькина понимают под ИИ искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему (электронную, в том числе виртуальную, электронно-механическую, био-электронно-механическую или гибридную) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия [11, с. 95]. Тем не менее именно со способностью к саморазвитию и перспективами возникновения собственных потребностей и целей ученые связывают даже криминологические риски применения искусственного интеллекта [12, с. 136; 13, с. 771–773].

Это лишь ряд исследований и часть законодательного видения (российского и европейского), связанного с развитием ИИ, в частности с его автономностью. Последнее свойство упоминается в подавляющем большинстве характеристик (и даже определений) ИИ, причем указывается оно как само собой разумеющееся, подчеркивающее самостоятельность, «разумность» ИИ, ИСИ (искусственного сверхинтеллекта), «умных роботов», сильного интеллекта и т.д. Но все же стоит ли трактовать автономность как некое естественное и неотъемлемое свойство ИИ? В условиях усложнения, децентрализации, автономизации технологий искусственного интеллекта установить контроль человека над определенными результатами становится все труднее. Однако действительно ли автономность как свойство ИИ аналогична той, которой обладает человек, носитель естественного разума, самостоятельно существующий в условиях объективной реальности?

Если понимать автономность ИИ исключительно в рамках принимаемых им решений, то, сравнивая со свойствами человека, можно провести параллели разве что с биологическими процессами, связанными с мышлением. Автономная (вегетативная) нервная система человека — это комплекс центральных и периферических клеточных (нейронных) структур, регулирующих функциональный уровень организма, необходимый для адекватной реакции всех его систем. Если рассматривать автономность в философском плане, то ее определяют как характеристику высокоорганизованных, прежде всего живых и социальных, систем, означающую, что функционирование и по-

ведение таких систем определяется их внутренними основаниями и не зависит от воздействия внешнего окружения [14]. Психологи рассматривают это понятие с позиции личности: «Автономность в научной литературе приравнивают к свободе, самоуправлению, суверенитету, достоинству, целостности, независимости, ответственности, самоуверенности, критическому размышлению, свободе от обязательств» [15, с. 133]. Однако если еще больше расширить границы понимания автономности — в глубинном ее представлении, то очевидно, что это самостоятельное и независимое существование живого существа в природных условиях. Результаты пребывания в природе, в частности, человека зависят от его способности определенное время без посторонней помощи обеспечивать свои жизненные потребности в еде, воде, тепле, используя только имеющиеся запасы или дары природы. Человек со времен своего появления на Земле эволюционировал, приспосабливаясь к окружающему его миру и покоряя его. Собственно, и электричество, без которого не сможет существовать ни один, даже самый «сильный» ИИ, отнимает у него всякие проявления автономии (в широком плане). И даже если предположить возможность переработки естественных источников энергии в электрические импульсы, это тоже всего лишь следствие естественных процессов развития человека, но не робота; естественного, но не искусственного интеллекта.

Без оглядки на широкое понимание автономии именно как самостоятельного выживания в естественных природных условиях не имеет смысла говорить об автономных решениях и вообще о самостоятельности ИИ. Как телескоп, радиоприемник или самонаводящаяся ракета, ИИ — это лишь производное естественного разума человека, и заигрывать с понятием «автономности» по отношению к свойствам ИИ представляется не только неестественным, но даже вредным. Потому что именно такие выводы исследователей, подкрепленные рассуждениями об управлении со стороны ИИ и его очевидном воздействии на окружающий мир, порождают дальнейшие утверждения о необходимости правовой регламентации деятельности самого ИИ [16, с. 25], а не человека, его запрограммировавшего (в том числе на самообучение, «принятие» решений и условное воздействие на окружающий мир). Возникают теоретико-правовые конструкции юнитов, электронных лиц, даже дается гражданство человекоподобным роботам [17]. Но что будет, если просто отключить электропитание у ИИ? Смогут ли функционировать программные коды в софт-оборудовании ИИ? Имеем ли мы право столь легко манкировать понятиями автономности применительно к отдельным элементам ИИ, но за-

крывать глаза на его глубинное понимание? Да и если предположить возможность ответственности для носителей ИИ как квазисубъектов права, она будет заключаться исключительно в том, чтобы вынуть из микросхемы источник питания.

Если электричество на планете Земля «закончится», человек по-прежнему сможет встать с первыми лучами солнца и обеспечивать свою жизнедеятельность из естественных источников и воспроизведение — также без посторонних воздействий. Он сможет, как тысячи лет назад, использовать угольки, чтобы нарисовать рисунок на скале, или даже свои ладони (первый «музыкальный инструмент»), чтобы отбить ритм для сочиненной им мелодии. Применительно же к современным реалиям и в связи с развитием ИИ творческое начало при создании произведений все больше уходит на второй план. Гораздо больший интерес вызывают технические процессы при их генерации. При этом также становится трудно определяемым критерий новизны, поскольку при наделении ИИ авторскими правами сложно проанализировать, сгенерировал ли он произведение, скомпилировав загруженную в него информацию и применив заложенные разработчиками алгоритмы, либо на основе имеющихся знаний смог спроектировать действительно уникальный и новый продукт. Полагаю, о полной автономности и самостоятельности ИИ, как и об уникальности генерируемых им произведений, все-таки, речь вести рано.

Тем не менее при вынесении решений о наделении ИИ правами автора/изобретателя патентное ведомство ЮАР и суды Китая и Австралии применяли различные критерии, как связанные с качеством автономности ИИ, так и не связанные с ним. Критерии, положенные в основу при признании за ИИ авторства, подробно рассмотрены автором настоящей статьи в более ранней публикации [18]. Очевидно, что пальма первенства за наиболее революционное обоснование авторства ИИ на сегодняшний день принадлежит Федеральному суду Австралии, который довольно глубоко погрузился в процесс «создания» произведения системой ИИ: «При обучении искусственной нейронной сети все ее данные и пороговые значения изначально устанавливаются случайными. Обучающие данные подаются на входной слой и проходят через последующие слои, умножаясь и складываясь сложным образом, пока не поступают в преобразованном виде на выходной слой. Во время обучения данные и пороговые значения постоянно корректируются до тех пор, пока обучающие данные с одинаковыми метками не будут постоянно давать одинаковые результаты. DABUS можно описать как самоорганизующийся кумулятивный результат алгоритмов, совместно по-

рождающих сложность. DABUS генерирует новые шаблоны информации, а не просто связывает шаблоны. Кроме того, он способен адаптироваться к новым сценариям без дополнительного участия человека. Кроме того, программное обеспечение искусственного интеллекта самособирается. Таким образом, это не просто программа, созданная человеком, которая затем генерирует спектр возможных решений проблемы в сочетании с алгоритмом фильтрации для оптимизации результата. Кроме того, можно сказать, что DABUS в некотором смысле имитирует аспекты функционирования человеческого мозга. Не следует относиться к понятию «изобретатель» узко. Это будет препятствовать инновациям не только в области компьютерных наук, но и во всех других научных областях, которые могут извлекать выгоду из результатов системы искусственного интеллекта» [19]. К данному подходу суда, ратующего за более широкий взгляд на понятие «изобретатель», непременно хочется добавить также более широкий взгляд и на понятие «автономность», при применении которого вряд ли можно было столь смело утверждать, что именно ИИ без «дополнительного участия человека» способен «сделать» вообще хоть что-либо. 13 апреля 2022 г. апелляционная инстанция Федерального суда Австралии отменила первоначальное решение, указав, что патент выдается именно на результаты человеческого труда и идеи, возникшие в сознании одного или нескольких людей, а не машины и что действующее законодательство Австралии не допускает оформления патента на машину, которая не может иметь имени, адреса и правоспособности [20].

Несмотря на популярность бытующих в научном мире концепций относительно самостоятельности ИИ, его автономности и как следствие наличия у него правосубъектности и не оглядываясь на уже ставшие знаковыми в международной правоприменительной практике решения, признавшие авторство за ИИ, хочется призвать исследователей к более глубокому и, возможно, глобальному пониманию автономности. ИИ не может существовать автономно, без технологий, разработанных и внедренных человеком. Даже если рассматривать ИИ как некую «умную» надстройку над технологическими решениями (как, скажем, венец технологического совершенства), не будь у него рукотворного энергетического потенциала, он не смог бы обеспечить себя и минимальным питанием. Тогда как можно говорить о его автономии? Простота этой концепции настолько очевидна, что удивительно, почему ее не принимают во внимание. Или, быть может, кому-то удобно закрыть глаза на столь банальные вещи? Будем надеяться, ответ найдется, причем в очень скором времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. URL: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies
2. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Гордиев узел противоречий: технология, этика и право в вопросе о правосубъектности искусственного интеллекта // Образование и право. 2020. № 9. С. 196–203.
3. Степанова А.В. Проблематика правосубъектности искусственного интеллекта // Символ науки. 2020. № 2(12). С. 62–67.
4. Шестаков В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 197–206.
5. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. No 2. P. 155–179.
6. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73.
7. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics // Nishith Desai Associates, May, 2018. — URL: http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf
8. Крысанова Н.В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 23–31.
9. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021. 240 с.
10. Попова А.В., Горохова С.С., Азнагулова Г.М. Теоретико-правовые подходы к определению системы принципов законодательного регулирования искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3(57). С. 37–43.
11. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
12. Radutniy O. E. Criminal liability of the artificial intelligence // Проблемы законности. 2017. Вип. 138. С. 132–141.
13. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 767–775.
14. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7811/АВТОНОМНОСТЬ
15. Ежевская Т.И. Автономность как личностный ресурс информационно-психологической безопасности //

- Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета имени Н.Г. Чернышевского. 2011. № 5(40). С. 132–136.
16. Берггольц В.В. Правовой статус и разграничение ответственности при разработке и использовании инструментов искусственного интеллекта // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 6-3(45). P. 23–27.
 17. Гиноид София является подданным Саудовской Аравии. — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/София_\(робот\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/София_(робот))
 18. Федорук Е. О наделении искусственного интеллекта авторскими правами: мнения, критерии, тенденции в науке и международной правоприменительной практике // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов X Международного юридического форума (IP Форума): в 2 т. Т. 2. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 352–358.
 19. Решение по делу Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879. — URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879>
 20. Решение по делу Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62. — URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062>
- ## REFERENCES
1. URL: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies
 2. Gayvoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I. Gordiyev uz el protivorechiy: tekhnologiya, etika i pravo v voprose o pravosub'yektnosti iskusstvennogo intellekta // Obrazovaniye i pravo. 2020. No 9. S. 196–203.
 3. Stepanova A.V. Problematika pravosub'yektnosti iskusstvennogo intellekta // Simvol nauki. 2020. No 2(12). S. 62–67.
 4. Shestak V.A., Volevodz A.G. Sovremennyye potrebnosti pravovogo obespecheniya iskusstvennogo intellekta: vzglyad iz Rossii // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2019. T. 13, No 2. S. 197–206.
 5. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25, No 2. P. 155–179.
 6. Morkhat P.M. Yunit iskusstvennogo intellekta kak elektronnoye litso // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. 2018. No 2. S. 61–73.
 7. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics // Nishith Desai Associates, May, 2018. — URL: http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf
 8. Krysanova N.V. K voprosu o pravosub'yektnosti i pravovom razvitiy iskusstvennogo intellekta // Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo. 2021. No 1. S. 23–31.
 9. Yuridicheskaya kontseptsiya robotizatsii: monografiya / otv. red. Y.A. Tikhomirov, S.B. Nanba. M., 2019. 240 s.
 10. Popova A.V., Gorokhova S.S., Aznagulova G.M. Teoretiko-pravovyye podkhody k opredeleniyu sistemy principov zakonodatel'nogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta na sovremennom etape razvitiya pravovogo gosudarstva // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. No 3(57). S. 37–43.
 11. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskustvennyy intellekt s tochki zreniya prava // Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskiye nauki. 2018. T. 22, No 1. S. 91–109.
 12. Radutnyy O.E. Criminal liability of the artificial intelligence // Problemy zakonnosti. 2017. Vip. 138. S. 132–141.
 13. Begishev I.R., Khisamova Z.I. Kriminologicheskiye riski primeneniya iskusstvennogo intellekta // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2018. T. 12. No 6. S. 767–775.
 14. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7811/AVTONOMNOST
 15. Yezhevskaya T.I. Avtonomnost' kak lichnostnyy resurs informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti // Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo. 2011. No 5(40). S. 132–136.
 16. Berggol'ts V.V. Pravovoy status i razgranicheniye otvetstvennosti pri razrabotke i ispol'zovanii instrumentov iskusstvennogo intellekta // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 6-3 (45). S. 23–27.
 17. Ginoid Sofiya yavlyayetsya poddannym Saudovskoy Aravii. — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Sofiya_\(robot\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Sofiya_(robot))
 18. Fedoruk E. O nadelenii iskusstvennogo intellekta avtorskimi pravami: mneniya, kriterii, tendentsii v nauke i mezhdunarodnoy pravoprimenitel'noy praktike // Pravovaya zashchita intellektual'noy sobstvennosti: problemy teorii i praktiki: sbornik materialov X Mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (IP Forum): v 2 t. T. 2. M.: Izdatel'skiy tsentr Universiteta imeni O.E. Kutaфина (MGYUA), 2022. S. 352–358.
 19. Resheniye po delu Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879. — URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879>

20. Resheniye po delu Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62. — URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПЕРВЫЕ ШАГИ

К СУБЪЕКТНОСТИ В ПРАВЕ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE FIRST STEPS TO SUBJECTIVITY IN LAW

Дмитрий Анатольевич ЧЕРНОУСОВ

Московский финансово-юридический университет (МФЮА), Москва, Россия,
dmitriich@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9254-8924>

Информация об авторе

Д.А. Черноусов — аспирант Московского финансово-юридического университета (МФЮА), мировой судья судебного участка № 242 района Нагатинский затон Симоновского судебного района г. Москвы

Аннотация. Статья посвящена исследованию автора о положении искусственного интеллекта в праве, продвижении его к получению субъектности в правовом поле. Кратко приведены обобщенные позиции правоведов по исследуемой теме в рамках отечественной юридической мысли, связанной с результатами интеллектуальной деятельности, а также результатами работы искусственного интеллекта и получаемыми результатами, которые могут подпадать под определение результатов интеллектуальной деятельности, охраняемых законом. Автор исследует наиболее значимые решения иностранных судов по признанию результатов работы искусственного интеллекта, произошедшие иные события и оценивает их с точки зрения присвоения феномену правосубъектности. Сделан вывод о необходимости проведения широкого круга исследований по этой теме, дискуссий о месте искусственного интеллекта в правовой системе — вплоть до проведения эксперимента по признанию результатов работы искусственного интеллекта как охраняемых с точки зрения авторского права для установления экономического эффекта.

Цель автора:

- исследовать движение правовой мысли в сторону признания за искусственным интеллектом правосубъектности на примере признания охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности результатов работы программного обеспечения;
- рассмотреть имеющиеся в разработке концепции наделения правосубъектностью искусственного интеллекта;

- установить знаковые этапы правоприменения
- в рамках исследования, которые могут стать первыми
- вехами в становлении правосубъектности интеллектуальных программ;
- сделать выводы о необходимости проведении широкого исследования для установления экономического эффекта и предложить свое видение экспериментальной проверки необходимости признания результатов работы ИИ как охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в рамках правового поля России.

- **Ключевые слова:** искусственный интеллект, правосубъектность, результаты интеллектуальной деятельности, право, интеллектуальная собственность, патент, авторское право

- **Для цитирования:** Черноусов Д.А. Искусственный интеллект: первые шаги к субъектности в праве // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 41, № 2. С. 98–106;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14453>

Dmitry A. CHERNOUSOV

Moscow University of Finance and Law (MFUA), Moscow, Russia,
dmitriich@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9254-8924>

Information about the author

D.A. Chernousov — postgraduate student, Moscow University of Finance and Law (MFUA), Magistrate of the judicial precinct No 242 of the Simonovsky Judicial District of Moscow

- **Abstract.** The article is devoted to the author's research on the position of artificial intelligence in law, its promotion to subjectivity in the legal field. The author briefly summarizes the positions of jurists on the topic under study within the framework of domestic legal thought related to the results of intellectual activity, as well as the results of artificial

intelligence and the results obtained, which may fall under the definition of the results of intellectual activity protected by law. Examines the most significant decisions of foreign courts on the recognition of the results of artificial intelligence, other events that have occurred, and evaluates them from the point of view of attribution to the phenomenon of legal personality. Concludes that it is necessary to conduct a wide range of studies, discussions on the place of artificial intelligence in the legal system, up to conducting an experiment to recognize the results of artificial intelligence as protected from the point of view of copyright in order to establish an economic effect.

The purpose of the author is:

- to investigate the movement of legal thought towards the recognition of legal personality for artificial intelligence, which is taking place at the present time, by the example of the recognition of the results of software work as protected results of intellectual activity;
- to consider the concepts of granting legal personality to artificial intelligence available in the development;
- to establish landmark stages of law enforcement within the framework of the study, which may become the first milestones in the formation of the legal personality of intellectual programs in the world;
- to draw conclusions about the need for a broad study to establish the economic effect, and to offer their vision of an experimental test of the need to recognize the results of AI as protected results of intellectual activity within the legal framework of Russia.

Keywords: artificial intelligence, legal personality, results of intellectual activity, law, intellectual property, patent, copyright

For citation: Chernousov D.A. Artificial Intelligence: The First Steps Towards Subjectivity in Law // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 41(2). P. 98–106; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14453>

Искусственный интеллект (далее также ИИ, робот, программа, программное обеспечение, интеллектуальная программа) — это не только модное направление развития и исследований, но и очень «злободневный» феномен, который проникает во все сферы деятельности человека.

В 2020 г. технологии искусственного интеллекта в своей деятельности применяли лишь 5,4% российских организаций, наиболее интенсивно они используются в организациях финансового сектора (22,8%) и торговли (13%) [10, с. 1]. С учетом тенденции нарастания использования продуктов на основе ИИ в различных сферах деятельности человека, наличия государственных программ по развитию этого явления [25, с. 1], принятой стратегии развития рассматриваемого направления в России до 2030 г. [3], последних тенденций в мире автор полагает, что вопрос субъектности искусственного интеллекта в правовом поле в части авторских прав весьма актуален.

Подходы к регулированию правоотношений, связанных с искусственным интеллектом в различных областях жизни и различных юрисдикциях, реализуются через различающиеся подходы и принципы. Разница в подходах связана с различиями уровня развития отраслей, подходов к инновациям, правовых основ регулирования и существующих направлений стратегического развития и соответственного приоритета в них. В рамках исследования осуществлена попытка рассмотреть концепции наделения правосубъектностью интеллектуальных программ и случаи правоприменения, которые могут послужить основанием для придания правосубъектности искусственному интеллекту с позиций признания результатов работы программ как охраняющихся результатов интеллектуальной деятельности.

В статье автор придерживается определения ИИ, данного в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ [2] и Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 [3]. «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами

интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Определение, введенное в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ, отражает ситуацию с разработанным программным обеспечением и программно-аппаратными комплексами (далее ПО/ПАК) не только на настоящий момент, но и охватывает прогнозируемые направления развития его. Стоит учесть, что это не единственное определение искусственного интеллекта в российском праве [5], но это определение представляется автору наиболее объективным, отражающим суть явления на данном этапе работы с феноменом. В философском течении мысли проблема субъектности явления и возникающие из существования этого явления вопросы, коллизии вызывают бурную дискуссию, которая захватывает даже религию, представители которой также изучают феномен со своих позиций [13]. При такого рода исследованиях затрагиваются существенные вопросы о понятии интеллекта в принципе, о влиянии рассматриваемого вопроса на общество и его место в социуме. Это сложные философские проблемы, но они в итоге влияют на право и субъектность ИИ в государстве и обществе и, разумеется, достойны пристального внимания, учета в разработках правового регулирования и решения проблем, вытекающих из применения такого рода программ.

Существует общепринятая классификация искусственного интеллекта: «слабый интеллект», «сильный интеллект», «суперинтеллект» [29, с. 10]. «Слабый» ИИ — это программное обеспечение / программно-аппаратные комплексы, предназначенные для выполнения одной определенной задачи либо круга сходных узкоспециализированных задач и ограниченный в своей работе и применении рамками этих задач. «Слабый» искусственный интеллект в вопросах решения узкоспециализированной задачи, для которой он предназначен, с большой долей вероятности будет превосходить возможности человека и скоростью реакции, и выносливостью, и точностью действий, и повторяемостью результата. Однако ввиду ограничений, накладываемых на ПО/ПАК его специализированностью, невозможно сказать, что это полноценная замена человека.

Под «сильным» ИИ понимают обычно такое программное обеспечение, которое может воспро-

изводить когнитивные функции человека наравне с копируемыми. Раскрывая это понятие, можно вспомнить о начале исследований в области искусственного интеллекта, в частности о статье Алана Тьюринга «Computing Machinery and Intelligence» [21], считающейся классической. В ней приводится тест для определения интеллектуальности вещи, так называемый тест Тьюринга, суть которого можно описать как ситуацию, в которой при общении с заранее неопределимым собеседником человек не сможет определить, опираясь на вопросы-ответы, кто является собеседником — человек или машина, что даст основание говорить о наличии у машины интеллекта. Конечно, со временем, с развитием научной мысли, возникли и иные точки зрения на этот счет, в том числе упомянем мысленный эксперимент Дж. Сёрля «Китайская комната» [22], которым он опровергал саму возможность создания искусственного интеллекта, равного по возможностям человеку.

Искусственный «суперинтеллект» иногда считают частью «сильного» интеллекта либо ступенью развития — это «компьютерный разум», по своим возможностям превосходящий человеческий. Ник Бостром в своей книге «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» приводит пример, приближающий к пониманию уровня искусственного «суперинтеллекта»: «...мы располагаем данными, что люди, у которых уровень IQ составляет 130 пунктов, с большей вероятностью, чем люди, у которых уровень IQ составляет 90 пунктов, будут лучше учиться и преуспевать... Предположим, мы установили, что в будущем у какого-то ИИ IQ будет равен 6455 пунктам — и что? У нас нет никаких соображений о том, что этот искусственный интеллект вообще собирается делать» [9, с. 106].

На момент написания статьи ни один разработчик не приблизился к созданию «сильного» искусственного интеллекта, отсутствуют и общемировые программы, направленные на его разработку. Соответственно отсутствует и искусственный «суперинтеллект». В статье речь будет идти об имеющихся в употреблении и разрабатываемых программах, программно-аппаратных комплексах, которые представляют собой «слабый» искусственный интеллект, и результатах их деятельности.

Общество и государство не могут игнорировать существование такого явления, как ИИ, он влияет на все сферы деятельности своим существованием, использованием и результатами работы. Ввиду его «злободневности» правоведы разрабатывают концепции, вырабатывают подходы и научно обосновывают точки зрения на законодательное регулирование искусственного интеллекта и результатов его деятельности

[11, с. 10]. В настоящий момент неважно, к какому из трех типов феномена относится программа, главное, что она с точки зрения права представляет собой охраняемое законом произведение в соответствии с положениями ст. 1259, 1261 ГК РФ [1], а также положениями Договора ВОИС по авторскому праву от 20.12.1996 [6], который вступил в силу для России с 5 февраля 2009 г. [4], то есть фактически является объектом права. Но ситуация не стоит на месте, разрабатываются концепции о наделении правосубъектностью искусственного интеллекта, развитии права в киберпространстве в принципе, проникновении стратегии развития искусственного интеллекта в основополагающие компоненты юридической науки [16, с. 29–30; 31, с. 17] не только в отечественной юридической науке и практике, но и за рубежом [7, 32].

Основные ветви юридических концепций о месте искусственного интеллекта в правовом поле представляют собой два основных направления. Первое: такая программа является объектом права — вещью, результатом интеллектуальной деятельности (далее РИД), охраняемым законом. Исследователи придерживаются в рамках данной концепции мнения, что в настоящее время отсутствуют соответствующие предпосылки для государства и общества в необходимости наделения правосубъектностью ИИ [12, с. 225]. Второе направление: ИИ можно представлять как субъект права в той или иной степени.

Существует и третье направление, представляющее собой объединение приведенных позиций в одну: что программу можно одновременно представлять как объект и признавать его субъектность. Но с точки зрения автора, данная компиляция подходов будет либо переходной от отрицания наличия субъектности у ИИ к наличию правосубъектности, либо разрешится точной формулировкой и установлением характеристик отнесения разработок программ и программно-аппаратных комплексов к искусственному интеллекту. Вследствие этого останавливаться отдельно на третьем направлении как на отдельной ветви развития права и отдельной юридической концепции, по мнению автора, в рамках данного исследования не следует.

Направление юридической мысли о признании правосубъектности за ИИ более интересно ввиду его многовариантности и возможной перспективности вследствие ускоренного развития феномена, необходимости регулирования правовых последствий использования такого рода программ, правовой охраны результатов их деятельности. Разумеется, признание правосубъектности за программным обеспечением в любом объеме и виде приведет к вариативности применения права, поскольку в разных государствах

будут заданы отличающиеся друг от друга условия и пройдут собственные эксперименты, исходящие из стратегий развития рассматриваемого явления в соответствующей стране. Существуют также концепции признания результатов работы программного обеспечения как охраняемых РИД. Концептуально можно выделить основные виды признания правосубъектности за ИИ [20, с. 911]:

а) минималистичное, когда роботы могут быть независимыми, но предполагаются всегда зависимыми, как, например, домашнее животное или раб в древнеримском праве — «одушевленная вещь» [24, с. 1];

б) умеренное — роботы могут быть независимым лицом с правоспособностью, но правосубъектность остается зависимой;

в) полное — искусственный интеллект может быть полностью свободным, обладающим правами человека и имеющим свои интересы и соответственно обладающим полной правосубъектностью.

Из этого следует и отношение к результатам работы такого феномена, поскольку существуют «созидательные» виды искусственного интеллекта. Под ними в данной статье пониматься ПО/ПАК, которые запрограммированы на создание конечного результата работы, программы в виде одного из объектов авторского права, охраняемых в соответствии с положениями ст. 1259 ГК РФ [1].

Можно выделить следующие основные концепции признания результатов работы искусственного интеллекта: 1) результаты работы признаются РИД с охраняемыми в соответствии с законодательством правами за его создателем; 2) результаты работы признаются результатом интеллектуальной деятельности с охраняемыми в соответствии с законодательством правами за владельцем данной программы; 3) результаты работы признаются за использовавшим данное ПО/ПАК. На искусственный интеллект распространяется действие статуса юридического лица в том или ином варианте, вплоть до создания отдельного вида такого лица [8; 19, с. 40]. Автор останавливается именно на результатах работы искусственного интеллекта по причине того, что видит в этом один из этапов, которые, как будет понятно из дальнейшего исследования, приводят к выделению правосубъектности для явления и влияют на развитие правовых концепций непосредственно и неразрывно.

Необходимость исследования возможностей наделения правосубъектностью искусственного интеллекта обосновывается также тем, что необходимо не только регулировать гражданские правоотношения, связанные с ним, но и анализировать варианты иного рода регулирования последствий применения феномена, в том числе уголовно-правовые [19, с. 99]

с учетом обязательности установления соответствующей юридической ответственности, поскольку обязанность субъекта права — соблюдать требования, установленные юридической нормой, обеспеченные возможностью государственного принуждения [18, с. 8; 30, с. 182].

Признание ИИ субъектом права предполагается автором как весьма неблизкая перспектива, зависящая от множества факторов.

Общемировые тенденции в рассмотрении споров в отношении результатов интеллектуальной деятельности, включающих в себя результаты работы искусственного интеллекта, могут быть разнонаправленными. Так, в России на настоящий момент нет правовых оснований для признания работ, полученных с использованием результатов работы такого программного обеспечения, охраняемыми с точки зрения авторского права, если автором/соавтором предполагается программно-аппаратный комплекс [15, с. 108]. Суды в единичных случаях выступают за охрану результатов деятельности искусственного интеллекта как объекта, охраняемого в рамках авторского права и права интеллектуальной собственности. В мире первые шаги по признанию результатов работы искусственного интеллекта как охраняемых в праве интеллектуальной собственности уже делаются. В данной статье автор рассматривает виды «слабого» ИИ, которые могут заниматься созиданием, т.е. результатом деятельности является объект, охраняемый как результат интеллектуальной деятельности в соответствии с законом. Это могут быть музыкальные произведения, подборки данных, различные тексты, медицинские препараты [17, с. 82], химические соединения и даже архитектурные проекты.

Существуют судебные решения, которые можно назвать именно первыми шагами по признанию результатов работы ИИ как охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Как правило, они основываются на консервативном подходе к пониманию сути творчества и связаны с поиском вклада человека в результат работы программы. Таким образом защищаются результаты деятельности ПО/ПАК.

Автор выделил представляющие интерес споры, произошедшие в Китае. Примером классического подхода к пониманию результатов интеллектуальной деятельности и оценке наличия творческого вклада в результат работы ИИ является решение Пекинского интернет-суда по иску Beijing Film Law Firm (далее — Film Law, истец) к Beijing Baidu Netcom Science & Technology Co., Ltd. (далее — Baidu, ответчик) от 25 апреля 2019 г. [26]. Суть спора сводится к тому, что общество Baidu незаконно использовало аналитический отчет юридической фирмы Film Law от 9 сен-

тября 2018 г., размещенный в WeChat-e, перепечатав его за исключением отдельных частей. Была удалена подпись, без разрешения истца и ссылки на исходный отчет общество разместило материал на подконтрольном сайте 10 сентября 2018 г. Ответчик Baidu возражал относительно заявленного требования, ссылаясь на то, что при создании спорной статьи использовалось аналитическое ПО и, следовательно, истец Film Law не создал отчет посредством собственного интеллектуального труда, соответственно статья не подпадает под результат деятельности, защищаемый законом об авторском праве. Суд нашел основания для защиты результатов деятельности интеллектуального программного обеспечения и присудил компенсацию с Baidu в пользу Film Law в разумных пределах. Автор считает, что данное решение напрямую не указывает, что результат деятельности программы является защищаемым с точки зрения авторского права, но при этом в своем роде определяет вектор развития для юриспруденции в области защиты результатов деятельности ИИ как охраняемых с точки зрения авторского права РИД.

Еще одно заслуживающее внимания решение — дело Shenzhen Tencent Computer System Co. Ltd. (далее — Tencent) против Shanghai Yingxun Technology Co. Ltd. (далее — Yingxun). Решение было вынесено Народным судом округа Наньшань Шэньчжэнь 25 ноября 2019 г. [27, с. 1]. В данном споре компания Tencent подала иск к Yingxun за перепечатывание отчета, созданного ПО на базе ИИ «Tencent Robot Dreamwriter» (далее — Dreamwriter), полностью, включая подпись. В своем решении суд опирался на критерии, согласно которым работа искусственного интеллекта была отнесена к охраняемым как результат интеллектуальной деятельности в соответствии с Законом об авторских правах Китайской народной республики. Несмотря на такой вывод, суд установил, что деятельность программного обеспечения охраняется как РИД, в силу того что организация и выбор ввода данных, установка условий срабатывания, а также выбор шаблона и стиля корпуса командой разработчиков Dreamwriter были интеллектуальной деятельностью, непосредственно связанной с конкретным выражением статьи. То есть результат работы программы в силу приложения к его созданию человеческого интеллекта в том или ином виде является охраняемым результатом интеллектуальной деятельности человека, в данном случае — группы людей. Применяется другой концептуальный подход к охране результатов работы ПО, который, в целом, сводится к выбору признания необходимости охраны результатов деятельности ИИ как охраняемых авторским правом.

Автор обращает внимание и на другой континент, чтоб рассмотреть предпринимаемые шаги в становлении правосубъектности искусственного интеллекта. Революционное в этом плане событие произошло в Африке. В ЮАР был зарегистрирован патент № 2021/03242 с датой регистрации 24 июня 2021 г. на изобретение «Пищевой контейнер, основанный на фрактальной геометрии», автором которого признано ПО «DABUS», а правообладателем — Stephen L. Thaler, гражданин США [28, с. 2]. Thaler до этой регистрации патента пытался неоднократно зарегистрировать данное изобретение за искусственным интеллектом, но первая имевшая успех во всем мире заявка была принята к регистрации именно в ЮАР [23, с. 1]. Данный патент за авторством интеллектуальной программы — исключительный случай, но это уже огромный шаг к признанию правосубъектности интеллектуальных программ.

Россия пока остается на консервативной позиции по признанию результатов деятельности ИИ, охраняемых с точки зрения авторского права, и по наделению их правосубъектностью. Автором РИД может быть только человек, несмотря на развитие концепций о правосубъектности искусственного интеллекта в среде правоведов, наличие оживленной дискуссии. Но ведущие юристы-правоведы сходятся во мнении, что стоит продолжать исследования в области эффективности правового регулирования суверенной технологии искусственного интеллекта, «технологического суверенитета» и государства в эпоху высоких технологий [14, с. 53]. В том числе необходимо учитывать опыт КНР, Тайваня, Сингапура, Японии, США, ЕС [32] и Франции — как внутригосударственный, так и передаваемый в рамках сотрудничества в международных организациях — для исключения выявленных негативных последствий применения права, купирования стратегических ошибок и установления разумного лидерства государства в сфере ИИ.

В России приняты законы о проведении экспериментов в части использования интеллектуального программного обеспечения в хозяйственной деятельности, но вопрос именно авторского права и признания результатов деятельности программ не решен даже в экспериментальном порядке. Не включены в экспериментальные структуры также экспертные сообщества, научные, исследовательские организации в прямом порядке. Конечно, это недостаток, но, на взгляд автора, легко исправимый как минимум путем публикации или предоставления доступа к ходу и результатам экспериментов регулярно и сбором предложений соответствующих привлекаемых сообществ, в дальнейшем — путем проведения представительных обсуждений и учета их результатов.

Как один из вариантов экспериментальной проверки экономического эффекта признания результатов работы интеллектуальной программы в качестве охраняемых авторским правом автор предлагает рассмотреть возможность создания отдельного реестра / ветки реестра патентов/изобретений/произведений, созданных с помощью ИИ или самим созидательным ИИ либо возможность введения при регистрации дополнительного параметра, указывающего на использование соответствующего программно-аппаратного комплекса при создании охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности. Конечно, ни одно программное обеспечение не сможет появиться без деятельности интеллекта человека изначально. Можно даже сказать, что искусственный интеллект будет «ребенком человеческого интеллекта, производной от него», но из концепции его развития следует, что он может перерасти человека в интеллекте и подняться на недостижимую высоту. Поэтому к моменту распространения интеллектуального программного обеспечения на бытовом уровне повсеместно необходимо установить понятные правила использования в правовом поле этого феномена, разработать соответствующие нормативные акты.

Такой взгляд автора дает основания говорить о необходимости как можно более широкой дискуссии для выработки правил использования ИИ, мер ответственности за его применение. Возможность охраны результатов его работы как охраняемых РИД в том или ином виде, дискуссии о чем сейчас идут в общемировом масштабе, автор считает назревшей и стоящей самого пристального внимания, вплоть до проведения эксперимента и выявления экономического эффекта. Шаги по наделению правосубъектностью феномена уже происходят, вольно или невольно правовое сообщество сталкивается с необходимостью закреплять охрану результатов работы искусственного интеллекта и охранять получаемый экономический эффект. Можно также предположить, что именно с признания результата деятельности интеллектуальных программ как результата интеллектуальной деятельности и начнется фактическое наделение правосубъектностью искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания

- необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве — и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Российская газета от 28.04.2020 № 92.
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.) от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.
4. Распоряжение Правительства РФ от 21.07.2008 № 1052-р «О присоединении Российской Федерации к Договору Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву, принятому Дипломатической конференцией по некоторым вопросам авторского права и смежных прав в г. Женеве 20 декабря 1996 г.» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. II). Ст. 3677.
5. Приказ Росстандарта от 13.12.2011, «ГОСТ Р 43.0.7-2011. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Гибридно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие. Общие положения» от 13.12.2001 № 1242-ст // М.: Стандартинформ. 2013.
6. Договор ВОИС по авторскому праву (вместе с «Согласованными заявлениями в отношении договора ВОИС по авторскому праву») (принят 20.12.96 Дипломатической конференцией) // Официальный сайт ВОИС. — URL: <http://www.wipo.int/treaties/ru> (дата обращения: 23.04.2022).
7. EU Declaration of cooperation on Artificial Intelligence, 10.04.2018. — URL: <https://ec.europa.eu/jrc/communities/en/node/1286/document/eu-declaration-cooperation-artificial-intelligence> (дата обращения: 23.04.2022).
8. Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым нормам в отношении робототехники 2015/2103 (INL). — URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 22.04.2022).
9. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 404 с.
10. Абдрахманова Г.И., Васильковский С.А, Вишневский К.О. Туровец Ю.В. Использование технологий искусственного интеллекта в России — 16.12.2021. — URL: <https://issek.hse.ru/news/542527560.html> (дата обращения: 12.04.2021).
11. Агibalова Е.Н., Перекрестова Е.А. Право авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом // Эпоха науки. 2020. № 24.
12. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 220–238.
13. Зинковский С.А. Православное богословие личности и проблематика искусственного интеллекта // Христианское чтение. 2020. № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnoe-bogoslovie-lichnosti-i-problematika-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 12.04.2022).
14. Каплиев А.С. Критика национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2(182). С. 51–53.
15. Максимов А.Г. Искусственный интеллект как автор и соавтор литературного произведения // Вестник ННГУ. 2021. № 1. С. 108–110.
16. Федотов М.А. Киберпространство как сфера обитания права // Бюллетень ЮНЕСКО по авторскому праву. 1999. Т. XXXII. № 1. С. 21–30.
17. Шахназаров Б.А. Применение технологий искусственного интеллекта при создании вакцин и иных объектов интеллектуальной собственности (правовые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7(116). С. 76–90.
18. Юзефович Ж.Ю. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2004. 172 с.
19. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-elektronnogo-litsa-teoretiko-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 12.04.2022).
20. Mulgan T. Corporate Agency and Possible Futures // Journal of Business Ethic. 2019. № 154. С. 901–916.
21. Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind: Oxford: Oxford University Press. 1950. № 59. Р. 433–460.
22. Searle J. Minds, brains, and programs // Behavioral and brain sciences. — 1980. Т. 3, No 3. Р. 417–424.
23. Артамонов А. Когда изобретение изобретает: можно ли зарегистрировать патент на искусственный интеллект? — URL: <https://onlinepatent.ru/journal/patent-artificial-intelligence/> (дата обращения: 14.04.2022).
24. Коллизии «права роботов». — URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=195514> (дата обращения: 22.04.2022).

25. Минобрнауки России выделило 1,5 млрд рублей на исследования и разработки в области искусственного интеллекта, 29.12.2021. — URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46078 (дата обращения: 14.04.2022).
26. Beijing Internet Court Civil Judgment (2018) Jing 0491 Min Chu No 239. — URL: [http://www.chinadaily.com.cn/specials/BeijingInternetCourtCivilJudgment\(2018\)Jing0491MinChuNo.239.pdf](http://www.chinadaily.com.cn/specials/BeijingInternetCourtCivilJudgment(2018)Jing0491MinChuNo.239.pdf) (дата обращения: 14.04.2022).
27. Di Lazzaro F., Di Gravio M. "This article was automatically written by Tencent Dreamwriter robot". — URL: <https://iplens.org/2021/02/24/this-article-was-automatically-written-by-tencent-dreamwriter-robot/> (дата обращения: 14.04.2022).
28. Acceptance of complete specification. — URL: <https://www.ipwatchdog.com/wp-content/uploads/2021/07/AP7471ZA00-Notice-of-Acceptance-1.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).
29. Малыгин И.Г., Комашинский В.И., Михалев О.А. Предложения для концепции развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2019. № 4(83). С. 8–12.
30. Овчинникова Т.А. Понятие и структура института юридической ответственности // Образование и право. 2022. № 2. С. 180–182.
31. Федотов М.А. Роль университетской науки в формировании права искусственного интеллекта // Цифровая среда и политика университетов в сфере интеллектуальной собственности: сб. научных работ / отв. ред. проф. И.А. Блинец. М.: Юрист, 2021. 208 с. С. 9–19.
32. Раскрытие искусственного интеллекта: 10 шагов для защиты прав человека // Рекомендация Комиссара Совета Европы по правам человека от 14 мая 2019 г. — URL: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/unboxing-artificial-intelligence-10-steps-to-protect-human-rights> (дата обращения: 10.05.2022).
- 6 i 10 Federal'nogo zakona "O personal'nyh dannyh" ot 24.04.2020 No 123-FZ // Rossijskaya gazeta. 28.04.2020 No 92.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 No 490 "O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii (vmeste s "Nacional'noj strategiej razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 g." ot 10.10.2019 No 490 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 14.10.2019 No 41. St. 5700.
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 21.07.2008 No 1052-r "O prisoedinenii Rossijskoj Federacii k Dogovoru Vsemirnoj organizacii intellektual'noj sobstvennosti po avtorskomu pravu, prinyatomu Diplomaticheskoy konferenciej po nekotorym voprosam avtorskogo prava i smezhnyh prav v g. Zheneve 20 dekabrya 1996 g." // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. No 30 (ch. II). St. 3677.
5. Prikaz Rosstandarta ot 13.12.2011 "GOST R 43.0.7-2011. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Informacionnoe obespechenie tekhniki i operatorskoj deyatel'nosti. Gibridno-intellektualizirovannoe chelovekoinformacionnoe vzaimodejstvie. Obshchie polozheniya" ot 13.12.2001 No 1242-st. M.: Standartinform. 2013.
6. Dogovor VOIS po avtorskomu pravu (vmeste s «Soglasovannymi zayavleniyami v otnoshenii dogovora VOIS po avtorskomu pravu») (prinyat 20.12.96 Diplomaticheskoy konferenciej) // Oficial'nyj sajт VOIS. — URL: <http://www.wiro.int/treaties/ru> (дата обращения: 23.04.2022).
7. EU Declaration of cooperation on Artificial Intelligence, 10.04.2018. — URL: <https://ec.europa.eu/jrc/communities/en/node/1286/document/eu-declaration-cooperation-artificial-intelligence> (дата обращения: 23.04.2022).
8. Rezolyuciya Evropejskogo parlamenta ot 16 Fevralya 2017 g. s rekomendacijami Komissii po grazhdansko-pravovym normam v otnoshenii robototekhniki 2015/2103 (INL). — URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 22.04.2022).
9. Bostrom N. Iskusstvennyj intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii: per. s angl. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 404 s.
10. Abdrakmanova G.I., Vasil'kovskij S.A., Vishnevskij K.O., Turovec Yu.V. Ispol'zovanie tekhnologij iskusstvennogo intellekta v Rossii. 16.12.2021. — URL: <https://issek.hse.ru/news/542527560.html> (дата обращения: 12.04.2021).
11. Agibalova E.N., Perekrystova E.A. Pravo avtorstva na proizvedeniya, sozdannye iskusstvennym intellektom // Epoha nauki. 2020. No 24.
12. Gabov A.V., Havanova I.A. Evolyuciya robotov i pravo XXI veka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No 435. S. 220–238.

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. CHast' chetvertaya: Federal'nyj zakon ot 18.12.2006 № 230-FZ // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2006. No 52 (ch. 1). St. 5496.
2. Federal'nyj zakon ot 24.04.2020 No 123-FZ "O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu special'nogo regulirovaniya v celyah sozdaniya neobhodimyh uslovij dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v sub"ekte Rossijskoj Federacii - gorode federal'nogo znacheniya Moskve i vnesenii izmenenij v stat'i

13. Zinkovskij S.A. Pravoslavnoe bogoslovie lichnosti i problematika iskusstvennogo intellekta // Hristianskoe chtenie. 2020. No 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnoe-bogoslovie-lichnosti-i-problematika-iskusstvennogo-intellekta> (data obrashcheniya: 12.04.2022).
14. Kapliev A.S. Kritika Nacional'noj strategii razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 g. // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. No 2(182). S. 51–53.
15. Maksimov A.G. Iskusstvennyj intellekt kak avtor i soavtor literaturnogo proizvedeniya // Vestnik NNGU. 2021. No 1. S. 108–110.
16. Fedotov M.A. Kiberprostranstvo kak sfera obitaniya prava. Byulleten' YUNESKO po avtorskomu pravu. 1999. T. XXXII. No 1. S. 21–30.
17. Shahnazarov B.A. Primenenie tekhnologii iskusstvennogo intellekta pri sozdanii vakcin i inyh ob"ektov intellektual'noj sobstvennosti (pravovye aspekty) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020.No 7(116). S. 76–90.
18. Yuzefovich, Zh.Yu. Funkcii yuridicheskoy otvetstvennosti i formy ih realizacii po rossijskomu zakonodatel'stvu: special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve": diss. ... kand. yur. nauk. M., 2004. 172 s.
19. Yastrebov O.A. Pravosub"ektnost' elektronnoho lica: teoretiko-metodologicheskie podhody // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2018. No 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-elektronnoho-litsa-teoretiko-metodologicheskie-podhody> (data obrashcheniya: 12.04.2022).
20. Mulgan T. Corporate Agency and Possible Futures. // Journal of Business Ethic. 2019. No 154. S. 901–916.
21. Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind: Oxford: Oxford University Press, 1950. No 59. P. 433–460.
22. Searle J. Minds, brains, and programs. // Behavioral and brain sciences. 1980. T. 3, No 3. P. 417–424.
23. Artamonov A. Kogda izobretenie izobretaet: mozno li zaregistrovat' patent na iskusstvennyj intellekt? — URL: <https://onlinepatent.ru/journal/patent-artificial-intelligence> (data obrashcheniya: 14.04.2022).
24. Kollizii «prava robotov». URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=195514> (data obrashcheniya: 22.04.2022).
25. Minobrnauki Rossii vydilo 1,5 mlrd rublej na issledovaniya i razrabotki v oblasti iskusstvennogo intellekta, 29.12.2021. — URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46078 (data obrashcheniya: 14.04.2022).
26. Beijing Internet Court Civil Judgment (2018) Jing 0491 Min Chu No 239. — URL: [http://www.chinadaily.com.cn/specials/BeijingInternetCourtCivilJudgment\(2018\)Jing0491MinChuNo.239.pdf](http://www.chinadaily.com.cn/specials/BeijingInternetCourtCivilJudgment(2018)Jing0491MinChuNo.239.pdf) (data obrashcheniya: 14.04.2022).
27. Di Lazzaro F., Di Gravio M. This article was automatically written by Tencent Dreamwriter robot". — URL: <https://iplens.org/2021/02/24/this-article-was-automatically-written-by-tencent-dreamwriter-robot> (data obrashcheniya: 14.04.2022).
28. Acceptance of complete specifcation. — URL: <https://www.ipwatchdog.com/wp-content/uploads/2021/07/AP7471ZA00-Notice-of-Acceptance-1.pdf> (data obrashcheniya: 14.04.2022).
29. Malygin I.G., Komashinskij V.I., Mihalev O.A. Predlozheniya dlja koncepcii razvitiya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii // Transport Rossijskoj Federacii. Zhurnal o nauke, praktike, jekonomike. 2019. No 4 (83). S. 8–12.
30. Ovchinnikova T.A. Ponjatie i struktura instituta juridicheskoy otvetstvennosti // Obrazovanie i pravo. 2022. No 2. S. 180–182.
31. Fedotov M.A. Rol' universitetskoy nauki v formirovanii prava iskusstvennogo intellekta // Cifrovaja sreda i politika universitetov v sfere intellektual'noj sobstvennosti: sb. nauchnyh rabot / otv. red. prof. I.A. Bliznec. M.: Jurist, 2021. 208 s. S. 9–19.
32. Raskrytie iskusstvennogo intellekta: 10 shagov dlja zashhity prav cheloveka // Rekomendacija Komissara Soveta Evropy po pravam cheloveka ot 14 maja 2019 g. — URL: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/unboxing-artificial-intelligence-10-steps-to-protect-human-rights> (data obrashcheniya 10.05.2022).

О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно – МНОЦ «Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ») создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» от 7 августа 2020 г. Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, основанной 12 июня 1998 г.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть Кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития межуниверситетского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более 830 кафедр и 20 специализированных кафедральных сетей в 110 странах мира.

Кафедра ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между вузами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. Основопологающим принципом Программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО иницируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО специализируется в области авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Центра осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)». Журнал публикует научные статьи и эссе, аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. В их числе: актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право ин-

теллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Анонсируются научные мероприятия, содержится обзор новинок монографической и учебной литературы.

Журнал выпускается на основании Соглашения между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам.

Журнал с 2014 г. входит в Перечень рецензируемых научных журналов ВАК при Минобрнауки России.

Распространяется по России и другим странам СНГ: Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Распространение за рубежом: East View Information Services <http://www.eastview.com>. Архив журнала доступен на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://tis.hse.ru/>.

Контакты:

109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;

тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;

www.hse.ru/unesco/

tis@hse.ru

UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights

ABOUT UNESCO CHAIR

The history of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dates back to June 1998, when the Director General of UNESCO and the President of the Griboedov' Institute of International Law and Economics (IILE) signed an Agreement on the establishment of the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights. Over the last years the UNESCO Chair has become the regional center of international cooperation on the issues of Intellectual Property Rights and Information Law in the Commonwealth of Independent States (CIS). It has assisted in the establishment of similar UNESCO Chairs in Belarus, Georgia and Moldova.

On March 20, 2009 the UNESCO Chair changed the host university. At present the UNESCO Chair is an International research and educational center at the Higher School of Economics (HSE University).

The UNESCO Chair conducts its work in cooperation with the RF Commission on UNESCO issues, with Sector of Culture and Sector of Communication and Information of the UNESCO Secretariat as well as with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education.

The activity of the Chair has a comprehensive character and covers Copyright and Neighboring Rights, as well as Information Law, including Mass Media Law, Cyberspace Law, Artificial Intelligence etc.

The Chairholder is the Honorable Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Mikhail A. Fedotov. He has many years of teaching experience in different Law Schools. In the 1990s he has served as a Minister of Press and Information of the RF, a Director General of the Russian Agency of Intellectual Property under the RF President, and he was the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO, with the diplomatic rank of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary. He is one of the authors of the Russian Media Law 1990-1991 and one of the creators of the Copyright Law 1993 along with some other federal acts. Since 2010 to 2019 he served as an Advisor to the President of RF and chairman of the Presidential Council for the Civil Society Development and Human Rights.

Today the UNESCO Chair is a large scientific team uniting leading experts working in different universities and research institutions, federal legislative and executive bodies, law firms, copyright societies, in different regions and even in different countries (including members from Belarus and Ukraine, the United States, Germany and other countries). They share common interest in the field of Intellectual Property Rights, Information Law, Media Law etc. Due to joint research activities of the UNESCO Chair members in 1998–2020 it has gained the position of a leading expert center in the Russian Federation.

The main spheres of the UNESCO Chair's activities in the abovementioned areas are as follows:

- conducting basic scientific researches and publishing their results in the scientific journal (quarterly) *Works of the Intellectual Property*, as well as on the Chair's website www.unescochair.ru;
- hosting conferences, seminars, presentations and other activities aimed to disseminate knowledge and technology;
- promoting the development of skills for scientific activities for educators, students and postgraduates of HSE, training graduate students on intellectual property right issues, and information law;
- popularization of contemporary approaches to the creation, protection and use of intellectual property, development of information society and drafting of the law regulating the Internet and traditional media;
- rendering assistance to profile committees and the commissions of chambers of the Russian Parliament, to the RF Audit Chamber, as well as RF Constitutional and Supreme Courts, RF Public Chamber and other state bodies in the development of statutory acts and formation of the law-enforcement practice;
- providing scientific consultation to different organizations and individuals, whose activity deals with the creation, use and protection of intellectual and information products;
- creating original educational programs on the basis of the special teaching program prepared by UNESCO;
- cooperation with UNESCO, WIPO and other UN agencies as well as with the OSCE and the Council of Europe within the Chair's sphere of activities;
- establishing links with universities and scientific organizations in Russia and overseas, engaged in teaching and research;
- promotion of regional and international inter-university cooperation in the development of teaching and research;
- the analysis and systematization of existing legislation, enforcement practice and research results;
- other activities within the UNITWIN/UNESCO Chairs Program.

Contact information on the Chair

Address for correspondence and visiting:

109028, Moscow, Bolshoy Trehsvyatitskiy lane, 3;

room 436; tel./fax: +7(495)772-9590 # 23017;

www.hse.ru/unesco/; www.unescochair.ru;

e-mail: mfedotov@hse.ru; rbudnik@hse.ru; nyakimovskaya@hse.ru